

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (24) 2017

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (24) 2017

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2017

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (24) 2017

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2017

CONTENTS

No 1 (24) 2017

Arkady Baulo, Natalia Tuchkova. Myth about diving birds who pulled out the Earth, world structure and the way into the world of the dead: folklore heritage of the Selkups of Upper Ket' in the materials of the Novosibirsk ethnographic expedition of 1980.....	7
Sergey Kovylin, Natalia Saynakova. On the specifics of the Middle-Ob dialect and trying to determine the Šöšqup / Šöšqum dialectal local group settlement borders based on toponymy.....	19
Elena Napolnova. Verbs of motion in the modern Turkish (vertical direction).....	34
Yulia Normanskaya. Clarification of the Protoselkup reconstruction of vowels of the first syllable. Part II. Analysis of archival audio materials on the Togur sub-dialect of the Middle-Ob dialect of Selkup.....	48
Sonya Oskolskaya, Natalia Stoynova. Evolution of the existential negation marker in Nanai	59
Sergei Tatevosov. Will, will and will: on the semantics of tense in the Mishar dialect of Tatar	77
Style sheet	93

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (24) 2017

А. В. Бауло, Н. А. Тучкова. Миф о ныряющих птицах, доставших землю, устройстве мира и дороге в мир умерших: фольклорное наследие селькупов Верхней Кети в материалах новосибирской этнографической экспедиции 1980 г.	7
С. В. Ковылин, Н. В. Сайнакова. О специфике среднеобского диалекта и выявлении границ расселения диалектно-локальной группы шёшкумов / шёшкупов по данным топонимики	19
Е. М. Напольнова. Глаголы перемещения в современном турецком языке (вертикальное направление).....	34
Ю. В. Норманская. Уточнение праселькупской реконструкции гласных первого слога. Часть II. Анализ архивных аудиоматериалов по тогурскому говору среднеобского диалекта селькупского языка.....	48
С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Эволюция показателя экзистенциального отрицания в нанайском языке	59
С. Г. Татевосов. Будет, будет и будет: о семантике времени в мишарском диалекте татарского языка	77
Требования к оформлению статей.....	93

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

**Миф о ныряющих птицах, доставших землю,
устройстве мира и дороге в мир умерших:
фольклорное наследие селькупов Верхней Кети
в материалах новосибирской этнографической экспедиции 1980 г.¹**

Несмотря на то, что во второй половине XX в. нарымских селькупов Томской области посещали разные научные экспедиции — лингвистические (поездки А. П. Дульзона и его учеников — Э. Г. Беккер, А. И. Кузьминой, А. А. Ким, Н. П. Максимовой, Ю. А. Морева и др.²), антропологические (экспедиции В. А. Дремова, А. Н. Багашева), этнографические (экспедиции Г. И. Пелих, И. Н. Гемуева, и др.³), тем не менее, специализированных фольклорных сборов никогда не проводилось. Сбор фольклорного материала были исключительно попутными, и сохранились лишь как вкрапления в материалах иных по целям и задачам научных экспедиций.

Об экспедиции к селькупам в 1980 г.

С переходом в конце 1970-х гг. Г. И. Пелих на работу в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР центр работ по изучению истории и культуры селькупов на несколько лет переместился из Томска в Новосибирск. Экспедиции 1978 и 1979 гг. были посвящены изучению северной группы селькупов в бассейнах рр. Турухан и Таз, экспедиция 1980 г. — южной группы селькупов в бассейнах рр. Кеть и Тым.

Руководитель экспедиции
Измаил Нухович Гемуев, 1980 г.
Фото: А. В. Бауло

В составе этнографического отряда летом 1980 г. работали старший лаборант ИИФФ СО АН СССР И. Н. Гемуев (перед отъездом защитивший кандидатскую диссертацию) и А. В. Бауло, студент 4-го курса гуманитарного факультета НГУ. Научным руководителем экспедиции была не принимавшая в ней непосредственного участия Г. И. Пелих.

Работа отряда продолжалась два месяца: с 20 июня по 20 августа. Из Новосибирска сотрудники отряда с моторной лодкой «Прогресс-4» и двумя лодочными моторами на колесном пароходе «Барнаул» дошли до Колпашево. Здесь была осуществлена перегрузка на плотовод БТ, доставивший отряд в д. Усть-Озерное на р. Кеть; один из местных домов стал экспедиционной базой. Сбор материала продолжался в течение месяца в бассейне упомянутой реки в деревнях Марковы, Лукьяново, Катайга, Айдара, Степановка, Максимкин Яр. Основная работа с информаторами проходила в Усть-Озерном. Там же проживал Н. И. Кондуков, известный селькупский шаман, общение с которым принесло наибольшую пользу. Сложно сказать, чем приглянулся ему И. Н. Гемуев, но общение их было многодневным и в полном смысле этого слова многоночным. Н. И. Кондуков на протяжении ряда ночей исполнял фольклорные тексты и напевы, пребывая в состоянии транса. К сожалению, каких-либо подробностей происходившего шаманского сеанса не сохранилось.

Методика записей И. Н. Гемуева была достаточно простой: он быстро, но практически дословно, успевал записывать текст

¹ Статья подготовлена по гранту Российского научного фонда (проект 14-50-00036).

² Хронологию экспедиций А. П. Дульзона и его учеников см. [Галкина 1996]; перечень собранных томскими лингвистами материалов по селькупскому языку, хранящихся в лаборатории языков народов Сибири ТГПУ см. [Каталог 1998].

³ Список экспедиций Г. И. Пелих и селькупских экспедиций И. Н. Гемуева см. [Бауло, Кулемзин, Львова, Тучкова 2011].

Николай Измаилович Кондуков — шаман и сказитель, 1980 г.

Фото: А. В. Бауло

на русском языке. Часть текстов была записана на магнитофон, а дочь Н. И. Кондукова позже перевела их.

По окончании работы в бассейне р. Кеть отряд на проходящем катере с баржой добрался от Усть-Озерного до Колпашево, где в местном краеведческом музее был описан известный священный амбарчик и содержащиеся в нем духи-покровители.

Из Колпашево отряд теплоходом переехал в Усть-Тым. Из Усть-Тыма на моторной лодке И. Н. Гемуев и А. В. Бауло поднялись до д. Напас, которая стала базой для работы в бассейне р. Тым. Из Напаса с группой проводников И. Н. Гемуев совершил поездку на правые притоки Тыма в его верховья, где обследовал разрушенный временем шаманский лабаз эвенков. Он находился примерно в 10 км к от устья р. Урикич, правого притока Тыма, примерно в 200–220 км выше Ванжиль-Кынака.

Шаманская атрибутика принадлежала Ивану Степановичу Тугундину, эвенку, умершему в 1950 г. В 1962 г. его сын Дмитрий вместе с М. Самаровым построил лабаз и сложил туда часть шаманского инвентаря отца. Бубен и колотушки при этом продолжали храниться на чердаке избышки И. С. Тугундина недалеко от устья р. Урикич; в 1979 г. при реконструкции избышки охотниками-любителями вещи были поломаны и выброшены.

Лабаз представлял собой сруб из колотых вдоль пополам нетолстых бревен, стоявший на 4-х ножках высотой 1,5 м; крыша была выполнена из колотых плах, покрытых берестой. Длина сруба 2,7 м, высота 0,8 м, ширина 1,5 м. Инвентарь размещался в 13 турсуках и двух круглых коробках (несколько емкостей были заняты под бытовые вещи). Летом 1979 г. медведь опрокинул лабаз, крыша слетела, практически все вещи из ткани и меха сгнили, турсуки истлели.

Сохранилась лишь следующая одежда и предметы культа:

— одежда черного цвета с клочками медвежьего меха; в нее вшиты два железных креста, кольцо и зооморфные фигурки; на одежду нашиты два медных изображения кистей, две медных подвески, две круглые железные подвески. В одежду было завернуто 29 железных подвесок (антропоморфные фигурки, витые стержни, лук со стрелой и пр.);

— остатки меховой одежды желтого цвета, к ней пришиты 3 железных подвески;

— пять нагрудников;

— железная шаманская корона в деревянном цилиндре, затянута кожаным чехлом;

- железная шаманская корона большого размера;
- детали обуви с бисером, пятью железными и двумя медными подвесками;
- металлические детали бубна;
- четыре литые медные солярные подвески;
- камень шарообразной формы;
- плоский камень;
- две стрелы, две сабли; железный посох; они обмотаны истлевшими тряпками и мехом.

Судя по составу инвентаря, можно предположить, что в лабазе хранилось несколько комплектов шаманского одеяния и снаряжения; возможно, они принадлежали не только И. С. Тугундину, но и его родственникам или предкам.

Ряд бытовых событий и происшествий экспедиции 1980 г. кратко описаны ранее [Бауло 2007: 198—201].

В ходе полевых работ сотрудники отряда вели дневники, которые впоследствии хранились в кабине И. Н. Гемуева. Сохранилось три тетради записей И. Н. Гемуева, тетрадь А. В. Бауло не сохранилась. В ходе поездки последний собирал материал по обычному праву селькупов, который вошел в его дипломную работу «Селькупский суд князцов (*коков*)» (1981).

Следует заметить, что интерес И. Н. Гемуева к селькупской тематике после защиты кандидатской диссертации значительно угас, его научные планы надолго оказались связаны с религиозным мировоззрением манси. Имеющийся оригинальный, а в ряде случаев и уникальный полевой материал практически остался невостребованным. Безусловно, следует в дальнейшем найти место для его публикации.

Записи осуществлены в школьных общих тетрадях: в первой тетради заполнен 71 лист, во второй 18 листов, в третьей 36 листов. В это число входит описание атрибутов амбарчика из музея: в первой тетради 7 страниц, в третьей 22 страницы.

О фольклорных материалах, записанных в экспедиции 1980 г.

Всего в представленных тетрадях записано 15 фольклорных произведений. Из них 7 текстов были опубликованы И. Н. Гемуевым и затем неоднократно переиздавались. Это следующие тексты:

1. «*Итте* с сестрой (*имьясыкыт*) жили, много ли, мало ли. *Имья* заболела. Она заболела, но совсем не заболела. *Пюнегусэ* [мифическое существо, людоед] ходил, ходил-похаживал к сестре и решили они как бы *Итте* убить...». Рассказчик Мунгалов С. П. [Гемуев 1984: 140—142].

2. «Бедный мужик работал у богатых — сено косил, убирал. Сено накопил, сено высохло. Ну, он идет сено убирать с покосов, копнить. Только сено собрал в валки, вдруг откуда ни возьмись — гроза, молния и дождь пошел...» Рассказчик Кондуков Н. И. [Гемуев 1984: 143—144].

3. «*Итте* жил на краю берега. А родители все ушли на охоту. А у *Итте* продукты оставили, день он пробалуется, а вечером в свой уголок забьется и спит. Вот как-то ночью на двор захотел, вышел на улицу...» Рассказчик Кондуков Н. И. [Гемуев 1984: 144—145]⁴.

4. «Это про двух братьев. Отец и мать умерли, он остался со старшим братом. Брат пока с братом жили, они все поровну делили. Потом брат старший женился, жена лучшие куски мяса мужу и себе кладет, а ему — пустое — шеину и зад сухой...» Рассказчик Кондуков Н. И. [Гемуев 1984: С. 145].

5. «Старик со старухой жили. Старик состарился и старуху спрашивает: «У нас дети были?» «Были, были». «А теперь где они?» «Вот люлька, видишь, самый младший сын еще в люльке качается» Рассказчик Кондуков Н. И. [Гемуев 1984: 145—147].

6. «*Итте* жили с *Имья* [*Имджа*]⁵ (дядей), а *Итте* все время спит и спит. «*Итте*, ты бы куда-нибудь сходил, какую-нибудь дичь добыл». *Итте* встал, оделся и среди поля встал и качается, качается...» Рассказчик Кондуков Н. И. [Гемуев 1984: 147—149].

7. «Держали раньше медведей. Тятины родители держали. Он у них за избой жил. Сам натаскал веток, устроил себе вроде берлоги...» Рассказчик Кондуков Н. И. [Гемуев 1984: 150]⁶.

⁴ Данная сказка [*Итте* жил край берега] была записана по-селькупски и по-русски еще в 1964 г. томским лингвистом А. И. Кузьминой от этого же информанта с некоторыми дополнительными деталями; публикацию текста см.: [Тучкова, Хелимский 2010: 99—102].

⁵ Корректно: *ильдя* — (кет, тур, ел.), *ильдя* (об.Ч), *илья* (ел., тур.) — 1) дедушка, 2) дядя, 3) свекор [Быконя 2005: 29]

⁶ Перепубликация всех 7 текстов на русском языке была осуществлена в 1997 г. в Томске в краеведческом сборнике «Земля Верхнекетская» (в разделе Сказки кетских селькупов). Кроме того, 1, 3 и 6-й тексты из этой подборки перепубликованы в сборнике селькупского фольклора «Семи богов мудростью обладающий Итте» (2015) — см. [Тучкова, Вагнер-Надь 2015].

Как видим, данные тексты давно введены в научный оборот⁷. Однако в материалах новосибирских этнографов есть несколько фольклорных произведений, которые ранее не публиковались⁸. Именно эти тексты представлены в Приложении к данной статье — См. Приложение 1: Тексты № 1, 2, 3, 4.

Характеристика фольклорных образцов, представленных в Приложении

Текст № 1. [Про Лису] Жанр определен самим сказителем как сказка. Сюжет весьма необычный для селькупского фольклора, подобных ему пока не было отмечено. Главное действующее лицо — Лиса. Селькупский фольклор в целом чрезвычайно беден на сказки о животных: единичное число (менее 10 текстов) представляют этот жанр.

Герои начальной фазы повествования — татары (семь братьев-татар). У встреченных в пути животных они спрашивают: понимают ли те «по-нашему», т. е. по-татарски. Глухарь «говорит по-остяцки», они его не понимают; и лису они тоже не понимают (она им что-то ответила, им только показалось, что она «по-нашему» говорит).

Лиса убегает от татар, утащив (нанизав на себя) сало. Далее Лиса сама становится главным действующим лицом сказки, и тем интереснее и многозначительнее кажутся встреченные ею в пути люди — старики и их дочка, которую зовут *Тяреня*. Редчайший случай для селькупского фольклора, когда герой произведения (при этом, не главный герой) имеет собственное имя. И это имя явно отсылает нас к этнониму, зафиксированному в 1740 г. Г. Ф. Миллером относительно жителей Малой и Большой Шегарской волостей, которые, по свидетельству немецкого историка, причисляют себя к роду *Terenja* [Миллер 1996: 177].

Лиса провоцирует Старика отрубить голову дочке, а потом убегает от него. Старик в итоге повествования все же ловит лису — убивает ее, сдирает шкуру, а тело отдает на съедение собакам, но лиса не сдается и мстит и собакам, съевшим ее, и даже воронам и сорокам, склевавшим впоследствии кал собак. Всем стало плохо от съеденного.

Вероятно, мы очень мало знаем о проникновении тюрков на Кеть (а это было) и о взаимоотношениях тюрков и селькупов⁹ на Кети; эта сказка — свидетельство того, что эти отношения складывались весьма непросто.

Текст № 2. [Раньше богатыри были, матр-кумы] Три разрозненных фрагмента, которые фиксируют мифологическую историю о предках селькупов — богатырях. Характерным показателем силы этих героев было умение / способность перекидывать топор через относительно широкую реку. Подобный миф был записан на Кети в Максимкином Яру, но с иными дополнительными деталями: богатыри боролись друг с другом, один кинул копье — и появилась Кеть, другой кинул топор, и на месте пролета топора среди леса появилась кетская протока Анга, образовав между руслами остров, называемый богатырским [МС 2004: 104]. В записи из Усть-Озерного богатыри не враги, а братья, «жившие одним топором». Упоминания о силачах, перекидывающих топор через реку, записаны также на Васюгане (в Наунаке) [МС 2004: 192, 240]. Во всех случаях данный сюжет не имеет дополнительных линий развития, он записан всякий раз как некая констатация факта: жили некогда здесь сильные люди, и далее идет характеристика этой силы. Ни к каким иным фольклорным произведениям эти рассказы обычно не привязаны.

Текст № 3 [Раньше жили, людей мало было]. Данный текст является очень лаконичным пересказом сюжета о вражде богатырей и о коварной жене, которая не предупредила об опасности своего мужа, зашила его кольчугу, и когда напали враги, он не смог распутать свою одежду и был убит нападавшими [МС 2004: 192—193]. Этот сюжет известен был во всех подгруппах селькупского этноса. Приводимый фрагмент пополняет верхнекетскую коллекцию фиксаций данного сюжета.

Текст № 4. [Пел я про свою жизнь...]. Пение в состоянии транса.

О традициях селькупского шаманского камлания можно судить по публикациям Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, которые неоднократно были свидетелями этих акций в Тазовской тундре в период 1925–1928 гг.,

⁷ Еще 2 текста: *Самбле-карбаркэт-иннэзат* [сомбыле иннэзат] под названием «Пять [карповых] братьев» и маленький текст (фрагмент в 4 фразы) [Итте оставляли дома одного] в данных материалах записаны очень лаконично, но их полноценные записи на селькупском языке от этого же информанта — Н. И. Кондукова — в 1970 г. были сделаны лингвистом Н. М. Воеводиной [Сказки народов Сибирского Севера 1980].

⁸ В неопубликованных материалах этой экспедиции присутствуют еще также три лирические песни: две в переводе А. П. Мунгаловой-Гутовой, и одна — личная песня К. Н. Кондуковой (дочери Н. И. Кондукова). 1. Одна иду, вечером иду...; 2. Дверь открою, открою я, А меня нету...; 3. Мы жили с товарищем по соседству, никто про нас не знал... Однако их публикация требует дополнительной работы с материалом.

⁹ Остяки — этноним, относившийся ранее к нескольким разным народам: ханты; селькупы; кеты (= «енисейские остяки»)

и в Тымской тайге в начале 1930-х гг. (или беседовали с практикующими шаманами и лицами, принимавшими участие как в самом камлании, так и в подготовке к нему [Прокофьев 1930], [Прокофьева 1961, 1981] (данные этих статей полностью написаны на основе материалов, собранных либо от шаманов, либо лиц, участвовавших в камлании). Так, например, в [Прокофьева 1981: 43] автором сообщается, что «длительное проживание среди селькупов, постоянное общение и знание языка помогло нам завоевать их доверие и приблизиться к пониманию такого сложного явления, как шаманство. Свидетельством этого доверия было то, что селькупы сделали Г. Н. Прокофьеву его “личный” бубен (находится в МАЭ). Иногда шаманили и у нас в избе». В качестве Приложения к этой работе приведены описания двух типов камланий — в «светлом чуме» и в «темном чуме» [Прокофьева 1981: 65—68]. Опубликованные описания представляют собой пересказ событий, происходящих во время камлания (порядок действий шамана, поведение аудитории, впечатления от ритмического рисунка звукового сопровождения и т. п.), но не содержание шаманских песнопений и речитативов.

Также на основе полевых наблюдений и записей от информантов о селькупском шаманизме писали [Пелих 1980] и [Ураев 1994].

Однако ни одна из этих публикаций не содержит дословной фиксации того, что вещает человек, находящийся в состоянии транса (хотя некоторые исследователи пытались в полевых условиях фиксировать шаманские откровения)¹⁰. Таким образом, можно считать, что до 2000-х гг. исследователями практически не было опубликовано ни одного образца селькупских шаманских песен¹¹. Тем ценнее является расшифровка записи речи Н. И. Кондукова во время шаманского транса (см. Приложение 1, Текст № 4). Текст состоит из 5 фрагментов, которые показывают, что погружение в транс было не одномоментным, а длилось в течении нескольких ночей.

Шаман отправляется в ментальные миры. В данном случае он идет вниз, на запад, и мы имеем фактически единственный достоверный и детальный материал, записанный на территории южных селькупов, о структуре мироздания (как видит ее шаман с верховьев Кети), об устройстве мира мертвых, о некоторых подробностях дороги, по которой уходят мертвые из этого мира в мир иной. Кроме того, благодаря Николаю Измайловичу исследователи получают фактически единственную на селькупском юге запись пересказа известного для западносибирского региона мифологического сюжета о сотворении земли и водворении на ней человека:

«Земля тонула ведь перво. Бог послал гагару, тот ничего не достал. Гоголь (*порья*) достал песок. Это наша земля. Люди дерутся, бьют. Бог змею пустил, потом птицу, рябка. А раньше — копалуху. А рябок напугал копалуху. Копалуха стала его клевать, вот поэтому у рябка только немного белого мяса, остальное черное. А вперед всех — людей пустил. Люди передрались, он змею пустил, чтобы она их разгоняла. Собак пустил, как человека голого пустил. Она мерзнет — черт пришел: “Что случилось?”, — “Застываю”. Ей шкуру черт дал».

Буквально в нескольких фразах даются основные составляющие элементы этой космогонической истории: на поверхности старой земли была сплошная вода, Бог послал гагару достать песок со дна океана, но она не справилась. Зато справился гоголь (утка). Из песка, поднятого со дна сплошной воды, появилась новая земля. Бог на ее поверхность пустил людей, потом птиц. Из птиц — вперед всех опустил копалуху (самку глухаря) и рябчика. Потом — голую собаку.

Из верхнекетского варианта данного мифа¹² мы получаем следующие координаты, важные для селькупской культуры: не столько гагара, сколько утка-гоголь — творец земли; люди — опущены на землю Богом; черное мясо рябчика и шерсть на теле собаки — это не просто некие реалии нашего мира, а свидетельства момента его первоначального творения: рябчик напугал первую копалуху, и та его поклевала (там, куда она его клонула, мясо почернело); голой собаке черт дал волосатую шкуру.

Следует подчеркнуть, что для фольклора, записанного у южноселькупских групп, эта запись о доставании водными птицами земли из-под толщи сплошной воды единственная¹³.

¹⁰ Небольшой фрагмент шаманского пения (11 строк в переводе на русском языке) есть в публикации Г. И. Пелих [Пелих 1980: 47].

¹¹ О. А. Казакевич подготовила к публикации одну шаманскую песню, записанную Г. Н. Прокофьевым в пос. Янов Стан зимой 1925 г. [Казакевич 2010: 270—276].

¹² Подробнее об этом мифологическом сюжете — [Напольских 1990]; относительно того, почему и как собака получила шерсть — [МС 2004: 143].

¹³ В 2004 г. одному из авторов данной статьи в период работы над энциклопедией «Мифологии селькупов» при написании раздела «Космогонические мифы селькупов» пришлось констатировать, что у селькупов таких текстов нет [МС 2004: 70]. — Н. Тучкова

Запись шаманского путешествия весьма информативна также и в плане того, что позволяет достаточно отчетливо реконструировать устройство мироздания, как представлялось оно верхнекетскому шаману: земля многослойная (имеет 7 слоев, которые уходят вниз / на запад). У каждой из семи земель есть «сердце»¹⁴ — «круглая земелька». Солнце каждый вечер падает вниз — внутрь земли, на ее сердце, и каждое утро поднимается оттуда вверх. Для каждой из семи земель светит свое солнце (в тексте есть выражение «уйдешь... сквозь 7 земель от 7 солнц»). При этом о многослойном небе рассказчик не упоминает ни разу.

Однако наиболее ценными являются подробности устройства мира умерших, о котором шаман рассказывал специально по просьбе исследователей. Вырисовывается следующая картина пути в мир мертвых: умерший человек идет вниз и на запад¹⁵. Дорога представляется как река. Кости ранее умерших образуют заторы на этой реке, которые надо преодолевать. При этом тень (душа) умершего ходит по тем местам, где он жил, и посещает близких ему людей. Шаман провожает умершего, но только до определенного момента, дальше которого он пройти не сможет (туда никто не сможет пройти из тех, кому предстоит еще жить). Чем дальше по дороге умерших уходит шаман, тем труднее ему возвращаться к живым. Сильные шаманы могут продвинуться по этому пути достаточно далеко, догоняя умерших/умирающих, и пытаясь их вернуть. Слабеющий шаман уже не рискует проходить глубоко.

Если умерло несколько человек и они разного возраста, то тот, кто старше, идет позади того, кто моложе.

Люди в мире мертвых занимаются теми же хозяйственными занятиями, что и в обычной жизни, — рыбачат, ходят на охоту. Там также могут находиться представители разных народов, как и в этом мире.

У подземного мира есть хозяйка — Ывэндгай Пая¹⁶. Она — та, кто умерла самая первая. Живет эта Старуха около реки на сухом месте. В этом месте нет деревьев — там чисто. Сторожат ее жилище медведи и собаки (лающие собачьи кости). Главный сторож — медведчеловек: человек, который при приближении к нему становится медведем. Рядом обитают шаманы, которых, по мнению рассказчика, сейчас стало меньше, а в былые времена было гораздо больше.

Таким образом, мы получаем из данного песнопения достаточно целостную картину мира, отдельные детали которой связаны друг с другом. Кроме того, эти детали вполне стыкуются с записанными ранее от иных информантов из других локусов южноселькупского региона, несмотря на то, что от них в основном имеются только разрозненные фрагментарные высказывания. Также эта картина вполне коррелирует с достаточно подробными записями об устройстве мироздания, записанными Г. Н. и Е. Д. Прокофьевыми у северных селькупов в 1930-х гг.

Подводя итоги, можно сказать, что сотрудникам данной экспедиции удалось записать весьма большой объем фольклорных произведений — ок. 15 ед., хотя ее участники не ставили сбор фольклора ведущей исследовательской задачей.

В целом вся подборка фольклорных произведений, записанная новосибирскими этнографами в 1980 г. на Верхней Кети, демонстрирует, что информанты, с которыми им довелось работать, были исполнителями нескольких жанров, вероятно, широко бытовавших в селькупской среде в течение XX в.: сказки, и прежде всего, сказки с участием персонажа Итте; сказки о животных; байки; пересказы исторических преданий о богатырях; лирические песни (личные песни) и пение в состоянии транса (шаманская песня).

Если брать во внимание не только записи 1980 г., но и записи других лет, сделанных рядом исследователей-селькуповедов (А. И. Кузьминой, А. П. Дульзоном, Н. М. Воеводиной, А. А. Ким) от данного информанта — Николая Измайловича Кондукова, то количество и качество записанного материала позволяют однозначно отнести его к лучшим сказителям селькупского народа. Не случись его контакта с учеными, не будь он так открыт к общению, селькупский фольклор был бы на сегодняшний момент представлен намного беднее.

Именно благодаря записям мировоззренческого характера от данного сказителя исследователи теперь смогут судить о мироустройстве, характерном для традиционных представлений кетских селькупов, тогда как до публикации этого материала приходилось довольствоваться обрывками мировоззренческих высказываний, не столь объемно и целостно изложенных.

¹⁴ О сердечке земли как о некоей заполненной полости внутри земли есть записи из чумьлькупского ареала (нарымско-ласкинский говор) [МС 2004: 74].

¹⁵ Как писал А. М. Сагалаев, «приходится допускать наличие некоей кривизны мироздания», характерной для традиционного мировоззрения аборигенных сибирских этносов [Сагалаев 1992: 12].

¹⁶ В материалах И. Н. Гемуева *ивэндгай-пая*; корректно: *ывэндгай Пайа* (кет.) — Старая Пая [Быконя 2005: 83].

Приложение 1

Фольклорные произведения, записанные у селькупов р. Кеть в 1980 г.

(ранее не публиковавшиеся)

Текст № 1. [Про Лису]

Информант: Кондуков Н. И.
Записано Гемуевым И. Н. в 1980 г.,
Место записи: р. Кеть, пос. Усть-Озерное

У нас в сказке татары поминаются, про семь братьев-татар — в сказке про лису. Едут вниз по речке [семь братьев-татар]. Видят — глухари на песке. И спрашивают: «Ты по-нашему говорить умеешь?» А глухарь им по-своему (по-остяцки): «Песок клюю». «Не умеет говорить по-нашему, не возьмем его». Едут дальше. Лиса бежит. «Ты по-нашему говорить умеешь?» А лиса: «Рай-рай-рай» (это как лает). «А [я] капканы обхожу». Им, похоже, показалось, [что умеет]. «Возьмем лису с собой». А лиса творит свое дело. У луков тетивы обкусала, сало на себя надела. Едут. В одном месте лиса говорит: «На берег хочу». Старший брат говорит: «Можно». Видят сколько сала потащила. Они за луки, а тетивы обкусаны. Ох, перехитрила лиса.

Бежит лиса, на ней сало на хвосте и на всем [теле]. Добегает старик со старухой. И у них дочка. Дочка называлась по имени *Тяреня*. Лиса подбегает к старику: «*Ира*, хвост с салом отруби мне». А старик говорит: «На чем я отрублю?» — «У дочери [своей] на голове отруби». «Старуха, дочку [веди] сюда». Позвали дочку. Лиса положила хвост с салом на голову, старик замахнулся, а она хвост вытащила, дочке голову отсек. Старик озлился на лису, стал на нее самострелы ставить. Год ловит, два. И все же лиса обманулась. Стала тощая (сало кончилось) и наступила на тетиву. Старик шкуру ободрал, а тушку бросил собаке. И лиса лежит в желудке у собаки и напевает: «Старикова собака меня высрала, я уже разложилась». Собака так сделала. И лежит лиса (собачий кал) и поет: «Вороны, сороки, склюйте меня, я уже разложилась». Они клевали-клевали, им плохо стало, желудки у всех расстроились. Так им всем лиса хитрая сделала.

[Гемуев 1980: т. 1, л. 16—17]

Текст № 2. [Раньше богатыри были *матр-кумы*]

Информант: Кондуков Н. И.
Записано: Гемуевым И. Н. в 1980 г.
Место записи: р. Кеть, пос. Усть-Озерное

1. Раньше богатыри были *матр-кумы*. Такие сильные. Через Кеть на Деревянную [речку] ходили зимовать. На обласке переправится, все в обласок, обласок на себя и пошел. Жили тем, что добудут: лося, рыбу. Русский, когда поехали мимо по Кети, что везут? Соль. А, соль! Не знали. Говорят остяки: «Зачем гальки набрал мешки?» Хлеб печеный везут, остяки говорят: «Зачем чаги с деревьев столько надрал?» Совсем дикие были, толку нет совсем. Потом привыкать стали.

Ном — это бог. Когда гром гремит — *Ном-джярэк* (*Ном* гремит [говорит]).

2. В устьях речек, там богатыри эти жили, *матр-кумы*, туда и везят эти тряпки. Теперь что народ, — слабый. О вот раньше в Урлюковой два брата одним топором жили. Через реку кидали, а там, поди, километра три.

3. В Урлюковой жили два брата. Мазуровы (*матор*), вот они-то и пользовались одним топором через Кеть. Он услышал — брат вырвал сосну с корнями и тащит и бросил, а брат услышал и переехал туда: «Что здесь делается?» «Да я сосну принес». «Неси топор, рубить их надо». Он обратно уехал и перебрал топор, а сам уж обратно не поехал — вот сила была.

[Гемуев 1980: т. 1, л. 26—27]

Текст № 3. [Раньше жили, людей мало было]

Информант: Кондуков Н. И.
Записано: Гемуевым И. Н. в 1980 г.
Место записи: р. Кеть, пос. Усть-Озерное

Раньше жили, людей мало было. Пришли рус[ские] с запада. Наша нация — к востоку. Один был *матур*, с сестрой жили. Ну, брат поживет, каждый день куда-то уйдет. Люди пришли, не наши. Она из бересты рисунки бросала, а люди нашли и пришли. Брат пришел, полдня где-то ходил: «Фу, чем-то пах-

нет». «Нет, никто не был», — она говорит. Опять пришли, его брата забрали, ее забрали. Теперь его забрали, он дрался. У него одежда военная, развязывал ее, его кончали.

[Гемуев 1980: т. 1, л. 46]

Текст № 4. [Пел я про свою жизнь...]

Пение в состоянии транса

Информант: Кондуков Н. И.

Записано: Гемуевым И. Н. в 1980 г.

Место записи: р. Кеть, пос. Усть-Озерное

Фрагмент 1.

Пел я про свою жизнь. О том, как мою старуху убили. Как хозяйки нету дома. Убитый.

[Когда [И. Н. Гемуев]¹⁷ попросил Н. И. Кондукова спеть, то он сказал, что сидя на стуле — нельзя, надо на полу. Постелил оленью шкуру, сел, покрыл голову платком и запел. На вопрос, почему нужно петь на полу, [ответил] — всегда так полагается].

Ку-ку. Что такое сделалось. Хорошее. Что ты сказала, что вы скажете, скажете. Солнце вниз падает, земли сердце говорите и вспомните (скажете) жить будете и вспоминать будете. Куда ты ушла, куда ты легла [обращается к покойной жене]. Куда ушла и зачем забыла? Вспомните вот тут ее слова. На конце земли вспомните ее слова... А, я знаю, что ты тут легла, а не думаешь, что я здесь. Я буду в конце боло-та. Скажете, вспомните. Такое слово я сказал. Ку-ку.

Я иду, иду [это вроде он шаманит]. Кто здесь, скажи [это он как будто видит дорогу]. Жить будете. Скажете, день кончится.

Кто такой идет. Ку-ку. Фу, [он под землей вроде] на седьмую землю как будто вышел.

[Гемуев 1980: т. 3, л. 18—19]

Фрагмент 2.

Ку-ку. Что такое делается, что куда девается? Ку-ку. Что такое говорите? Какое слово сказали? Жить будете — вспомните. Вниз пойду, вниз пойду. На конец земли. Пошто ты тут легла? [Это он вроде догнал на конце земли старуху и обращается] — пошто ты тут легла? Пошто ты тут легла? Я к тебе пришел. Дальше куда пошла? Ты дальше пошла, а я тебя узнал. Ку-ку. Где ты, где ты? [Иду — это по-эвенкийски]. Так я жить буду, как жить буду — узнаете. Жить будете — вспоминать будете, какой старик жил. [Он уже как отправляется дальше, как бы в дороге]. Седьмое сердце земли и седьмой восход солнца. [Он как шел — дошел до седьмого сердца земли и седьмого восхода солнца].

[Он когда садится — начинает — вроде в путь отправляется, старуху догоняет, она идет и не оглядывается. Он старухе]: Я вижу, что ты идешь. [А она идти продолжает.] Все равно я тебя догоню. Где ты не будешь, все равно — догоню. Уйдешь вроде сквозь 7 земель от 7 солнц — я, мол, догоню на 7 конце земли. Когда догоню (век жить не буду) будете вспоминать какой жил старик. Вот такие слова я сказал — 2-ой вариант перевода.

[Гемуев 1980: т. 1, л. 38—39]

Фрагмент 3.

Умрет человек — вниз идет. Он какой человек умрет, вниз идет на запад. Другие долго держатся, другие останавливаются, долго держатся. Там всего есть, кости, заторы как река. Дорога эта как река. Вот года три назад умерли двое, они и там вместе ходят.

Когда умрет человек, тень его в те места ходит, где жил. Когда человек умрет, его провожать, как шаманить. Человек идет, долго идет. Ну, идет и который остается еще, дорога вниз и вниз, ниже идет, где-то есть, туда никак не доберешься. Любой человек вперед идет. Кто старший — он сзади идет, молодой — вперед идет. На запад идет. Там река такая же, как Кеть, только черный цвет. Здесь мы живем как гости, а там будем жить вечно. Вот, ничего не переменяется, человек там же вон умер, так и есть. Там будто бегают старик, работает — это я во сне видел, будто я там побывал. Там умерли старики Карбины, живут — рыбы много. А я говорю — нет, я еще на землю хочу.

Люди как здесь, так и там — стараются, живут, также рыбу ловят. Когда я (во сне) пришел, они мне таз рыбы поставили, но мне некогда.

Я когда-то догонял этих [умерших], так же как здесь, только, если с ними уйдешь далеко, трудно будет обратно добираться.

¹⁷ [курсивом в квадратных скобках] — ремарки И. Н. Гемуева, сохранившиеся в полевых записях.

Ну прямо сказать, есть земли подземной хозяин, старая давнишняя *ивэндгай-пайя*, которая самая первая умерла. Всех, кто умрет, она забирает — куда деваться — к ней идут. Она на реке, но в сухом месте живет.

Там и медведи, и всякие звери там, что-кто пропадет. Ведь все там. И собачьи кости там — и лают. А деревьев там нет — чисто.

У старухи есть сторож. Это как человек, а как только подходишь — медведь. Там это сейчас есть, раньше больше шаманов — чертей было, сейчас нет. Шаманы тоже там, их там много. Медведь там сторожит, чтобы чужой не подошел. Здесь на земле много народов. Там же так.

К ним [покойникам] надо уметь подойти. Ляжешь на запад головой и руки как покойник положи и лежи. Они сами придут. И тогда с ними можно говорить. Я молодой был, шаманил, многих догонял своих, теперь старый стал. Я по-шамански говорю им: «Как живете?» Они говорят: «Мы хорошо живем». Но обратно трудно оттуда.

У земли сердце есть — круглая земелька. Бьют-бьют, как до нее добьют, людей не будет.

Земля тонула ведь перво. Бог послал гагару, тот ничего не достал. Гоголь (*порья*) достал песок. Это наша земля. Люди дерутся, бьют. Бог змею пустил, потом птицу, рябка. А раньше капалуху. А рябок напугал капалуху. Капалуха стала его клевать, вот поэтому у рябка только немного белого мяса, остальное черное. А вперед всех людей пустил. Люди передрались, он змею пустил, чтобы она их разгоняла. Собак пустил, как человека голого пустил. Она мерзнет — черт пришел. — Что случилось? Застываю. Ей шкуру черт дал.

Вот теперь бодем — кашляем. Бог послал — сделал человека из глины, сидит как человек. А черт плевал-плевал. Вот за это бодем. Гриппы тоже знаем оттуда — с запада.

Когда шаманил шаман его *лозы* — птицы, звери — они говорят, они подчиняются. Змея, ящерица, соколик, филин, чайки, кулик большеносый. Если заболеешь, шаман шаманил, кулику скажет, кулик придет к тебе, все узнает. Дятел тоже есть. Прилетит, тянет, наверно, болезнь, легче-легче делается, лучше.

[Сел на пол, одну левую ногу под себя, правая вытянута, поет]

После пения ночью во сне я домой приду. Я сейчас не здесь, я у покойников.

Приказал то мне бросить горсть муки в топящуюся печь.

Сказал: «Так надо, так полагается».

[Гемуев 1980: т. 1, л. 43—46]

Фрагмент 4.

Одно слово я скажу. Чьи слова повторю я? И это я повторю. Что такое, я говорю, какой деревни это [он ушел куда-то, он же пошел (к покойникам)]. Какая женщина здесь легла? Ку-ку.

Много звездочек я пропустил. Вот эти звездочки — из них одна ярко светится, а я знаю [он одну ловит звездочку там — видит, она ему светит]. Куда ты девалась, куда скрылась? [к звездочке]. Ку-ку. Меня вот видите и меня вспоминать будете, много вспоминать будете. Словами вспомните и так вспомните. По червонной дороге будете вспоминать и по нартной дороге. Целое утро и еще утро и вспомните. Ку-ку. [непереводимые фразы]. Вниз иду. Вниз иду (поклоняюсь). Снова меня вспомните и снова меня вспомните. Ну ладно, хватит. Много посмотрите, вниз посмотрите. Много посмотрю — потом потеряюсь. В этой траве (*нюрэ*) я потеряюсь. Где я был, среди травы этой. Что я говорю, вспомните [он вроде среди травы сидит и «что я говорю — вспомните»]. Так я сказал. И вспомните — ку-ку. Какой мне ли вы держите — ку-ку? [это уже обращается, их спрашивает]. Спрашивает, как я живу? [это обращается к покойникам — куби-кула — это они как лозы. Он с ними разговаривает]. Так я и живу. [Он ниже спускается]. Я спускаюсь ниже под землю (омдан букв.: ‘ниже сажусь’). Седьмой день сажусь (опускаюсь) и еще опускаюсь. Но кто меня вспомнит. На утро восход так я иду. Целый день буду идти-качаться и к вечеру, когда солнца закат, я дойду. [Он идет и говорит] кто меня встретит и назовет (вспомнит) и утренним восходом или вечерним заходом? [Он видит кого-то]. Как ты упала? Как ты упала? Железной вроде решетки — он ее вроде хочет пробить, ну, как ограда. Если я пройду — тогда скажут. Сколько дней пройду я, скажут и вспомнят, скажут и вспомнят. Много дней прошло и много дней видать, и что я скажу, ку-ку. Иду. Много дней прошло, пасмурные дни прошли. Много дней прошло, и через эту решетку прошел — и вспомните и вспомните. Скажете — завтра пойду. Это через толстую землю, через воду пройду я. Вы все равно скажете, как я был там и как выйду оттуда, и еще скажете: «целая земля», и вспомните. Много земли я перешел и еще тянуть буду [он обратно как выходит] обратно будет тянуть эти решетки, конец решетки, железо *квэзан-табэ*, *квэзан-карри* [конец решетки]. [Куда не пойдет — он везде втыкается туда — в решетку]. Посмотрите, все железное, куда не пойдешь — все железо. Много железа, оно просто так лежит. Ку-ку. Много земли обошел я, и края не на-

шел. Посмотрите — не нашел. Ты куда смотришь? Какая земля скажите? Эту землю тянуть буду — вы скажете, потом пойду я.

Какая земля — видать будет. Та гора видать. Ку-ку. Что такое, куда делось? Туча закрыла такую землю. Какое слово ты скажешь? Какое слово ты вспомнешь. Много железа — вспомните, много железа — вспомните. Край болота, где смешанный лес — вы туда пойдете. Там край, и это перейдете и опять туда пойдете. И скажите, и вспомните. Много дней ходить будете. Эту землю тянуть будете (идти будете). Будете идти до *массун-маттэ* (шаманского дома). Много железа пройдете, много земли. Скажете, сколько земли. *Иран седи квэзон тибы* (железный конец). Вроде встретились (поймались) за железом [он поймался за железом, но не один?]. Поймались *ютэ* [вода] *ййго*, *котэ* [обратно] *ййго*. Ты скажи, куда я смотрю и куда я тяну. А я тяну на конец земли, а потом опять на смешанный лес (мельколесье) — *гвэрбэ*, на конец мелколесья [Железный берег [квэзон карит] прошли вроде они], до железного берега дошли.

Дошли и теперь вспоминать будете, вспоминать будете. Солнце вниз куда-то потеряется. Ку-ку. Много дней вспомнете. Что такое сделалось? Какая земля? Уже ночь-то настала, уже темно стало. Ночь настала, темно стало, что такое делается, кто так смотрит? Земля эта такая и тебя пробует. [Уже сидя на лавке]. Русский человек смотрит, и остяк еще смотрит. Не знаю, кто тебя пробует (проверяет)? Ты не пробуй, если потеряешься. Вот такое мое слово. И не надо пробовать. Какая-то болотная земля (болотное место). Это место земли сердце. Так и есть — земли сердце. Никуда не девайтесь и никакое слово не скажете. В конец воды пойду я, и все равно дойду я. Почему такая хорошая земля? Ку-ку. Что такое видно? Это ты, видно [он кого-то там видит]. Земля, земля, жить будете, все равно вспомните. В летнее время, в эти дни вспомните и еще вспомните. Конец железа видать и железный перед (начало?) видать. И кто там идет, и кого там видать, кто говорит. Конец земли видать, большая земля. Ты словами не обижайся. Свои дни я тяну. Свои дни я тяну. Конец озера — вот дом...

Солнце скрывается, день теряется. А ты куда деваешься и сама куда денешься. Я, мол, так, так и буду.
[Гемуев 1980: т. 1, л. 55—58]

Фрагмент 5.

Я вам песню спою. Завтра вечером. Вы сегодня все сидите. Вы сегодня все сидите. Вы сегодня мне сказали, кто сегодня здесь сидит, какой человек тут сидит. Русский человек и моя дочь. Земля, ты пойми, такие люди сидят. [Он вроде идет и говорит. Вроде, к покойной жене обращается] — ты ко мне повернись. Вот этот русский тебя положит? Вот посмотри-ка. [Дальше — это он как бы призыв делает] эй-га, эй-га, эй-га-я. Каким ты умом смотришь на них, как ты на них смотришь? [Обращается к покойной жене]. Ты никуда не деваешься, я тебя караулить буду. Что такое ты сказала? Глаза мои закрываются, слезами обливаются. Что такое ты говоришь? Что такое вижу я? Что такое вижу я? Старуха старая упала моя. Семь глин упало и семь земель упало. Ку-ку. Как железо не вкусное, не сладкое, но вы все равно вспомните, вспомните и скажите. Такая земля и земли сердце, какое слово сказать, такое слово скажу, что земли я как все знаю — вот такая земля есть, все знаю, все знаю. Сколько жить будете — вспоминать будете, сколько дней жить будете — вспоминать будете. Сам живу, кое-как живу. Я живу как на болоте кочка. Вроде как сиротой остался. Один я землей управляю. Как? Ты куда девалась? Или под водой, или на конце воды? Ты покажись, как ты есть там? Я хоть погляжу на тебя. Что такое видно? Что такое видно? Слова твои видать (слыхать). Что такое видать? Кто такой смотрит? Какая ты моя хорошая, я тебя домой зову. Как ты так тут открылась? Как ты так тут открылась? Свои люди тебя убили. Вот так это. Тебя убили, ты на пол легла. У тебя голова упала. Вот, люди, посмотрите. Русские люди тебя утащили, подняли и унесли. Все знаю.

[Гемуев 1980: л. 63—64]

Литература

Бауло 2007 — Бауло А. В. Экспедиционные заметки // Памяти И. Н. Гемуева. Сб. научн. трудов и воспоминаний. Новосибирск, 2007. С. 198—205. {*Baulo A. V. Expedition notes // In memoriam of I. N. Gemuev. Collected research and memoirs. Novosibirsk, 2007. P. 198—205.*}

Бауло, Кулемзин, Львова, Тучкова 2011 — Бауло А. В., Кулемзин В. М., Львова Э. Л., Тучкова Н. А. Перечень экспедиционных поездок Г. И. Пелих // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Вып. 4. Томск, 2011. С. 66—72. {*Baulo A. V., Kulemzin V. M., Lvova E. L., Tuckkova N. A. List of G. I. Pelih's expeditions // Priobye's archeology and ethnography: Materials and studies. A collection of the TSPU Archaeology and Ethnology Department's works. Is. 4. Tomsk, 2011. P. 66—72.*}

- Быконя 2005 — *Быконя В. Б.* Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {*Bykonya V. B.* Selkup-Russian dialect dictionary. Tomsk, 2005.}
- Галкина 1996 — *Галкина Т. В.* К истории научных экспедиций под руководством А. П. Дульзона // Труды ТГОИЯМ. Томск, 1996. Т.9. С. 232—276. {*Galkina T. V.* On the history of A. Dulzon's scientific expedition // Works of TSUHAM. Tomsk, 1996. Vol. 9. P. 232—276.}
- Гемуев 1980 — *Гемуев И. Н.* Полевые материалы. Селькупы. Тым, Кеть 1980. Тетради 1 — 3. {*Gemuev I. N.* Field materials of I. N. Gemuev. Selkups. Ket'. Tym, 1980. Notebooks 1 — 3.}
- Гемуев 1984 — *Гемуев И. Н.* Семья у селькупов (XIX – нач. XX в.). Новосибирск, 1984. {*Gemuev I. N.* Selkup family (19th – beginning of the 20th cent.). Novosibirsk, 1984.}
- Казакевич 2010 — *Казакевич О. А.* Архив Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009. Hamburg, 2010. P. 257—278. {*Kazakevich O. A.* Archive of G. and E. Prokofyev: Samoyedic linguistic materials // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009. Hamburg, 2010. P. 257—278.}
- Каталог 1998 — Каталог полевых записей языков народов Сибири (фонды лаборатории языков народов Сибири ТГПУ) / Авторы-составители: *Ильяшенко И. А., Ким А. А., Максимова Н. П., Поротова Т. И.* Томск, 1998. С. 106—189. {Field recordings catalogue of the Siberian peoples' languages (collections of the Laboratory of Siberian Indigenous Languages TSPU) / Compiled by: *Ilyashenko I. A., Kim A. A., Maksimova N. P., Porotova T. I.* Tomsk, 1998. P. 106—189.}
- Миллер 1996 — *Миллер Г. Ф.* Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 172—186. {*Miller G. F.* Travelling by water down the Ob and Tom rivers from Tomsk to Narym. 1740. // 18th century Siberia through travel writings of G. F. Miller. Novosibirsk, 1996. P. 172—186.}
- МС 2004 — Мифология селькупов. *Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, А. А. Ким-Малони, С. В. Глушков, А. В. Байдак* / Научн. ред.: *В. В. Напольских.* Томск, 2004. {Selkup mythology. *N. A. Tuchkova, A. I. Kuznetsova, O. A. Kazakevich, A. A. Kim-Maloni, S. V. Glushkov, A. V. Baydak* / Editor: *V. V. Napol'skikh.* Tomsk, 2004.}
- Напольских 1990 — *Напольских В. В.* Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 5—21. {*Napol'skikh V. V.* Ancient Finno-Ugric myths of the Earth creation // World-view of the Finno-Ugric peoples. Novosibirsk, 1990. P. 5—21.}
- Пелих 1980 — *Пелих Г. И.* Материалы по селькупскому шаманству // Этнография северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5—70. {*Pelikh G. I.* Materials on the Selkup Shamanism // Ethnography of Northern Asia. Novosibirsk, 1980. P. 5—70.}
- Прокофьев 1930 — *Прокофьев Г. Н.* Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Т. 2. Ленинград, 1930. С. 365—373. {*Prokofyev G. N.* The drum animation ceremony of Ostyak-Samoeds // LSU Bulletin. Vol. 2. Leningrad, 1930. P. 365—373.}
- Прокофьева 1961 — *Прокофьева Е. Д.* Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник МАЭ. Т. XX. Ленинград, 1961. С. 54—74. {*Prokofyeva E. D.* World-view of the Selkup shamans (based on Selkups' drawings and watercolors // MAE digest. Vol. XX. Leningrad, 1961. P. 54—74.}
- Прокофьева 1976 — *Прокофьева Е. Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Ленинград, 1976. С. 106—128. {*Prokofyeva E. D.* Old world views of the Selkups // Nature and Man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North. Leningrad, 1976. P. 106—128.}
- Прокофьева 1981 — *Прокофьева Е. Д.* Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.). Ленинград, 1981. С. 42—68. {*Prokofyeva E. D.* Materials on the Selkups' Shamanism // Problems of social conscience history of the aboriginal peoples of Siberia (based on materials from the second half of 19th to the beginning of the 20th cent.). Leningrad, 1981. P. 42—68.}
- Сагалаев 1992 — *Сагалаев А. М.* Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири. Новосибирск, 1992. {*Sagalaev A. M.* Archaic world-view of the Uralic-Altaic peoples of the Western Siberia. Novosibirsk, 1992.}
- Сказки народов Сибирского Севера 1980 — Сказки народов Сибирского Севера. / Ред. *Т. И. Поротова.* Томск, 1980. {Folk tales of the peoples of Siberian North. / Ed. *T. I. Porotova.* Tomsk, 1980.}
- Сказки кетских селькупов 1997 — Сказки кетских селькупов // Земля верхнететская. / Отв. ред. *Я. А. Яковлев.* Томск, 1997. С. 163—187. {Folk tales of the Ket Selkups // Land of the Upper Ket' / Ed. *Ya. A. Yakovlev.* Tomsk, 1997. P. 163—187.}
- Тучкова, Вагнер-Надь 2015 — *Тучкова Н. А., Вагнер-Надь Б.* Семи богов мудростью обладающий Итте. Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре. Томск, 2015. {*Tuchkova N. A., Wagner-Nagy B.* Texte über Itte, der über die sieben Götter der Weisheit verfügt. Tomsk, 2015.}
- Тучкова, Хелимский 2010 — *Тучкова Н. А., Хелимский Е. А.* О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. HFSM. Bd. 5. Hamburg, 2010. {*Tuchkova N. A., Helinski E. A.* Über die selkupischen Sprachmaterialien von Angelina I. Kuz'mina. HFSM. Bd. 5. Hamburg, 2010.}

Ураев 1994 — *Ураев Р. А.* Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды томского государственного историко-архитектурного музея. Томск, 1994. С. 73—85. {*Uraev R. A.* Materials on the Tym Selkups' Shamanism (based on data from the 1956 expedition) // Works of TSUHAM. Tomsk, 1994. P. 73—85.}

РЕЗЮМЕ

В статье дается краткий обзор полевых сборов экспедиции новосибирских этнографов к селькупам в 1980 г. (рук. И. Н. Гемуев) и впервые публикуется образец пения в состоянии транса (шаманское пение) в исполнении известного в Верхнекетском районе Томской области шамана и сказителя Н. И. Кондукова. В песнопении воспроизведен путь шамана в мир умерших, а также даны его комментарии относительно устройства мироздания и событий сотворения мира (вариант мифа о ныряющей птице).

SUMMARY

The paper presents a brief overview of the materials collected during the ethnographic expedition from Novosibirsk to the Selkups in 1980, directed by Izmail Gimuev. In it, a sample of a shaman's song is being published for the first time. The song is sung while in trance and was performed by N. Kondukov — a shaman and a storyteller, who is well-known in the Upper Ket' district of the Tomsk region. In this song the shaman describes his way into the world of the dead and gives his comments regarding the structure of the universe and the history of the creation of the world (a version of the diving bird myth).

Ключевые слова: селькупы, фольклор, шаманское пение, сказки о животных, герой Итте, миф о ныряющей птице

Keywords: Selkup folklore, shamanic singing, stories about animals, the myth about a diving bird

Бауло Аркадий Викторович, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск); bau194@yandex.ru
Arkady Baulo, Institute of Archaeology and Ethnography (Novosibirsk); bau194@yandex.ru

Тучкова Наталья Анатольевна, Томский государственный педагогический университет; natatutschkova@yandex.ru
Natalia A. Tuchkova, Tomsk State Pedagogical University; natatutschkova@yandex.ru

О специфике среднеобского диалекта и выявлении границ расселения диалектно-локальной группы шёшкумов/шёшкупов по данным топонимики¹

В исследовании языковой специфики локальных групп селькупов в целом было сделано немало: как известно, выявлением изоглосс, описанием и разграничением диалектов селькупского языка занимались и занимаются такие учёные-лингвисты, как А. М. Кастрен [Castren 1855], К. Доннер [Donner 1920], Г. Н. Прокофьев [Прокофьев 1935], П. Хайду [Hajdú 1968], А. П. Дульзон [Dulson 1971], Ю. А. Морев [Морев 1978], Т. Янурик [Janurik 1978], Х. Катц [Katz 1979], Е. А. Хелимский [Хелимский 2004а], Э. Г. Беккер [Беккер 1995а], Г. П. Поздеева [Поздеева 2013] и другие.

Тем не менее, до настоящего времени остаются открытыми вопросы выявления и описания диалектных особенностей *шёшкумов/шёшкупов* р. Оби и поиск места среднеобского диалекта в диалектных классификациях селькупского языка.

В этнографическом плане территория Среднего Приобья исследована крайне неравномерно и, в частности, практически не описана, а соответственно, слабо изученной оказалась и диалектно-локальная группа *шёшкумов/шёшкупов* р. Оби, находящаяся фактически в самом центре селькупского ареала — в Приобье между Верхним и Средним устьями р. Кети.

Местом наибольшего сосредоточения представителей этой группы в XIX—XX вв. были юрты Иванкины Пиковской волости (ныне д. Иванкино Колпашевского района). Именно эта территория являлась центром проживания *шёшкупов* в прошлом и их потомков — в наше время.

Важным критерием определения границ расселения диалектно-локальной группы с самоназванием шёшкупы являются топонимические материалы, записанные лингвистами от селькупов д. Иванкино, которые до сегодняшнего дня оставались не использованными в данном вопросе. Выявление территории расселения шёшкупов можно будет считать завершённым, когда будут полностью выявлены специфические черты среднеобского диалекта и на основе его особенностей определены топонимы, относящиеся к шёшкупским.

Первые языковые записи из этого населенного пункта были получены К. Папаи в экспедиции 1888 г. (см. публикацию его материалов [Hajdú 1952]).

В 1952 г. в д. Иванкино работал А. П. Дульзон, собравший ценный материал этнографического и лингвистического характера. Экспедиции по сбору лингвистического материала у селькупов в период с 1962 по 1998 годы продолжили его ученики — Э. Г. Беккер, А. И. Кузьмина, Л. А. Алиткина, А. А. Ким, Н. С. Жукова, Н. П. Максимова, В. В. Быконя.

В целом исследованием диалектно-локальной группы *шёшкумов/шёшкупов* и среднеобского диалекта по лингвистическим признакам занимались практически все представители Лаборатории языков народов Сибирского Севера. Прямо или косвенно, производя анализ языкового материала в своих работах, исследователи-лингвисты затрагивали вопрос диалектных особенностей языка жителей юрт Иванкиных и прилегающих к ним территорий в пойме р. Оби.

С работ А. П. Дульзона и его учеников начинается особый этап в истории изучения шёшкупов: выявление специфики иванкинского говора относительно других диалектных разновидностей селькупского языка. Как уже отмечалось, д. Иванкино являлась центром проживания *шёшкупов*. Иванкинский говор можно условно отнести к среднеобскому диалекту, как наиболее типичную его разновидность, составляющую центр расселения *шёшкупов*. В свою очередь, среднеобский диалект и диалект *шёшкумов/шёшкупов* могут быть с большими оговорками приравнены друг другу. На основе материалов, собранных в д. Иванкино, в 1980-е — 1990-е годы коллективом Лаборатории языков народов Сибирского Севера при ТГПУ были написаны важнейшие труды дидактического и аналитического характера — «Шёшкуй букварь» [Быконя 1993], «Словарь селькупско-русский и русско-селькупский» [Быконя 1994], «Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 1, 2» [Беккер 1995а; 1995b], русско-селькупский разговорник «Шарватплэнд шёшкуй шэндс!» (Говори по-шёшкупски!)» [Быконя 1999].

Далее будет предпринята попытка выделить специфику среднеобского диалекта/диалекта *шёшкумов/шёшкупов* и отразить его место среди в классификации диалектов селькупского языка.

¹ Подготовлено в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

Мы опираемся на классификацию селькупских диалектов Т. Янурика, дополненную С. В. Глушковым, А. В. Байдак и Н. П. Максимовой. По ней селькупский язык делится на три диалектные группы: северную, центральную и южную [Глушков и др. 2013: 49—54].

Северная группа (6 диалектов): 1) тазовский; 2) ларьякский; 3) карасинский; 4) туруханский; 5) баинский (баишенский); 6) елогуйский. Этнонимическое название представителей данной группы селькупов — с е л ь к у п ы.

Центральная группа (4 диалекта): 1) ваховский; 2) тымский; 3) васюганский; 4) нарымский. Этнонимическое название представителей данной группы селькупов — ч у м ы л ь к у п ы.

Южная группа (5 диалектов): 1) среднеобской — р. Обь (среднее течение Оби на территории Томской области), поселки и деревни: Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондрово; 2) чаинский; 3) кетский; 4) верхнеобской; 5) чулымский. Этнонимические названия представителей данной группы селькупов — ш ё ш к у м ы и ш ё ш к у п ы (среднеобской диалект), т ю й к у м ы (чулымский), с ю с с ы к у м ы, с ю с с о к о й к у м ы (кетский, верхнеобской, чаинский).

Носителей среднеобского диалекта, выделенного по лингвистическим признакам, принято считать *шёшкумами/шёшкупами* (по этнонимическому принципу) [Глушков и др. 2013: 53—54]. Это обозначение является условным, так как ученые часто смешивают диалектно-локальную группу *шёшкун/шёшкуп* по этнонимическим и лингвистическим признакам. О границах расселения данной группы также есть разные гипотезы (подробнее см. [Сайнакова 2015: 19—28]). Например, селькупские говоры на Оби между Нарымом и Колпашевым Т. Янурик относит к обскому диалекту, а Х. Катц — к нарымскому [Хелимский 2004а: 68—69].

Е. А. Хелимский отмечает, что наиболее сложным в классификационном отношении и заслуживающим специального внимания является участок селькупской языковой территории, включающий обские говоры между Нарымом и Колпашевым, наряду с говорами Нижней Кети [Хелимский 2004б].

В отношении классификации отдельных говоров также нет единого мнения, например, Г. П. Поздеева относит иванкинский говор среднеобского диалекта к промежуточной (южно-центральному) группе [Поздеева 2013: 20—33].

Такого же мнения придерживалась и В. В. Быконя, согласно которой среднеобские говоры занимают особое положение в южной группе. Несмотря на территориальную близость к говорам южной группы, в языковом отношении они тяготеют к центральным говорам [Быконя 1998: 6].

По Е. А. Хелимскому, селькупы до относительно недавнего времени заселяли крупный, но практически компактный регион, в котором между носителями языка поддерживались систематические и интенсивные контакты. Это породило ситуацию диалектного континуума с постепенным нарастанием отличий от диалекта к диалекту [Хелимский 2004б]. В подобной ситуации границы диалектных зон нередко оказываются довольно размытыми. Это делает принципиально возможными два подхода к разграничению крупных диалектных зон: ориентация на отдельные изоглоссы (разбиение оказывается довольно жестким, но адекватность его зависит от того, насколько удачен выбор определенной изоглоссы в каждом конкретном случае) и на пучки изоглосс (разбиение оказывается репрезентативным, но сами пучки — сильно «растрепанными») [Хелимский 2004б].

По мнению А. И. Кузьминой, многие из носителей шёшкупского диалекта утратили свой язык и обрусели еще в начале XX в., так как основное место их жительства — Среднее Приобье от Нарыма и выше — было районом наиболее интенсивного проникновения туда в конце XVI — начале XVII века русских землепроходцев и служивых людей. К северу от шёшкупов по Оби проживали чумылькупы, в районе впадения в Обь Чулыма их соседями были туюкумы. В отрезе Оби примерно от юрт Сондровских до основного нарымского устья Кети проживали разрозненные группки кетских сюсюкумов. Происходило взаимодействие языка шёшкупов с языком более многочисленных чумылькупов, сюсюкумов, а также туюкумов [Кузьмина 1974: 190].

В архаическом виде А. И. Кузьмина обнаружила диалект *шёшкумов/шёшкупов* среди селькупов, проживающих на реке Оби в селькупских селах в окрестностях Колпашево, входивших ранее в так называемые «инородческие» волости: Тогурско-Порубежную (юрты Езенгиных, Конеровы, Островных, Испаевых) и Нижнее-Тогурскую (юрты Тяголовы, Иготкины), а также бывшую Пиковскую (юрты Иванкины, Кияровы) [Кузьмина 1974: 190].

Чтобы определить особенности среднеобского говора, воспользуемся классификацией Е. А. Хелимского. Он предлагает выделять пять основных диалектов современных селькупских говоров: северный (Таз с Пуром, Карасино, Турухан с Баихой, Елогуй), тымский, нарымский (Обь в районе Нарыма, Васюган, Парабель), кетский и обской (Обь в районе Колпашева и выше). Тымский и нарымский по ряду признаков объединяются в центральную группу, а кетский и обской — в южную. Подобная группировка

допускает альтернативное решение вопросов о принадлежности селькупских говоров на Оби между Нарымом и Колпашевым (переходных между обским диалектом и нарымским диалектом) и на Нижней Кети (переходных между обским и кетским диалектами) [Хелимский 2004а: 68—69].

Е. А. Хелимский предлагает набор изоглосс, позволяющих разграничить северные, центральные и южные диалекты [Хелимский 2004а: 68—79].

Ниже особое внимание будет обращено на говоры, находящиеся в зоне контакта со среднеобским диалектом, для определения его черт, поэтому в ходе анализа будут использованы только те изоглоссы, которые позволяют отделить центральные диалекты от южных. Данное разделение — не «жесткое» и выявлено только по определенным изоглоссам.

Таблица 1

Изоглоссы, направленные на выявление признаков среднеобского диалекта селькупского языка путем его противопоставления южным и центральным (в частности, нарымскому и кетскому) диалектам селькупского языка²

Особенности	Южные диалекты	Центральные диалекты
1) Для обширного класса основ и грамматических формантов с носовыми и смычными согласными установлено соответствие	<i>-m, -n, -ŋ</i> Об. — <i>nim</i> ‘бог’ Об. — <i>ton</i> ‘сто’ Об. — <i>kanəŋ</i> ‘собака’	<i>-p, -t, -k</i> Н. — <i>nopp</i> ‘бог’ Н. — <i>tot</i> ‘сто’ Н. — <i>zanack</i> ‘собака’
2) Рефлексы интервокального * <i>-ŋ</i>	∅ Об. — <i>na</i> ‘нож’	<i>-y-</i> (или <i>-w-</i>) Н. — <i>nawy</i> ‘нож’
3) Переход * <i>š^j > s</i>	<i>s</i> Об. — <i>sakъ</i> ‘соль’	<i>š^j</i> Н. — <i>šakъ</i> ‘соль’
4) Отличительной чертой нарымского диалекта является развитие * <i>s-</i> > <i>h-, χ-</i> и * <i>ps-</i> > <i>f-</i> . На материале источников XVIII в. это развитие прослеживается еще крайне нерегулярно, но спустя столетие нарымский диалект характеризовался уже вполне последовательным употреблением <i>h-, f-</i> вместо * <i>s-</i> , * <i>ps-</i> (записи М. А. Кастрена).	<i>s</i> Об. — <i>суромъ</i> ‘зверь’ Об. — <i>ансы</i> ‘пицца’	(только нарымский) <i>h</i> Н. — <i>хурьпъ</i> ‘зверь’ Н. — <i>афы</i> ‘пицца’
5) В ряде слов самод. * <i>j-</i> отражен в южноселькупском не как <i>t^j</i> или <i>č^j</i> , а как <i>k</i>	<i>k-</i> Об. — <i>künde</i> ‘лошадь’	<i>tⁱ-, čⁱ-</i> Н. — <i>tschünde</i> ‘лошадь’
6) Отличительной особенностью кетского диалекта служит удлинение согласного, расположенного в начале слога и следующего за кратким гласным или сонантом	К. — <i>tippi</i> ‘муж’ Об. — <i>tybal</i> ‘муж’	Н. — <i>tibeb</i> ‘муж’
7) Сомнения вызывает использование в качестве диалектологического критерия соответствия для южных диалектов <i>-j</i> и центральных <i>-l/lⁱ</i> . В обском диалекте чередование <i>-j</i> и <i>-l/lⁱ</i> представлено по крайней мере на уровне морфонологии, в том числе на стыках слов	(адъективный суффикс) Об. — <i>tassui-ütt</i> ‘холодная вода’	(адъективный суффикс) Н. — <i>nelgul</i> ‘женский’

В данной таблице можно увидеть основные шесть изоглосс, разграничивающих обский и нарымский диалекты, а также одну изоглоссу, отделяющую обский и кетский диалекты по классификации Е. А. Хелимского.

Но в диссертации Г. П. Поздеевой [Поздеева 2013] было показано, что в иванкинском говоре по материалам, собранным под руководством А. П. Дульзона присутствовали как южные, так и центральные черты. В связи с этим мы дополнительно проанализировали данные по говору населенного пункта Иванкино среднеобского диалекта, представленные в исследовании Г. П. Поздеевой, которые показывают отклонения от предложенных Е. А. Хелимским диалектно-дифференцирующих признаков (представленных выше) для обского диалекта [Поздеева 2013: 20—33].

² Ниже в таблице языковой материал приведен по работе [Хелимский 2004а: 68—79], орфография источников сохранена.

На основании анализа доступных нам фольклорных текстов по иванкинскому говору среднеобского диалекта селькупского языка, представленных томами 55 и 58, из архива кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, было решено дополнительно проанализировать проблемные места, выделенные Г. П. Поздеевой. Однако внимание уделялось не только месту записи, но и принадлежности информанта к определенному диалекту при помощи металингвистической информации во избежание механических ошибок. Оказалось, что все информанты жили в Иванкино безвыездно в течение долгого времени, два информанта переехали туда из деревень Иготкино и Киярово.

Согласно первому диалектно-дифференцирующему признаку, по Е. А. Хелимскому, для носовых и смычных согласных в ауслауте установлены следующие соответствия: Ю. *-м, -н, -н*; Ц. *-п, -т, -ц/к*³ [Хелимский 2004а: 70—71]. Как утверждает Г. П. Поздеева, в говоре Иванкино южного диалекта вместо ожидаемых согласных *-м, -н, -н* в ауслауте наблюдаются согласные, характерные для центральных диалектов: *суруп* ‘зверь’, *мат* ‘я’, *кан* ‘кровь’, *куп* ‘человек’, *канак* ‘собака’ [Поздеева 2013: 22—23].

Мы решили перепроверить данный факт для иванкинского говора на основе имеющейся у нас информации. В таблице представлены данные, приведенные Г. П. Поздеевой, и данные, полученные нами в ходе анализа.

Таблица 2

Иванкинский говор

Анализ Г. П. Поздеевой	<i>óром</i> [9] ⁴ , <i>ором</i> [41]	<i>пет</i> [41], <i>педь</i> [51], <i>пет</i> [55], <i>п'ит</i> [55]	<i>канак</i> [43], <i>каннак</i> , <i>канак</i> [55], <i>к'анак</i> [55]	<i>куп</i> (6) [41], <i>ууп, куп</i> [55]	<i>кан</i> , <i>каб</i> , <i>кан</i> (2) [55]	<i>мат</i> [9], <i>мат</i> (2) [41], <i>мат</i> (3) [51], <i>мат</i> (2) [55]	<i>с'уруп</i> [41], <i>суруп</i> [51], <i>сурьм</i> [55], <i>суруп</i> [55]
Дополнительный анализ в рамках исследования	—	<i>п'ет</i> [58] <i>пет</i> [58]	—	<i>куп</i> [55]	—	<i>мат</i> (32) [55, 58], <i>ман</i> [58]	<i>суруп</i> [58], <i>с'урьм</i> (ACC) [55]

Проверка употребления этих слов в томах показала, что данные в работе Г. П. Поздеевой были приведены верно, однако мы решили поискать дополнительные лексемы, оканчивающиеся в ауслауте на указанные согласные.

-м vs -п Лексемы с показателем аккузатива могут заканчиваться как на *-м*, так и на *-п*: ACC *-м* (28) [58, 55] это (*табьп* ‘его’), ACC *-п* (41) [58, 55] (*табым* ‘ее’). Согласно «Селькупско-русскому диалектному словарю» [Быконя 2005], тазовскому (северный), тымскому (центральный) диалектам и обским говорам свойственны показатели аккузатива на *-м* и *-п*, в то время как кетскому диалекту (южный) — только на *-м* [Быконя 2005: 320]. Эти данные не соответствуют информации по центральному селькупским говорам в [Хелимский 2004а: 70—71]. Возможно, это связано с тем, что данные, доступные Е. А. Хелимскому, были взяты из работ более ранних исследователей центральных селькупских говоров.

-н vs -т Лексема, обозначающая 2 л. ед.ч., в ряде случаев имеет *-т* в ауслауте — *мат* (6) [58, 55], в ряде случаев *-н* — *тан* (6) [58, 55]. Показатель генитива в ауслауте всегда имеет показатель *-т* (в ряде случаев возможна ассимиляция) (10) [58] (*табыт аз* ‘ее отец’, *Идет т'ят* ‘об Иде’). Согласно «Селькупско-русскому диалектному словарю» [Быконя 2005], тазовскому, тымскому диалектам и обским говорам свойственны показатели генитива *-н* и *-т*, в то время как кетскому диалекту — только *-н* [Быконя 2005: 320]. Как и в предыдущем случае, возможно, это является связано с тем, что результаты В. В. Быкони и Е. А. Хелимского были получены при исследовании разных диахронных срезов языка.

-н vs -ц/-к⁵ В рассмотренных текстах зафиксировано использование в ауслауте как *-н*; например, *котинь* ‘много’ (4) [58], *сываң* ‘хорошо’ (2) [58], *варгын* ‘сильно’ [58], *кошкалың* ‘плохо’ [58]; так и *-к*: *надек* ‘девочка’ (2) [58].

Следующий диалектно-дифференцирующий признак выражается в рефлексии интервокального **-н*-: центр. *-у*-; южн. *-θ*-. Согласно Г. П. Поздеевой, в иванкинском говоре в ряде случаев вместо ожи-

³ Е. А. Хелимский не уточнил, что именно подразумевается под звуком *-к* в его записях. На основе архивных данных южная *-н* находится в оппозиции к центральному *ц/к, ц/к*, в свою очередь, находится в отношении свободного варьирования, судя по записям, и в настоящее время в связи с исчезновением диалекта установить правила их распределения уже не удастся.

⁴ В квадратных скобках указаны номера томов, в круглых — количество примеров.

⁵ Здесь и далее при анализе будет сохраняться оригинальная транскрипция из архивных данных, в которой звук *к* обозначает увулярный *ц*, звук *к* — обычный смычный *к*. В архивных данных звук *н* часто передается как *п*.

даемого «нуля» появляется согласный, характерный для центральных диалектов: *пáуь*, *павы* (3) [41], *пау* [51] ‘нож’ [Поздеева 2013: 24]. Мы смогли найти только одну лексему, демонстрирующую данное явление — *нож*: *пау-ладыт* ‘их ножи’, *пау-ландысе* ‘с их ножами’ (2), *павы* ‘нож’ [58], *павып* ‘нож-АСС’, *павм* ‘нож-АСС’ [58]. Полученные результаты демонстрируют проявление признаков, свойственных как центральным, так и южным диалектам селькупского языка.

Рефлексация сев., центр. *wⁱ* — ~ южн. *c*-, по мнению Е. А. Хелимского связана с переходом **wⁱ* > *c*- в южных диалектах [Хелимский 2004а: 71—72].

Согласно Г. П. Поздеевой, в южных диалектах, в иванкинском говоре в частности, данное явление не наблюдается [Поздеева 2013: 25]. Результаты нашего исследования полностью подтверждают это.

Подводя итоги, отметим, что, согласно первым двум рассмотренным диалектно-дифференцирующим признакам, иванкинский говор среднеобского диалекта селькупского языка демонстрирует изоглоссы, характерные как для центральных, так и для южных диалектов селькупского языка. А примеры на реализацию изоглоссы по третьему признаку в доступных нам материалах не зафиксированы.

Далее, согласно С. В. Глушкову, можно выделить две черты, отграничивающие другие южные диалекты от шёшкупского (среднеобского) диалекта

Важной исследовательской задачей в данной статье является сбор материалов по топонимам группы шёшкупов р. Оби. Материал, записанный лингвистами от селькупов д. Иванкино необходимо было структурировать, определить достоверность собранных данных от информантов д. Иванкино, дать морфологический разбор топонимов и гидронимов территории проживания шёшкупов и соотнести языковые особенности, отраженные в топонимах, с фамилиями их носителей и местом их проживания.

В 1952 г. А. П. Дульзон сделал записи по топонимике (прежде всего, были записаны гидронимы) в д. Иванкино от информантов — Ирины Васильевны Чаршиной, Надежды Гавриловны Чаршиной и Романа Сергеевича Тобольжина (1879 г. р., родившегося в д. Иготкино). От И. В. Чаршиной и Н. Г. Чаршиной записаны названия д. Иванкино и озера Сокулдо. От Р. С. Тобольжина в полевых материалах записаны названия рек — Обь, Кеть, Пиковка, Пурьянга, протоков — Чаршинская, Егорская, Михадеевская, Прямая, Кияровская, курьи — Тебенакская, чворов — Сырковый и Кияровский, озера — Кашпар и названия деревень — Инкино, Зайкино, Сагандуково [Дульзон 1952: 217—276] (здесь и далее см. Приложение 1).

Научные исследования территории проживания диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби во второй половине XX в. были продолжены ученицей А. П. Дульзона — Э. Г. Беккер. В 1962—1963 годах Э. Г. Беккер были предприняты поездки по Томской области в места проживания селькупов с целью выявления устных форм и вариантов топонимических названий и практического изучения селькупского языка. В июне 1962 г. Э. Г. Беккер собрала материал в д. Иванкино от информантов: Матрёны Дмитриевны Комаровой, Анисьи Александровны Тобольжиной, Марии Романовны Тобольжиной, Анны Фёдоровны Ижучкиной, Валентины Романовны Сычиной, Марии Дмитриевны Колпашниковой (1895 г. р.), Натальи Гавриловны Чаршиной.

Основной материал по топонимам был зафиксирован от Анны Фёдоровны Ижучкиной из д. Иванкино [Беккер 1962: 595—645]. Э. Г. Беккер записала названия рек, протоков, истоков, озер, чворов, ям (см. Приложение 1, 2).

Материалы от информантов из д. Иванкино, наряду с материалами по топонимике из других ареалов, вошли в диссертационную работу Э. Г. Беккер «Селькупские топонимы Западной Сибири» (1965), где рассматривались типы топонимических названий: названия рек (больших и малых), названия истоков, названия озер, названия населённых пунктов. В Приложении к этой работе приведены 112 топонимов с пометкой о записи их в д. Иванкино [Беккер 1965: 189—240].

Однако Э. Г. Беккер исследовала топонимику всех диалектно-локальных групп селькупов, поэтому материал из д. Иванкино собирался и изучался ею в совокупности с данными из других районов расселения селькупов. Позднее топонимический материал, собранный Э. Г. Беккер, частично был опубликован Я. А. Яковлевым (см. [Яковлев 2000: 67—103]; в его публикации упомянуто 9 иванкинских топонимов).

В 1967—1968 годы в д. Иванкино побывала лингвист-селькуповед А. И. Кузьмина. От информантов Елизаветы Варламовны Сычиной и Марии Романовны Тобольжиной (1956 г. р.). А. И. Кузьминой были записаны названия двух рек — Обь и Пурьянга и названия четырех деревень — Иванкино, Киярово, Инкино и Тогур [Кузьмина 1967: 6].

Сбор языкового материала показал, что носители «иванкинских» особенностей в селькупском языке не ограничиваются лишь расселением в самих юртах Иванкиных. По материалам А. П. Дульзона, А. И. Кузьминой, Э. Г. Беккер, представители этого говора проживали и в соседних деревнях: Киярово, Езенгино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково. Исследователями также были упомянуты населённые пункты Басмасово, Мумышево, Тайзаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондорово, Тогур и Инкино. Возможно, что в этих населённых пунктах исследова-

тели также находили информантов, в чьей речи были черты, характерные для говора иванкинцев [Сайнакова 2015: 24].

Таким образом, обобщая материал о топонимах, собранных в д. Иванкино, приведённых в таблице в Приложении 1, можно сделать следующие **выводы**.

Этнографический материал был записан от шести человек: Е. В. Сычиной, М. Р. Тобольжиной, И. В. Чаршиной, Н. Г. Чаршиной, Р. С. Тобольжина, А. Ф. Ижучкиной. Однако основная часть информации была собрана лишь от двух информантов — Н. Ф. Ижучкиной и Р. С. Тобольжина. Несмотря на то, что все информанты являются *шёшкупам*/шёшк*ума*ми и владеют среднеобским диалектом, смешение понятий определения диалектов по самоидентификации и по лингвистическим признакам является нежелательным. Местное население могло относить себя к тому или иному самоназванию под воздействием каких-либо случайных факторов: женитьба, переезд и т. д. В свою очередь, *шёшкупы*/шёшк*умы*, основная их часть, говорила, предположительно, на среднеобском диалекте.

Топонимы представлены изолированным словником, где перемешаны разные лингвистические черты южных и центральных диалектов, причем предложенные одними и теми же информантами. Лингвистический анализ отдельных слов затруднен. Также в словниках обычно не представлена или слабо представлена морфология, позволяющая отнести данные названия к определенному диалекту. Некоторые названия не имеют характерных признаков, позволяющих отнести их к какому-либо диалекту, например, гидроним *gold* ‘Обь’ и т. д., либо при интерпретации которых велика степень ошибки, поскольку подавляющее большинство селькупских гидронимов невозможно найти на карте, возникает проблема с определением их локализации. Достоверными данными по расселению шёшкупов/шёшкумов могут считаться только те, которые были напрямую подтверждены информантами.

Далее будет произведена попытка выделения некоторых диалектных особенностей анализируемых топонимов (список топонимов см. в Приложении 1). Предложенный список топонимов был проанализирован согласно выдвинутому фонологическим критериям. Сразу сделаем ряд оговорок: 1) так как многие топонимы графически записаны как одно слово, которое, скорее всего, состоит из нескольких фонологических слов, окончание фонологического слова на его стыке с другим фонологическим словом будет рассматриваться как ауслат; 2) к рассмотрению принимались лишь те топонимы, которые в определенной степени поддавались глоссированию и расшифровке.

1. Противопоставление южных носовых согласных центральным смычным согласным в ауслате: Ю. *-м, -н, -у*; Ц. *-п, -т, -ʃ/к*.

Центр. -ʃ/-к vs южн. -у. Проанализированные фонологические слова оканчиваются на смычный *-ʃ/-к* в ауслате:

пр'ак ‘Пурьянга’ (3); *марена'к* ‘Тогур’; *шадык куадж* (*шадык куадж* ‘сырок-запор’) ‘Сырковый чвор озеро’; *канаке̄т* (*канак-ēт* ‘собака-деревня’) ‘Сагандуково’; *нуджкводженак* (*нудж-кводже-н-ак* ‘трава-запор-GEN-устье’) нет перевода; *варг пәнжабрăк* (*варг пәнжа-брăк* ‘большой стрежь-исток’) ‘Большой стрежневой исток’; *кыба пәнжабрăк* (*кыба пәнжа-брăк* ‘маленький стрежь-исток’) ‘Малый стрежневой исток’; *кунак* (*ку-н-ак* ‘человек-GEN-рот’) ‘Человека рот — исток’; *мейнак* (*мейн-ак* ‘?-рот’) нет перевода; *варг кылнак* (*варг кыл-н-ак* ‘большой глубокая яма-GEN-устье’) ‘Исток, устье глубокой ямы’; *арктёу* (*арк-теу* ‘другой?-исток’) ‘Исток поперек’; *пуджуйак* (*пуджуй-ак* ‘?-устье’) ‘Тенистое озеро’; *пёнджебрăк* (*пёндже-брăк* ‘?-исток’) ‘Стаханова пристань’.

Во всех представленных примерах наблюдается смычный увулярный *-ʃ* либо смычный *к*. Отсутствуют примеры на носовой *у*. Всего 13 примеров.

Центр. -т vs. южн. -н. Проанализированные слова оканчиваются на смычный *-т* и носовой *-н*:

кежарын кужере (*кежары-н кужере* ‘кияр?-GEN-курья’) ‘Киярский чвор’; *нуджкводженак* (*нудж-кводже-н-ак* ‘трава-запор-GEN-устье’) нет перевода; *кунак* (*ку-н-ак* ‘человек-GEN-рот’) ‘Человека рот — исток’; *варг кылнак* (*варг кыл-н-ак* ‘большой глубокая яма-GEN-устье’) ‘Исток, устье глубокой ямы’; *мейнатсой* (*мейн-а-т-сой* ‘?-рот-GEN-исток’) нет перевода; *лаврентитто* (*лаврент-и-т-то* ‘Лаврентий-GEN-озеро’) ‘Лаврентьево озеро’; *лабдаратто* (*лабо-ара-т-то* ‘Ефим-старик-GEN-озеро’) ‘Ефимушкино озеро’; *пăтро-тто* (*пăтро-т-то* ‘Петр-GEN-озеро’) ‘озеро Петрово’; *лемѣшкааратто* (*лемѣшка-ара-т-то* ‘Лементий-старик-GEN-озеро’) ‘Лементьева озеро’; *пилкайаратто* (*пилка-й-ара-т-то* ‘Филипп-ADJZ-старик-GEN-озеро’) ‘Филюшкино озеро’; *мăрготкводжчвер* (*мăрго-т-кводж-чвер* ‘Марк-GEN-запор-чвор’) ‘Маркин чвор’; *кижарткужеріе* (*кижар-т-кужеріе* ‘Кияр-GEN-курья’) ‘Киярская курья’; *аратто* (*ара-т-то* ‘старик-GEN-озеро’) ‘Дедушкино озеро’; *логаткужерчвър* (*лога-т-кужер-чвър* ‘лиса-GEN-курья-чвор’) ‘Лисье озеро’; *кветабитто* (*кве-т-аби-то* ‘береза-GEN-?-озеро’) ‘Подберезовое озеро’; *лѣмбѣтпедикас'т'ъ* (*лѣмбѣ-т-пед-и-кас'т'ъ* ‘орел-GEN-гнездо-?’) ‘озеро Орлиное гнездо’; *каріеткводж* (*каріе-т-кводж* ‘Григорий-GEN-запор’) ‘исток Григория’; *н'ез'етнак'то* (*н'ез'е-т-нак'то* ‘топор-GEN-рукоятка-озеро’) ‘Топорище озеро’.

В 4-х примерах наблюдается носовой *-н*, в 14-ти примерах — смычный *-т*. В дополнение 6 примеров на *-т* можно рассматривать или не рассматривать как ассимиляцию: *-т* (GEN)- *то* ('озеро').

-м vs -н. Проанализированные фонологические слова оканчиваются на смычный *-н* (*-б*) в ауслаут:

кыба кáръб пòдподитò (*кыба кáръ(б) пòд-поди-то* 'маленький-морда (ACC?) поставить сеть-DUR?/PSTN?-PTCP-озеро') 'Малое озеро, куда морду ставят'; *варг кáръб пòдподитò* (*варг кáръ(б) пòд-поди-то* 'большой-морда (ACC?) поставить сеть-DUR?/PSTN?-PTCP-озеро') 'Большое озеро, куда морду ставят'.

Во всех примерах наблюдается смычный *-б* (*-н*). Примеры на носовой *-м* отсутствуют. Всего 2 примера. Мы не рассматриваем данный факт в качестве надежного аргумента, так как для качественного анализа необходимо большее количество примеров с ауслаутом на *-м vs -н*.

2. Центр. *-л vs. южн. -й (и)*:

русал'owи то (*русал'ow-и то* 'Русалев-ADJZ-озеро') 'Русалево озеро'; *ла́йкводж* (*ла-й-кводж* 'язь-ADJZ-запор') 'Язевый исток'; *пил'ка́йаратто* (*пил'ка-й-ара-т-то* 'Филипп-ADJZ-старик-GEN-озеро') 'Филипошкино озеро'; *кожарито* (*кожар-и-то* 'мамонт-ADJZ-озеро') 'Мамонтово озеро'; *шўйкводж* (*шў-й-кводж* 'змея-ADJZ-запор') 'Змеиный исток (запорный)'; *кав'жайтò* (*кав'жа-й-то* 'линь-ADJZ-озеро') 'Линевое озеро'; *ка́зайкъл* (*ка́за-й-къл* 'окунь-ADJZ-яма') 'Окунева ямка'; *лъмбътпед'икас'т'ъ* (*лъмбът-пед-и-кас'т'ъ* 'орел-GEN-гнездо-ADJZ-?') 'озеро Орлиное гнездо'; *нагурд'арайто* (*нагур-д'ара-й-то* 'три-развилка-ADJZ-озеро') 'Трехразвильное озеро'; *кагайпòдчър* (*кага-й-по-д-чър* 'могила-ADJZ-озеро?-чвор?') 'Кладбищенское озеро'; *тўйлет* (*тўй-л-ет* 'береста?-ADJZ-деревня') 'Инкино'; *шя́рълто* (*шя́ръ-л-то* 'чайка-ADJZ-озеро') 'Чайкино озеро'; *некълто* (*некъ-л-то* 'лось-ADJZ-озеро') 'Лосиное озеро'; *сангълдò* (*сангъ-л-дò* 'глухарь-ADJZ-озеро') 'Глухариное озеро'; *тиугълдò* (*тиугъ-л-дò* 'лебедь-ADJZ-озеро') 'Лебединое озеро'; *надалдò* (*нада-л-дò* 'карась-ADJZ-озеро') 'Красное карасевое озеро'; *нўлгълдò* (*нўлгъ-л-дò* 'пихта-ADJZ-озеро') 'Пихтовое озеро'; *тўрултò* (*тўру-л-то* 'песок-ADJZ-озеро') 'Песчаное озеро'; *левлто* (*леу-л-то* 'доска-ADJZ-озеро') 'Досковое озеро'; *пачелто* (*паче-л-то* 'утка-чирок-ADJZ-озеро') 'Чирковое озеро'; *джамджгьлдáд'и* (*джамджъ-л-дад'и* 'лягушка-ADJZ-?') 'Лягушачье озеро'; *лъмбълт'ак* (*лъмбъл-т'ак* 'мохнатый-?') 'Моховое озеро'; *ватълто* (*ватъ-л-то* 'дорога-ADJZ-озеро') 'Дорожное озеро'; *н'ингълто* (*н'ингъ-л-то* 'камыш-ADJZ-озеро') 'Камышовое озеро'.

В 10-ти примерах наблюдается *-й* (*-и*), в 14-примерах — *-л*.

3. Центр. *х/ф vs. южн. с/пс*:

куд'ьсой (*куд'ь-сой* 'островное озеро-исток') 'Островное озеро'; *кwaгар'я́кысой* (*кwaгар-я́кы-сой* '?-речки?, как озерки?-исток') 'Прямой исток'; *лагорсой* (*лагор-сой* 'Егорка-исток') 'Егоркин исток'; *кусой* (*ку-сой* 'человек-исток') нет перевода; *мейнатсой* (*мейн-а-т-сой* '?-рот-GEN-исток') нет перевода; *шарат'осой* (*шарато-сой* 'твердый-исток') 'Твердый исток'; *мáлд'осой* (*мáл-до-сой* 'врозь-озеро-исток') 'Исток поврозь'; *лакрьёсой* (*лакре-сой* '?-исток') нет перевода; *ајесой* (*аје-сой* 'рот-исток') 'Ае исток'; *арт'осой* (*арто-сой* 'поперек-исток') 'Исток поперечного озера'; *т'весдò* (*т'вес-дò* 'узкий-озеро') 'Узкое озеро'; *сангълдò* (*сангъ-л-дò* 'глухарь-ADJZ-озеро') 'Глухариное озеро'; *корсой* (*кор-сой* 'глубокий-исток') 'Ломовое озеро'; *ка́зайкъл* (*ка́за-й-къл* 'окунь-ADJZ-яма') 'Окунева ямка'.

Во всех примерах наблюдается использование *с*. Примеры на *х* отсутствуют. Всего 14 примеров.

ф vs пс. — не найдено примеров.

4. Центр. *ш' vs. гипотетическое южн. с⁶*:

шады́к куáдж (*шады́к куáдж* 'сырок-запор') 'Сырковый чвор озеро'; *шя́рълто* (*шя́ръ-л-то* 'чайка-ADJZ-озеро') 'Чайкино озеро'; *шарат'осой* (*шарато-сой* 'твердый-исток') 'Твердый исток'; *шоромдò* (*шором-дò* 'дождь-озеро') 'Дождевое озеро'; *шўудò* (*шўу-дò* 'змея-озеро') 'Змеиное озеро'; *шўйкводж* (*шў-й-кводж* 'змея-ADJZ-запор') 'Змеиный исток (запорный)'; *шя́релто* (*шя́рел-то* 'камыш-озеро') 'Камышовое озеро'; *шиды́кводж* (*шиды-кводж* 'сырок-запор') 'Сырковое озеро (чвор)'; *шёды́кводж* (*шёды-кводж* 'сырок-запор') 'Сырковый чвор'.

Во всех примерах наблюдается *ш*. Всего 9 примеров.

5. Рефлексии интервокального прасамодийского ***-ш-**: центр. **-у-** vs. южн. **-о-** — не найдено примеров.

6. Прасамодийский ***й-** отражен в южных диалектах не в виде **т^ј-** или **ч^ј-**, а как **к-** — не найдено примеров.

7. Удлинение согласного, расположенного в начале слога и следующего за кратким гласным или сонантом, как в кетском диалекте отсутствует.

Различия между центральными и южными диалектами селькупского языка проявляются также на уровне в морфологии и лексики. Данные особенности отражены в трудах по селькупскому языку таких

⁶ Данный критерий не прослеживается в качестве разграничительного, так как согласно представленным данным в центральных и южных диалектах используется только *-ш*. Тем не менее, поведение данной изоглоссы решено было проследить еще раз в рамках исследования.

исследователей, как, например, Е. А. Хелимский [Хелимский 2004а], Н. Г. Кузнецова [Кузнецова 1995], В. В. Быконя, Э. Г. Беккер, Л. А. Алиткина, И. А. Ильяшенко [Беккер и др. 1995а, б]. Но четко выделить лексические и морфологические особенности среднеобского говора, отличающие его от других диалектов на данный момент достаточно сложно. Этот вопрос остается открытым и требует дальнейшего изучения.

В следующей таблице приведены результаты фонологического анализа топонимов (см. Приложение 1). В топонимах с большой долей вероятности могло сохраниться более архаическое состояние среднеобского диалекта (иванкинского говора), и, как было показано выше, в явном виде присутствуют как центральные, так и южные признаки. **Это доказывает промежуточный статус обского диалекта, и дает картину изоглосс более четкую, чем в обычной лексике, при этом тот факт, что ряд черт дает только центральную или только южную рефлексацию в топонимах позволяет предположить, что промежуточный статус говора возник не в результате влияния соседних диалектов, а в момент разделения диалектов на южные и центральные, при этом специфическая картина изоглосс сохранилась именно в топонимах.**

Рефлексия показателей *-ʃ/-к vs -ʃ* чисто центральная, *-т vs -н* более центральная. Рефлексия показателей *-м vs -п* и *х vs с* чисто южная. Из-за нерепрезентативности показателей *-м vs -п* (всего 2 примера) данный критерий не может быть использован для четкого разграничения. Рефлексация показателей *-л vs -й* распределена примерно поровну.

Таблица 3

Результаты фонологического анализа топонимов

	<i>-ʃ/-к vs -ʃ</i>	<i>-т vs -н</i>	<i>-м vs -п</i>	<i>-л vs -й</i>	<i>х vs с</i>
Центральные признаки	<i>-ʃ/-к</i> 13 примеров, 100 %	<i>-т</i> 14 примеров, 78 %	<i>-м</i> Нет примеров	<i>-л</i> 14 примеров, 58 %	<i>х</i> Нет примеров
Южные признаки	<i>-ʃ</i> Нет примеров	<i>-н</i> 4 примера, 22 %	<i>-п</i> 2 примера	<i>-й</i> 10 примеров, 42 %	<i>с</i> 14 примеров 100 %
Доминирующие признаки	Центральные	Центральные	Южные	Нет доминирующих признаков	Южные

Распределение выделенных признаков по информантам не показывает каких-либо значимых результатов. Рефлексия *-ʃ/-к vs -ʃ*, *-м vs -п* и *х vs с* — является общей для всех информантов (у которых зафиксированы данные примеры). Рефлексия *-т vs -н* и *-л vs -й* зафиксирована только у двух информантов: Тобольжина Романа Сергеевича и Ижучкиной Анны Федоровны.

У Тобольжина Романа Сергеевича записан один пример на *-т vs -н* — *kejáryn kujépe* (*kejaryn-н kujépe* ‘кияр?-GEN-курья’) ‘Киярский чвор’, демонстрирующей использование изоглоссы *-н*, и 2 примера на *-л vs -й* — *rusal'owu to* (*rusal'ow-u to* ‘Русалев-ADJZ-озеро’) ‘Русалево озеро’ и *mýälem* (*mýä-l-em* ‘береста?-ADJZ-деревня’) ‘Инкино’, демонстрирующие использование изоглосс *-л* и *-й (и)*. Все остальные примеры записаны у Ижучкиной Анны Федоровны.

Приложение 1.
Топонимы, собранные в д. Иванкино

**О границах расселения диалектно-локальной группы *šöšqim/šöšqur* по данным топонимики
(в которых отразилась специфика её диалектных особенностей)**

№	Автор и источник	Информанты	Селькупские названия	Оригинальный перевод (гlossы)	Перевод
1	[Кузьмина 1967 (11), 1:6] Полевые материалы А. И. Кузьмина Том 11, тетрадь №1 (1967 г.)	1. Сычина Елизавета Варламовна 2. Тобольжина М. Р. (1956 г.)	1. <i>колд</i> 2. <i>пр'ак</i> 3. <i>пил'?'д'?</i> 4. <i>кэжарм</i> 1. <i>кыр'а</i> 2. <i>марена'к</i>		1. Обь 2. Пурьянга 3. Иванкино 4. Киярово 1. Инкино 2. Тогур
2	[Дульзон 1952, 217, 250] А. П. Дульзон Материалы по языку и этнографии нарымских остяков, I том (1952 г.)	1. Ирина Васильевна Чаршина 2. Надежда Гавриловна Чаршина	1. <i>пйүлет</i> 2. <i>тогульдо</i>	1. (<i>пйүл-ет</i> ‘?-деревня’) 2. (<i>тогул-до</i> ‘?-озеро’)	1. Иванкино (на Оби) 2. Озеро в Иванкино
2	[Дульзон 1952, 272—276] А. П. Дульзон Материалы по языку и этнографии нарымских остяков, I том (1952 г.)	Тобольжин Роман Сергеевич (1875 г. р), родился в д. Иготкино	1. <i>кы;</i> 2. <i>пйгъшынт'</i> 3. <i>пр'ак</i> 4. <i>в'анджугу</i> 5. <i>тёw</i> 6. <i>н'алогот тёw</i> 7. <i>т'айшынт'</i> 8. <i>шадык куадж</i> 9. <i>п'ад'е куадж</i> 10. <i>кежарын кужере</i> 11. <i>каджу</i> 12. <i>куалүо</i> 13. <i>куадж</i> 14. <i>квёш кёш</i> 15. <i>русал'ови то</i> 16. <i>каж'ар то</i> 17. <i>кв'аниго</i>	1. 2. (<i>пй-гъшвент'</i> ‘осина-?’) 3. 4. 5. 6. (<i>н'алогот тёw</i> ‘?-протока’) 7. 8. (<i>шадык куадж</i> ‘сырок-запор’) 9. (<i>п'ад'е куадж</i> ‘чебак?-чвор’) 10. (<i>кежары-н кужере</i> ‘кияр?-GEN-курья’) 11. 12. 13. 14. (<i>квёш кёш</i> ?) 15. (<i>русал'ови-и то</i> ‘Русалев-ADJZ-озеро’) 16. (<i>каж'ар то</i> ‘мамонт-озеро’) 17.	1. река (речка); 2. Пиковка (осиновая); 3. Пурьянга; 4. Чаршинская протока; 5. Егорская протока; 6. Михадеевская протока; 7. Прямая протока; 8. Сырковый чвор озеро; 9. чвор (может быть чебаковый запор?); 10. Киярский чвор; 11. Кияровская протока; 12. Тебинакская курья; 13. запор; 14. 24 чвора сюда входят, запоры ставят??; 15. Русалево озеро; 16. Капшар; 17. дер. Зайкино;

			18. <i>m'ü'älem</i> 19. <i>kanakēm</i> 20. <i>колд̆</i> 21. <i>kāt</i> 22. <i>nūyem</i>	18. (<i>m'jüä-l-em</i> 'береста?-ADJZ-деревня') 19. (<i>канак-ēm</i> 'собака-деревня') 20. 21. 22. (<i>nūyl-em</i> '?-деревня')	18. Инкино; 19. Сагандуково (жил Сагандуков); 20. Обь; 21. Кеть; 22. Иванкино;
3	[Беккер 1962, 595—645] Э. Г. Беккер Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. Том X. (1962 г.)	Ижучкина Анна Федоровна (Иванкино)	1. <i>кь</i> 2. <i>бр̆äk</i> 3. <i>w'анджъзу</i> 4. <i>күд̆ъсой</i> 5. <i>н'уджкводженак</i> 6. <i>кwaгар'äкысой</i> 7. <i>варг пәнжабр̆äk</i> 8. <i>кыба пәнжабр̆äk</i> 9. <i>лāйкводж</i> 10. <i>шārьлто</i> 11. <i>лāгорсой</i> 12. <i>кунак</i> 13. <i>кусой</i> 14. <i>мейнāк</i> 15. <i>мейнатсой</i> 16. <i>шаратдсой</i> 17. <i>мāлддсой</i> 18. <i>лакрēсой</i> 19. <i>ajeсой</i> 20. <i>варг кылнак</i> 21. <i>артдсой</i> 22. <i>төрратто</i> 23. <i>äpктéw</i> 24. <i>митри'ивас'ил'евичато</i>	1. 2. 3. 4. (<i>күд̆ъ-сой</i> 'островное озеро-исток') 5. (<i>н'удж-кводже-н-ак</i> 'трава-запор-GEN-устье') 6. (<i>кwaгар'äкы-сой</i> '?-речки, как озерки-исток') 7. (<i>варг пәнжа-бр̆äk</i> 'большой стрежь-исток') 8. (<i>кыба пәнжа-бр̆äk</i> 'маленький стрежь-исток') 9. (<i>ла-й-кводж</i> 'язь-ADJZ-запор') 10. (<i>шārь-л-то</i> 'чайка-ADJZ-озеро') 11. (<i>лāгор-сой</i> 'Егорка-исток') 12. (<i>ку-н-ак</i> 'человек-GEN-рот') 13. (<i>ку-сой</i> 'человек-исток') 14. (<i>мейн-ак</i> '?-рот') 15. (<i>мейн-а-т-сой</i> '?-рот-GEN-исток') 16. (<i>шарато-сой</i> 'твердый-исток') 17. (<i>мāл-до-сой</i> 'врозь-озеро-исток') 18. (<i>лакре-сой</i> '?-исток') 19. (<i>aje-сой</i> 'рот-исток'). Информант говорит, что <i>aje</i> — рот. 'Ае исток', так называют его русские; 20. (<i>варг кыл-н-ак</i> 'большой глубокий.яма-GEN-устье') 21. (<i>арто-сой</i> 'поперек-исток') 22. (<i>төрра-т-то</i> 'исток-GEN-озеро'). <i>төрра</i> 'исток' [Быконя 2005: 242] 23. (<i>арк-теw</i> 'другой-исток') ('поперек?') 24. (<i>митри'ивас'ил'евича-то</i> 'Дмитрий Васильевич-озеро')	1. Пиковка, правый приток реки Кеть. Остяки Иванкино считают название Пиковка русским. Ее они называют просто Пиковка, как и русские. Но на остяцком языке они ее называют просто кь; 2. Пурьянга; 3. Чаршина протока (жили Чаршины); 4. Островное озеро исток, исток впадает в это озеро; 5. 6. Прямой исток, он с Пурьянги сразу выходит в Кеть; 7. Большой стрежневой исток; 8. Малый стрежневой исток; 9. Язевый исток; 10. Чайкино озеро; 11. Егоркин исток; 12. Человека рот — исток; 13. 14. 15. 16. Твердый исток; 17. Исток поврозь; 18. 19. Ае исток; 20. Исток, устье глубокой ямы; 21. Исток поперечного озера; 22. Источное озеро; 23. Исток поперек; 24. озеро Дмитрия Васильевича;

		<p>25. <i>m'wecdò</i> 26. <i>лаврент'иттò</i> 27. <i>сàргèнибантò</i> 28. <i>аргешто</i> 29. <i>л'абòараттò</i> 30. <i>пàтропто</i> 31. <i>лемèшкаараттò</i> 32. <i>пил'кàйараттò</i> 33. <i>кожаритò</i> 34. <i>н'àрүасабартò</i> 35. <i>шоромдò</i> 36. <i>ел'ензатò</i> 37. <i>мàрготкводжчвэр</i> 38. <i>киjарткужер'è</i> 39. <i>шүүдò</i> 40. <i>некълто</i> 41. <i>арàттò</i> 42. <i>сад'итò</i> 43. <i>сангълдò</i> 44. <i>тингълдò</i> 45. <i>падалдò</i> 46. <i>кыбà кàръл пòдподитò</i> 47. <i>варг кàръл пòдподитò</i></p> <p>48. <i>пàрчъгү</i> 49. <i>н'улгълдò</i> 50. <i>шүйкводж</i> 51. <i>корсой</i> 52. <i>какшатò</i> 53. <i>кочълтò</i> 54. <i>т'урултò</i> 55. <i>логàткужерч'вэр</i> 56. <i>шàрелто</i> 57. <i>каwжайтò</i> 58. <i>шидыкводж</i> 59. <i>кàзайкъл</i> 60. <i>кармàшкатò</i> 61. <i>лewлтò</i></p>	<p>25. (<i>m'wec-dò</i> 'узкий-озеро') 26. (<i>лаврент'и-т-то</i> 'Лаврентий-GEN-озеро') 27. (<i>сàргèнибан-то</i> 'Сергей Иванович-озеро') 28. (<i>аргеш-то</i> '?-озеро') 29. (<i>л'абò-ара-т-то</i> 'Ефим-старик-GEN-озеро') 30. (<i>пàтро-т-то</i> 'Петр-GEN-озеро') 31. (<i>лемèшка-ара-т-то</i> 'Лементий-старик-GEN-озеро') 32. (<i>пил'ка-й-ара-т-то</i> 'Филипп-ADJZ-старик-GEN-озеро') 33. (<i>кожар-и-то</i> 'мамонт-ADJZ-озеро') 34. (<i>н'àрү(аса)-бар-то</i> 'гальник (?)-верх-озеро') 35. (<i>шором-дò</i> 'дождь-озеро') 36. (<i>ел'енза-то</i> 'Елена-озеро') 37. (<i>мàрго-т-кводж-чвэр</i> 'Марк-GEN-запор-чвор') 38. (<i>киjар-т-кужер'è</i> 'Кияр-GEN-курья') 39. (<i>шүү-дò</i> 'змея-озеро') 40. (<i>некъл-л-то</i> 'лось-ADJZ-озеро') 41. (<i>ара-т-то</i> 'старик-GEN-озеро') 42. (<i>сад'и-то</i> 'сзади-озеро') <i>сад'и</i> от русского 'сзади'; 43. (<i>сангъл-л-дò</i> 'глухарь-ADJZ-озеро') 44. (<i>тингъл-л-дò</i> 'лебедь-ADJZ-озеро') 45. (<i>пада-л-дò</i> 'карась-ADJZ-озеро') 46. (<i>кыба кàръл(б) пòд-по-ди-то</i> 'маленький-морда (ACC?) поставить сеть-DUR?/PSTN?-PTCP-озеро') 47. (<i>варг кàръл(б) пòдподитò</i> 'большой'-морда (ACC?) поставить сеть-DUR?/PSTN?-PTCP-озеро') 48. (<i>пàрчъгү</i> — глагол 'кипеть'; <i>пàрчъ-гү</i> 'кипеть-INF') 49. (<i>н'улгъл-л-дò</i> 'пихта-ADJZ-озеро') 50. (<i>шү-й-кводж</i> 'змея-ADJZ-запор') 51. (<i>кор-сой</i> 'глубокий-исток') 52. (<i>какша-то</i> '?-озеро') 53. (<i>кочъл-то</i> 'рядом-озеро') 54. (<i>т'уру-л-то</i> 'песок-ADJZ-озеро') 55. (<i>логà-т-кужер-ч'вэр</i> 'лиса-GEN-курья-чвор') 56. (<i>шàрел-то</i> 'камыш-озеро') 57. (<i>каwжа-й-то</i> 'линь-ADJZ-озеро') 58. (<i>шиды-кводж</i> 'сырок-запор') 59. (<i>кàза-й-къл</i> 'окунь-ADJZ-яма') 60. (<i>кармашка-то</i> 'карман-озеро') 61. (<i>лew-л-то</i> 'доска-ADJZ-озеро')</p>	<p>25. Узкое озеро; 26. Лаврентьево озеро; 27. Ивана Сергеевича озеро; 28. 29. Ефимушкино озеро; 30. озеро Петрово; 31. Лементьева озеро; 32. Филлюшкино озеро; 33. Мамонтово озеро; 34. озеро Тальниковая верхушка; 35. Дождевое озеро; 36. Еленино озеро; 37. Маркин чвор; 38. Киярская курья (закрыт. чворн. курьей); 39. Змеиное озеро; 40. Лосиное озеро; 41. Дедушкино озеро; 42. Заднее озеро; 43. Глухариное озеро; 44. Лебединое озеро; 45. Красное карасевое озеро; 46. Малое озеро, куда морду ставят; 47. Большое озеро, куда морду ставят; 48. Кипящее озеро; 49. Пихтовое озеро; 50. Змеиный исток (запорный); 51. Глубокий исток; 52. Ломовое озеро; 53. Рядом озеро; 54. Песчаное озеро; 55. Лисье озеро; 56. Камышовое озеро; 57. Линевое озеро; кет. [CPДC 2005: 161, 162]; 58. Сырковое озеро (чвор); 59. Окунева ямка; 60. Кармашкино озеро; 61. Досковое озеро;</p>
--	--	---	---	--

		<p>62. <i>kwetabitó</i> 63. <i>páððntó</i></p> <p>64. <i>пуджиджак</i> 65. <i>лѣмбѣтпедѣкасѣтѣ</i></p> <p>66. <i>пачѣлто</i> 67. <i>джаджаспкасѣтѣ</i> 68. <i>джадмдѣлѣдѣдѣ</i></p> <p>69. <i>пуданандж</i> 70. <i>курѣптó</i> 71. <i>áзалто</i></p> <p>72. <i>нагурдѣрайто</i> 73. <i>лѣмбѣлтѣак</i> 74. <i>кагайтѣодѣчр</i> 75. <i>сѣмѣтквѣдѣж</i> 76. <i>карѣтквѣдѣж</i> 77. <i>ватѣлто</i> 78. <i>марѣнылитó</i> 79. <i>кабатó</i></p> <p>80. <i>áрто</i> 81. <i>мáлетó</i> 82. <i>нѣнгѣлто</i> 83. <i>кòрдѣмкарѣмтѣто</i></p> <p>84. <i>лашипóрѣ</i> 85. <i>нѣзѣтпакѣто</i> 86. <i>карѣто</i> 87. <i>скрипкато</i> 88. <i>кодато</i> 89. <i>чѣкѣлто</i> 90. <i>пѣнджѣбрѣк</i> 91. <i>мѣдѣжквѣдѣж</i></p> <p>92. <i>шѣдыквѣдѣж</i> 93. <i>пáдѣквѣдѣж</i></p>	<p>62. (<i>кве-т-аби-то</i> ‘береза-GEN-?-озеро’) 63. (<i>пáðð-н-то</i> ‘?-GEN-озеро’) <i>páðð</i> — может быть ‘чебак’? 64. (<i>пуджиджак</i> ‘?-рот’) 65. (<i>лѣмбѣ-т-педѣ-и-касѣтѣ</i> ‘орел’-GEN-‘гнездо’-ADJZ-?) (<i>касѣтѣ</i> — тип озера?) 66. (<i>пачѣ-л-то</i> ‘утка-чирок-ADJZ-озеро’) 67. (<i>джаджасп-касѣтѣ</i> ?) 68. (<i>джадмдѣж-л-дадѣ</i> ‘лягушка-ADJZ-?’) <i>дадѣ</i> — тип озера? 69. (<i>пуда-нандж</i> ‘тина-?’) 70. (<i>курѣп-то</i> ‘?-озеро’) 71. (<i>áзал-то</i> ‘?-озеро’)</p> <p>72. (<i>нагур-дѣра-й-то</i> ‘три-развилка-ADJZ-озеро’) 73. (<i>лѣмбѣл-тѣак</i> ‘мохнатый-?’) 74. (<i>кага-й-по-дѣчр</i> ‘могила-ADJZ-озеро?- чвор’?) 75. (<i>сѣмѣ-т-квѣдѣж</i> ‘Семен’-GEN-‘запор’) 76. (<i>карѣ-т-квѣдѣж</i> ‘Григорий-GEN-запор’) 77. (<i>ватѣ-л-то</i> ‘дорога-ADJZ-озеро’) 78. (<i>марѣныли-то</i> ‘?-озеро’) 79. (<i>каба-то</i> ‘каба?-озеро’)</p> <p>80. (<i>ар-то</i> ‘поперек-озеро’) 81. (<i>мáле-то</i> ‘Мале?-озеро’) 82. (<i>нѣнгѣ-л-то</i> ‘камыш-ADJZ-озеро’) 83. (<i>кòрдѣмкарѣмтѣ-то</i> ‘?-озеро’)</p> <p>84. (<i>лашипорѣ</i> ?) 85. (<i>нѣзѣ-т-пакѣ-то</i> ‘топор-GEN-рукоятка-озеро’) 86. (<i>карѣ-то</i> ‘кривой-озеро’) 87. (<i>скрипка-то</i> ‘скрипка-озеро’) 88. (<i>кодато</i> ‘крючок-озеро’) 89. (<i>чѣкѣл-то</i> ‘?-озеро’) 90. (<i>пѣнджѣ-брѣк</i> ‘?-исток’) 91. (<i>мѣдѣж-квѣдѣж</i> ‘?-запор’) в комментариях: <i>мѣдѣж</i> — заним. больш. мучу 92. (<i>шѣды-квѣдѣж</i> ‘сырок-запор’) 93. (<i>пáдѣ-квѣдѣж</i> ‘чебак-запор’)</p>	<p>62. Подберезовое озеро; 63. Чаршин чвор; 64. Тенистое озеро; 65. озеро Орлиное гнездо; 66. Чирковое озеро; 67. Высохшее озеро; 68. Лягушачье озеро; 69. Тинистое озеро; 70. Боевое озеро; 71. озеро Русалево (перешагнуть только, но его нельзя перешагнуть); 72. Трехразвильное озеро; 73. Моховое озеро; 74. Кладбищенское озеро; 75. исток Семена; 76. исток Григория; 77. Дорожное озеро; 78. 79. Ручинское озеро; Народ, который раньше здесь проживал, наз. по-русски ‘ручинские’, а по-остяцки ‘каба’; 80. Поперечное озеро; 81. озеро Мале, русские его так называли; 82. Камышовое озеро; 83. озеро на коне ездят на мах — быстро (зимой); 84. Садовое озеро; 85. Топорище озеро; 86. Кривое озеро; 87. озеро Скрипка; 88. Крючковое озеро; 89. Развилостое озеро; 90. Прямой исток; 91. Стаханова пристань (стоит у устья); 92. Сырковый чвор; 93. Чебаковый исток, он тоже закрывается.</p>
--	--	--	---	---

Приложение 2.
Типы топонимических названий
(на основе полевых материалов Э. Г. Беккер (1962))

Гидронимы на селькупском языке	Гидронимы на русском языке	Примечания
<i>to</i>	озеро	
<i>чwóp</i>	большое озеро, тянется на километры	Изначально от <i>чвор</i> (татар.) — озеро с истоком от реки
<i>kwódж</i>	запор	Если река, озеро запорные, то прибавляется слово <i>kwódж</i>
<i>сой</i>	исток	
<i>tew</i>	побольше исток, чем <i>сой</i>	
<i>брáк</i>	исток еще больше, чем <i>tew</i>	
<i>чвор</i>	очень большое озеро	водится только белая рыба
<i>m'wer</i>	озеро поменьше чвора	
<i>колд</i>	большая река	
<i>кь</i>	речка	
<i>кыге</i>	таежная малая речка, ручеек	
<i>күдъде</i>	островное озеро (с истоком)	
<i>áka</i>	речки, как озерки	

Сокращения

Глоссы

ACC — аккузатив
 ADJZ — адъективизатор

GEN — генитив
 DUR — дуратив
 INF — инфинитив

PSTN — прошедшее повествовательное
 PTCP — причастие настоящего времени

Обозначение диалектов

К — кетский
 Об. — обский

Н — нарымский
 Ц — центральный

Ю — южный

Селькупская транскрипция (кириллица и латиница)

а a	д d	й j	ң ɲ	у u	ы i
ä ä	е e	к k	о o	ү ü	ь э
б b	ё ö	к q	п p	ф f	
в w	ж ž	л l	р r	х h	
г g	з z	м m	с s	ч č	
ү	и i	н n	т t	ш š	

Литература

Беккер 1962 — Беккер Э. Г. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков // ЛЯНС ТГПУ. Том 10. Томск, 1962. С. 595—645. {*Bekker E. G. Materials on the language and ethnography of the Narym Ostyaks // LSIL TSPU. Vol. 10. Tomsk, 1962. P. 595—645.*}

Беккер 1965 — Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири. КД. Томск, 1965. {*Bekker E. G. Selkup place-names of the Wester Siberia. Ph.D. thesis. Tomsk, 1965.*}

Беккер 1995а — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 1. Томск: ТГУ, 1995. {*Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Selkup morphology: the southern dialects. Part 1. Tomsk, 1995.*}

Беккер 19956 — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 2. Томск: ТГУ, 1995. {*Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Selkup morphology: the southern dialects. Part 2. Tomsk, 1995.*}

Быконя 1993 — Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Шёшкуй букварь. Томск, 1993. {*Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper Sh. Ts. Shyoshkuj primer. Tomsk, 1993.*}

Быконя 1994 — Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский (шёшкуйский диалект). Томск, 1994. {*Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper Sh. Ts. Selkup-Russian and Russian-Selkup dictionary. Tomsk, 1994.*}

Быконя 1997 — Быконя В. В. В помощь учителю селькупского языка для работы по букварю (шёшкуй). Методические указания. Томск, 1997. {*Bykonya V. V. Teacher's aid on the Selkup language for working with the primer (shyoshkuj). Guidelines. Tomsk, 1997.*}

Быконя 1998 — Быконя В. В. Имя числительное в картине мире селькупов. Томск, 1998. {*Bykonya V. V. Numerals in the Selkup world view. Tomsk, 1998.*}

Быконя 1999 — Быконя В. В. Шарватплэнд шёшкуй шэндсэ (Говори по-шёшкупски). Русско-селькупский разговорник. Томск, 1999. {*Bykonya V. V. Sharvatplend shyoshkuj shehndseh (Speak Shyoshkup). Russian-Selkup phrasebook. Tomsk, 1999.*}

Быконя 2005 — Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. Быконя В. В. Томск, 2005. {*Selkup-Russian dialectal dictionary / Ed. Bykonya V. V. Tomsk, 2005.*}

Глушков 2001 — Глушков С. В. Место чаинского диалекта в ряду других диалектных подразделений селькупского языка // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10—12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск — Омск, 2001. С. 197—198. {*Glushkov S. V. The Chaya dialect's place in the ranks of other dialectal divisions of the Selkup language // Samoyeds. Materials of the IV Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of Eastern Siberia" (10th—12th December 2001, Tobolsk). Tobolsk — Omsk, 2001. P. 197—198.*}

Глушков 2013 — Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 49—63. {*Glushkov S. V., Baydak A. V., Maksimova N. P. Selkup dialects // Selkups: Surveys of traditional culture and language. Tomsk, 2013. P. 49—63.*}

Дульзон 1952 — Дульзон А. П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков // ЛЯНС ТГПУ. Т. 1. Томск, 1952. С. 217—276. {*Dulson A. P. Materials on the Narym Ostyaks' language and ethnography. Vol. 1. Tomsk, 1952. P. 217—276.*}

Кузьмина 1967 — Кузьмина А. И. Dialekt von Ivankino am Ob // Полевые материалы А. И. Кузьминой (1967 г.). Т. 10. Тетрадь № 11. Архив Института финно-угристики/уралистики Гамбургского университета. {*Kuzmina A. I. Dialekt von Ivankino am Ob // Field materials of A. Kuzmina. (1967). Vol. 10. Notebook 11. Archive of the University of Hamburg Department of Finno-Ugric/Uralic studies.*}

Кузьмина 1974 — Кузьмина А. И. Грамматика селькупского языка. Часть I. Селькупы и их язык. Учебное пособие. Новосибирск, 1974. {*Kuzmina A. I. Selkup grammar: The Selkups and their language. Part 1. Novosibirsk, 1974.*}

Кузнецова 1995 — Кузнецова Н. Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск, 1995. {*Kuznetsova N. G. Grammatical categories of South Selkup verb. Tomsk: Tomsk University Press, 1995.*}

Морев 1978 — Морев Ю. А. К соотношению глухости-звонкости и долготы краткости шумных согласных в селькупском языке // Языки и топонимия. Вып. 6. Томск, 1978. С. 3—14. {*Morev Yu. A. On account of relationship between voiceless/voiced and long/short breath consonants in Selkup. // Languages and toponymy. Is. 6. Tomsk, 1978. P. 3—14.*}

Поздеева 2013 — Поздеева Г. П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. №1 (8). Москва, 2013. С. 20—33. {*Pozdeeva G. P. The Selkup language dialects: verifying the accepted classifications and a new take on the dialectal division // Ural-Altai Studies. #1(8). Moscow, 2013. P. 20—33.*}

Прокофьев 1935 — Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935. {*Prokofyev G. N. Selkup (Ostyak-Samoyedic) grammar. L., 1935.*}

Сайнакова 2015 — Сайнакова Н. В. О распространении этнонима *šöšqum/šöšqur* в среднеобском диалектно-локальном ареале // Урало-алтайские исследования №1 (16). Москва, 2015. С. 21—28. {*Saynakova N. V. Considering the distribution of šöšqum/šöšqur ethnonym in the Middle-Ob dialectal local area // Ural-Altai Studies. #1(16). Moscow, 2015. P. 21—28.*}

Хелимский 2004a — Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., Языки славянской культуры, 2004. С. 68—79. {*Helimski E. A. On account of the historical dialectology of the Selkup language // Comparative studies, Uralic studies: Lectures and articles. M., LRC Press, 2004. P. 68—79.*}

Хелимский 2004b — Хелимский Е. А. Критерии классификации диалектов селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., Языки славянской культуры, 2004. С. 80—81. {*Helimski E. A. Criteria for classifying Selkup dialects // Comparative studies, Uralic studies: Lectures and articles. M., LRC Press, 2004. P. 80—81.*}

Яковлев 2000 — *Яковлев Я. А.* Географические названия Колпашевского района. Что они означают? // Земля колпашевская. Томск, 2000. 76—103. {*Yakovlev Y. A.* Geographical names of Kolpashevskiy region. What do they mean? // Land of Kolpashevo. Tomsk, 2000. P. 76—103.}

Donner 1920 — *Donner K.* Über die anlautender labialen Spiranten und Verschlußlaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki, 1920.

Dulson 1971 — *Dulson A.* Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение, VII/1. Таллин, 1971. С. 35—43. {*Dulson A.* Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Sovetskoe finno-ugrovedenie, VII/1. Tallin, 1971. P. 35—43.}

Castren 1855 — *Castren M. A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855.

Katz 1979 — *Katz H.* Selkupische Quellen. Lesebuch. Wien, 1979.

Hajdú 1952 — *Hajdú P.* Pápai Károly szelkup szojegyzéke // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952 [Словарь]. P. 141—184. {*Hajdú P.* Pápai Károly szelkup szojegyzéke // Nyelvtudományi Közlemények 54. Budapest, 1952 [Dictionary]. P. 141—184.}

Hajdú 1968 — *Hajdú P.* Chrestomathia Samoiedica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968.

Janurik 1978 — *Janurik T.* A szölkup nyelvjárásos osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények. 1978, 80. P. 77—104.

РЕЗЮМЕ

Данная статья посвящена выявлению и описанию особенностей среднеобского диалекта/диалекта *шёшкупов/шёшкупов*, так как данный вопрос в научной литературе освещён в недостаточной степени. Впервые был собран, обобщён и проанализирован топонимический материал диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби, записанный исследователями-лингвистами от информантов д. Иванкино. Критерием определения границ расселения диалектно-локальной группы с самоназванием шёшкуп в данном исследовании стали данные по топонимике.

SUMMARY

The paper discusses analyzing and describing the peculiarities of the Middle-Ob dialect/the dialect of *Šöšqup/Šöšqum*. Scientific literature has not yet described this issue enough. For the first time, all the materials on hydronyms and toponyms of the river Ob *Šöšqup/Šöšqum* dialect-local group, recorded by linguists from the informants living in Ivankino village, were gathered, analyzed and generalized. Toponymic materials are used in this research as criteria for drawing the borders of the *Šöšqup/Šöšqum* dialect-local group dwelling.

Ключевые слова: топонимика, диалектные особенности, обские шёшкупы/шёшкумы, среднеобской диалект

Keywords: toponymy, dialect peculiarities, Ob *šöšqum/šöšqup*, Middle-Ob dialect

Ковылин Сергей Васильевич, Томский государственный педагогический университет, kovylin.ser@yandex.ru

Sergey V. Kovylin, Tomsk State Pedagogical University; kovylin.ser@yandex.ru

Сайнакова Наталья Викторовна, Томский государственный университет, pushkareva0723@rambler.ru

Natalia V. Saynakova, Tomsk State University; pushkareva0723@rambler.ru

Глаголы перемещения в современном турецком языке (вертикальное направление)

1. Введение

Современные представления о пространстве, времени и движении сформировались в результате заглянувших не один век философских и естественнонаучных исследований и продолжают претерпевать изменения как вследствие углубления научных знаний, так и вследствие трансформации их восприятия под воздействием современных технологий [Лысак 2008]. Сохранившиеся в современных языках древние способы обозначения трех указанных сущностей и взаимосвязи между ними зафиксировали их донаучное понимание отдельными социумами на определенном этапе их развития, были обусловлены соответствующими условиями окружающей среды, особенностями способа производства и верований и отличались конкретным характером, который обеспечивал коммуникативные потребности членов определенного социума и мог оставлять без внимания факторы, принимаемые во внимание современными людьми (вне зависимости от вербального выражения или невыражения в повседневной речи), но не имевшие практического значения для наших предков.

Недоступное для живых людей перемещение в надземном пространстве (т. е. без видимой опоры) должно было представляться принципиально отличным от привычного движения по горизонтали, с чем связаны древние космологические и религиозные представления многих народов: «Движение по вертикали связывает Землю с Небом, мир людей с миром богов» [Топоров 1996: 18]. Общей чертой многих древних языков можно считать недифференцированность способов вертикального перемещения: «Обращает на себя внимание и то, что движение по вертикали, как правило, не дифференцируется и не нуждается в этой дифференции: для **d(ь)vig(a)ti* важен именно смысл «поднятия»¹, т. е. изменение положения по вертикали в результате некоего «побуждающего усилия», толчка, а то, что это поднятие реализуется в идении, летании или чем-то еще, отгеснено на периферию или вовсе даже игнорируется. Горизонтальное же «движение», напротив, весьма дифференцировано и специфицировано (идти, ходить, бежать, ехать, скакать, ползти, летать, плыть и т. п.) и редко нуждается в обозначении себя общим понятием движения...» [Топоров 1996: 23].

Дальнейшее расширение жизненного пространства человека, изменение способа производства, совершенствование знаний и технических средств, а также активизация межъязыковых контактов должны были повлечь за собой развитие лексической группы глаголов перемещения. В турецком языке это выразилось в том числе в расширении сферы употребления существующих лексем и в появлении новых, описывающих вертикальное перемещение объектов разного типа, сложность определения сферы использования каждой из которых обуславливается их продолжающимся развитием и отсутствием четких сочетаемостных разграничений между ними. Как следствие, глаголы, используемые для характеристики вертикального перемещения, входят в сложную систему антонимических и синонимических отношений. Показательно, что данные проведенного нами анкетирования носителей турецкого языка относительно сочетаемости глаголов этой группы показали отсутствие единого мнения. В ходе анкетирования выяснялась способность ряда глаголов сочетаться с названиями таких объектов, как человек и животные, птицы, искусственные летающие объекты (самолет, вертолет, ракета), небесные тела (солнце), пар (облако, дым, туман). Разброс данных анкетирования оказался столь значительным, что установить какие-либо закономерности на основе ответов не представилось возможным.

Рассматриваемые ниже глаголы нельзя считать глаголами способа перемещения, т. к. их мотивировка не связана с типом движений, совершаемых перемещающимся объектом. Для того чтобы создать полное представление о сфере использования описываемых глаголов и происходящих изменениях в их сочетаемости, мы останавливаемся не только на их первичных значениях, но также на вторичных и переносных.

2. Глаголы *çık-*, *gir-*, *in-*

Один из глаголов перемещения — *çık-* (др.-тюрк. *çiq-* [ДТС 1969: 150] — в букв. переводах ниже условно ‘выходить’) — является одним из краеугольных камней всей концептуальной системы турецкого

¹ «...Само праслав. **dvig(a)ti (sę)*, **dvignęti (sę)*, отмеченное в самых разных славянских языках, лишь в немногих из них обозначает именно ‘двигать’ (‘move’)..., но чаще всего — специализированный вид движения, а именно поднятие...» [Топоров 1996: 15]

языка: в [TDK 2016] указано 56 значений этого глагола, включая переносные. *Çık-* является глаголом направления перемещения, в общем смысле описывает покидание объектом ограниченного пространства и допускает уточнение с помощью глаголов способа перемещения:

ev-den koş-arak çık-
дом-ABL бежать-CV выходить
'выбегать из дома'

Zıpla-yarak dışarı çık-ma-lar-ı gerek-iyor-du.
прыгать-CV наружу выходить-NMLZ-PL-POSS3.SG нуждаться-PRS-PST
'Им нужно было выпрыгивать наружу'.

или другими средствами:

Ortalık ağar-ırken bir arkadaş-ım-la yorgun adım-lar-la konak-tan çık-tı-k (F. R. Aktay [TDK 2016]).
Среда бледнеть-CV один товарищ-POSS1.SG-INS усталый шаг-PL-INS особняк-ABL
выходить-PST-1.PL
'Когда светало, мы с одним товарищем, тяжело ступая от усталости, вышли из особняка'.

В этом значении антонимом *çık-* является *gir-* 'входить':

ev-e gir-
дом-DAT входить
'входить в дом'

Отсутствие в значении глагола *çık-* указания на способ перемещения позволило ему сочетаться с лексемами, обозначающими разные виды объектов:

su yüzey-i-ne çık-an balina
вода поверхность-POSS3.SG-DAT выходить-PC кит
'кит, всплывший на поверхность'

Diğer uçak bulut-lar-ın ara-sı-ndan çık-ma-yı baş-ararak Bandırma'-ya dön-müş-tür.
другой самолет облако-PL-GEN между-POSS3.SG-ABL выходить-NMLZ-ACC суметь-CV
Бандырма-DAT возвращаться-PRF-MOD
'Другой самолет смог выбраться из облаков и повернул к Бандырме'.

Güneş bulut-lar-ın arka-sı-ndan çık-tı.
солнце облако-PL-GEN за-POSS3.SG-ABL выходить-PST
'Солнце выглянуло из-за туч'.

Egzoz-dan gaz değil buhar çık-ıyor.
выхлопная труба-ABL газ нет пар выходить-PRS
'Из выхлопной трубы идет не газ, а пар';

а также активно использоваться во фразеологических оборотах:

Dünya-nın en büyük uçağ-ı ilk sefer-i-ne çık-tı
мир-GEN самый большой самолет-POSS3.SG первый рейс-POSS3.SG-DAT выходить-PST
'Самый большой в мире самолет отправился в свой первый рейс',

orta-ya çık- середина-DAT выходить 'появляться',
hastane-den çık- больница-ABL выходить 'выписаться из больницы',
cezaevi-nden çık- тюрьма-ABL выходить 'освободиться из тюрьмы',
ada-ya çık- остров-DAT выходить 'выезжать из города на остров'.

В семантике *çık-* не заложено указания на пространственную направленность движения — оно может осуществляться снизу вверх, горизонтально и сверху вниз:

Roket üst-ten gir-ip alt-tan çık-ıyor.
ракета верх-ABL входить-PC низ-ABL выходить-PRS
'Ракета входит сверху и выходит снизу'.

Kurşun sol-dan gir-ip sağ-dan çık-mış.
пуля лево-ABL входить-PC право-ABL выходить-PRF
'Пуля вошла слева и вышла справа'.

Значение движения, направленного снизу вверх (в [ДТС 1969: 150] значение 8: 'подниматься на, взбираться'), вторично и возникло как следствие пространственных представлений древних тюрков, считавших средой обитания людей только поверхность земли [Напольнова 2010: 78] и воспринимавших подъем как покидание человеком «принадлежащей ему» части окружающей среды.

Çık- используется в сочетании с дативом:

Köylü-ler sabah dağ-a çık-tı.
крестьянин-PL утро гора-DAT выходить-PST
'Утром крестьяне поднялись на гору'.

— аблативом в значении исходности и продолжности:

Bura-dan asansör-le yukarı çık-acağ-ız.
здесь-ABL лифт-INS вверх выходить-FUT-1.PL
'Отсюда мы поднимемся вверх на лифте'.

Kadın merdiven-den ikinci kat-a çık-tı.
женщина лестница-ABL второй этаж-DAT выходить-PST
'Женщина поднялась по лестнице на второй этаж'.

— а также с оформленным или неоформленным аккузативом, обозначающим полный охват пути:

Bir merdiven daha çık-acağ-ız.
один лестница еще выходить-FUT-1.PL
'Нам нужно подняться еще на одну лестницу'.

Вследствие сочетания в глаголе значений покидания замкнутого пространства и движения вверх только *çık-* может быть использован для описания восходящего движения объекта в толще воды:

su üst-ü-ne / yüz-ü-ne çık-
вода верх-POSS3.SG-DAT поверхность-POSS3.SG-DAT выходить
'подниматься на поверхность воды, всплывать'

Как следствие пространственных значений, во вторичном значении *çık-* используется для описания изменения физических параметров, однако означает не абсолютное повышение их значений, а «выход за пределы», т. е. превышение нормального/обычного уровня:

Tansiyon-u çık-tı.
кровенное.давление-POSS3.SG выходить-PST
'у него поднялось давление'.

Ateş-i çık-tı.
огонь-POSS3.SG выходить-PST
'У него поднялась температура'.

Keşan-in hava kirliliğ-i değer-ler-i normal-in 10 kat
Кешан-GEN воздух загрязнение-POSS3.SG значение-PL-POSS3.SG нормальный-GEN 10 уровень
üst-ü-ne çık-tı.
верх-POSS3.SG-DAT выходить-PST
'Уровень загрязненности воздуха в Кешане в 10 раз превысил нормальный'.

Антонимом *çık-* в значении 'подниматься' является *in-* 'спускаться, опускаться' (др.-тюрк. *en-* 'спускаться, сходиться', *en* 'низ, спуск' [ДТС 1969: 173]). Этот глагол используется для описания перемещения в направлении сверху вниз человека и животных:

Köylü-ler dağ-dan in-di.
крестьянин-PL гора-ABL спускаться-PST
'Крестьяне спустились с горы'.

Sürü dağ-dan in-iyor.

стадо гора-ABL спускаться-PRS

‘Стадо спускается с горы’.

Koş-a koş-a in-di-m kumsal-a.

бежать-CV бежать-CV спускаться-PST-1SG пляж-DAT

‘Я бегом спустился на пляж’.

Использование *in-* в значении ‘выходить из транспортного средства’, очевидно, восходит к представлению о верховой езде:

at-tan in-

‘лошадь-ABL опускаться

‘сходить с лошади’ (антоним: *bin-* ‘садиться на лошадь, на транспортное средство’).

В используемых в разных регионах Турции выражениях, подобных

Bugün Kadıköy’e in-eceğ-im.

сегодня Кадыкёй-DAT спускаться-FUT-1.SG

‘Сегодня я поеду в Кадыкёй’,

отражается традиционная для страны ситуация, когда города возникали в долинах, а дальнейшее расширение их территории происходило вверх по склону (Кадыкёй — прибрежный район азиатской части Стамбула.) Такого рода выражения могут использоваться только жителями азиатской части города; жители европейской части в этой ситуации говорят «перееду на противоположную сторону».

Из пояснений, приводимых носителями турецкого языка в отношении лексемы *in-*, следует, что в ней так же, как и в *çık-*, присутствует представление о некоей «нише». При том что употребление *in-* ‘опускаться’ в отношении солнца в целом оценивается носителями как неправильное, обнаруженный нами пример:

Ev-e gel-dik-ler-i-nde güneş in-mek üzere-ydi.

дом-DAT приходить-SAF-PL-POSS3.SG-LOC солнце опускаться-NMLZ над-PST

трактуются респондентами как «Когда они пришли домой, солнце уже заходило», а не как «начинало опускаться» (носители языка исправляют:

güneş bat-mak üzere-ydi

солнце тонуть-NMLZ над-PST

‘солнце почти заходило’,

т. е. в данном случае *in-* синонимично *bat-* ‘тонуть; заходить (о солнце)’).

Однако в стихах возможно

Akşam ol-ur güneş in-er tepe-den.

вечер быть-AOR солнце спускаться-AOR вершина-ABL

‘Наступит вечер, солнце опустится с зенита’.

İn- регулярно используется в отношении летательных аппаратов:

Uçak in-di

самолет опускаться-PST

‘Самолёт сел’.

Çin-in ilk Ay arac-ı Ay-in yüzey-i-ne in-di.

‘Китай-POSS3.SG первый Луна средство-POSS3.SG Луна-POSS3.SG поверхность-POSS3.SG-DAT опускаться-PST

‘Первый китайский луноход опустился на поверхность Луны’.

Показателен пример стандартной фразы, произносимой в самолете перед снижением:

Uçağ-ımız in-iş için alçal-ma-ya başla-mış-tır.

самолет-POSS1.PL опускаться-NMLZ для снижаться-NMLZ-DAT начинать-PRF-PRED

‘Наш самолет перешел к снижению’.

Ср. также:

Halk-ımız-ın uçak in-erken alkış tut-ma-sı-nın

‘народ-POSS1.PL-GEN самолет опускаться-CV аплодисменты держать-NMLZ-POSS3.SG-GEN

sebeb-i ol-malı
причина-POSS3.SG быть-NEC

‘Должна существовать причина того, что наши люди аплодируют при посадке самолета’ (аплодисменты обычно раздаются в момент посадки, а не при снижении).

İn- используется в отношении опускающихся на поверхность земли тумана, облака:

Sis in-di yine dağ-lar-a
туман опускаться-PST опять гора-PL-DAT
‘Туман опять опустился на горы’.

gökyüzü-nden yer-e in-en ilginç bulut
небосвод-ABL земля-DAT опускаться-PC интересный облако
‘интересное облако, опустившееся с неба на землю’.

İn- в целом плохо сочетается с наименованиями птиц, поскольку они перемещаются другим способом и «принадлежат» к надземной части окружающей среды. Применительно к птицам обычно употребляется специальный глагол *kon-* (лексикализовавшийся пассив от *koy-* ‘класть, ставить’):

Kuş yer-e / dal-a kon-du.
птица земля-DAT ветка-DAT садиться(о птицах)-PST
‘Птица села на землю / ветку’.

хотя можно обнаружить и противоположные примеры:

Munzur'-dan bir kuş in-di kara-lı kara-lı (песня)
мунзур-ABL один птица опускаться-PST чёрный-INS чёрный-INS
‘С горы Мунзур спустилась одна птица, черная-пречерная’.

İn- сочетается с дативом, аблативом:

gök-ten yer-e in-
‘небо-ABL земля-DAT опускаться
‘спуститься с небес на землю’

— и оформленным или неоформленным аккузативом:

merdiven(-i) koş-arak in-
‘лестница(-ACC) бежать-CV спускаться
‘бегом спускаться с лестницы’.

При использовании *in-* для характеристики параметров также обязательно указание на нижнюю границу снижения:

NASA, Kuzey Buz Deniz-i-ndeki buzul oran-ı-nın 1978'-den bu yan-a
НАСА север лед море-POSS3.SG-ADJ оледенение степень-POSS3.SG-GEN 1978-ABL этот сторона-DAT
en düşük seviye-ye in-diğ-i-ni açıkla-di.
самый низкий уровень-DAT опускаться-SAF-POSS3.SG-ACC объявлять-PST
‘По утверждениям НАСА, количество льда в Северном Ледовитом океане находится на минимальном с 1978 года уровне’.

deniz seviye-si-ne in-
море уровень-POSS3.SG-DAT опускаться
‘спускаться до уровня моря’.

Su seviye-si kritik düzey-e in-di
вода уровень-POSS3.SG критический уровень-DAT опускаться-PST
‘Уровень воды снизился до критической отметки’.

Meriç nehr-i'-nin debi-si, risk seviye-si alt-ı-na in-di
Мерич река-POSS3.SG-GEN сток-POSS3.SG риск уровень-POSS3.SG низ-POSS3.SG-DAT опускаться-PST
‘Сток реки Мерич опустился ниже критического уровня’.

Dolar / TL bugün 2,58 seviye-ler-i-ne in-di
доллар турецкая лира сегодня 2,58 уровень-PL-POSS3.SG-DAT опускаться-PST
‘Соотношение между долларом и турецкой лирой сегодня опустилось ниже 2,58’.

Doğu-da sıcaklık sıfır-in alt-ı-na in-di.
 восток-LOC температура ноль-GEN низ-POSS3.SG-DAT опускаться-PST
 ‘На востоке температура опустилась ниже ноля градусов’.

Petrol fiyat-lar-ı 6 ay-in dib-i-ne in-di.
 нефть цена-PL-POSS3.SG 6 месяц-GEN дно-POSS3.SG-DAT опускаться-PST
 ‘Цены на нефть опустились до минимальной отметки за 6 месяцев’.

3. Глагол *kalk-*

Другие глаголы, описывающие перемещение в вертикальном направлении, не могут сочетаться с глаголами способа перемещения в форме деепричастия. Глагол *kalk-* (др.-тюрк. *qali-* ‘подниматься, взлетать; прыгать, скакать; подпрыгивать; вздыбливаться, вставать на дыбы’ [ДТС 1969: 411]; в дословных переводах ниже — ‘вставать’) и его этимологические эквиваленты в других тюркских языках в самом общем смысле описывают направленное вверх движение — «подниматься», часто резкое (так как при помощи афф. *q-* от *qal-* ‘вставать, подниматься’ образуются формы интенсивного действия [ЭСТЯ 1997: 224—226]). В турецком языке в первичном значении *kalk-* описывает вставание с места человека и животных и распространилось на транспортные средства регулярного сообщения (автобус, поезд и т. д.) в значении начала движения. В значении *kalk-* присутствует сема ‘ограниченность подъема по высоте’, с чем связана сочетаемость этого глагола только с одним падежом — аблативом в значении начальной точки перемещения. По этой же причине *kalk-* не используется в отношении параметров.

Большинство респондентов указывает на несовместимость лексемы *kalk-* с лексемой *kuş* ‘птица’ и с названиями видов птиц, хотя имеются и противоположные примеры:

Kartal kalk-ar dal salk-ar (скороговорка)
 орел вставать-AOR ветка качаться-AOR
 ‘Орел взлетает, ветка качается’.

Tam sigara yak-ıyor-du-m ki kuş kalk-tı.
 точно сигарета зажигать-PRS-PST-1SG что птица вставать-PST
 ‘Я как раз закуривал, когда птица поднялась’.

Причиной отступления от узуса в первом случае является необходимость создания трудноартикулируемого рифмованного выражения, а во втором случае, судя по общей тематике текста, о профессионализме, употребляемом охотниками.

Как показывают собранные нами примеры, из искусственных летающих объектов этот глагол в финитной форме регулярно сочетается только с самолетом:

saat 17.00'-de kalk-ma-sı gerek-en uçak
 час 17-LOC вставать-NMLZ-POSS3.SG долженствовывать-PC самолет
 ‘самолет, который должен вылететь в 17.00’

157 yolcu-su bulun-an uçak kalk-ma-ya hazırlan-ırken...
 ‘157 пассажир-POSS3.SG находится-PC самолет вставать-NMLZ-DAT готовиться-CV
 ‘Когда самолет со 157 пассажирами на борту готовился взлететь...’.

Сочетаемость с другими типами летающих объектов засвидетельствована в основном для отглагольного существительного *kalk-ış*:

Füze kalk-ış-ı-nı izle
 ракета вставать-NMLZ-POSS3.SG-ACC следить
 ‘Наблюдай за взлетом ракеты’.

gemi-den kalk-ış yap-ma-ya çalış-an helikopter
 корабль-AVL вставать-NMLZ делать-NMLZ-DAT работать-PC вертолет
 ‘вертолет, пытающийся взлететь с корабля’.

balon kalk-ış alan-ı
 шар вставать-NMLZ площадка-POSS3.SG
 ‘стартовая площадка для воздушного шара’.

Разница в описании начального момента движения разных видов летающих аппаратов объясняется тем, что из всех них только самолет представляет собой транспортное средство, используемое для пас-

сажирских перевозок, и поэтому сочетание с глаголом *kalk-* обозначает момент отправления, а не начало движения вообще: *tren/otobüs/vapur kalkıyor* ‘поезд/автобус/пароход отправляется’ (восходит к значению ‘начало движения верховых и вьючных животных’) при невозможности, например, **bisiklet kalkıyor* ‘велосипед отправляется’ (ср. русск. *ходить, идти* о регулярных транспортных средствах, но **мотоцикл ходит, идет* *⟨через лес⟩*). Однако появление реалий, описание которых старыми языковыми средствами трудно или невозможно, требует «переосмысления значений языковых форм в процессе их приспособления к новому номинативному заданию» [ЯН 1977: 91]. В результате характерной для современного турецкого языка активизации использования глагольного имени на *-ış* можно говорить о лексикализации *kalkış* в значении ‘старт, взлет’ (антоним — *iniş* ‘посадка’), что, судя по единичным примерам, приводит к модификации значения и расширению лексической сочетаемости глагола:

Kalk-ış-ta Vettel ve Alonso bir-bir-ler-i-yle uğraş-ırken 3. sıra-dan
вставать-NMLZ-LOC Феттель и Алонсо один-один-PL-POSS3.SG-INS заниматься-CV третий очередь-ABL

kalk-an Massa liderliğ-e otur-du.
вставать-PC Масса лидерство-DAT садиться-PST

‘Пока на старте Феттель и Алонсо боролись друг с другом, стартовавший с третьей позиции Масса захватил лидерство’ (о гонках Формулы-1).

füze kalk-tığ-ı zaman
ракета вставать-SAF-POSS3.SG время
‘когда взлетает ракета’

Таким образом, в турецком языке, как и в русском, «у глаголов движения семантические процессы тесно связаны с изменением характера субъекта действия, что влечет за собой различные движения внутри глагольного класса, его внутреннее развитие» [Копорская 1996: 118].

Высокочастотным переносным непространственным значением *kalk-* является ‘исчезать’, в основе которого лежит усеченное устойчивое выражение *orta-dan kalk-* середина-ABL вставать ‘исчезать, быть упраздненным, отмененным’ (антоним — *ortaya çık-* ‘появляться’):

Halifelik kalk-tı.
халифат вставать-PST
‘Институт халифата был упразднен’.

6570 sayı-lı kanun (yürürlük-ten) kalk-tı mı?
‘6570 число-INS закон (действие-ABL) вставать-PST Q
‘Закон № 6570 отменен?’

В основе переносного значения *kalk-* ‘отходить, отклеиваться, отделяться (о покрытии, облицовке, шпоне)’ лежит представление о вставании с места как об изменении «нормального» положения без учета направления смещения:

Masa-nın kaplama-sı kalk-tı.
стол-GEN покрытие-POSS3.SG вставать-PST
‘Отделочное покрытие стола отклеилось по краю’ (о верхнем или боковом покрытии столешницы).

Другое переносное значение *kalk-* — ‘пытаться, предпринимать неудачную попытку что-либо сделать’ — свидетельствует о том, что любое намерение осмысливается как попытка встать с места:

Gözlük-ler-i-ni tak-madan oku-ma-ya kalk-tı (N. Cumalı [TDK 2016])
очки-PL-POSS3.SG-ACC надевать-CV читать-NMLZ-DAT вставать-PST
‘Попробовала прочитать, не надев очки’.

В этой связи напрашивается еще одна параллель с упомянутым глаголом праславянским **dvig(a)ti (se)*, который в старославянском приобрел значения ‘утруждать себя’, ‘трудиться’ [Топоров 1996: 15].

Глагол *kalk-* в перечисленных значениях имеет различную лексическую сочетаемость и сочетаемость с падежными формами: в пространственном значении допустим только аблатив, в значениях ‘исчезать’ и ‘отклеиваться’ невозможны сочетания с прямыми и косвенными дополнениями, в значении ‘пытаться’ данный глагол сочетается с глагольным именем на *-ma* в форме датива в значении цели.

Совмещение в пространственном значении *kalk-* нескольких сем приводит к тому, что в качестве его антонимов могут выступать различные глаголы. Если речь идет только о направлении движения, может использоваться глагол *in-*:

Terazi-nin bir göz-ü in-ince öbür-ü kalk-ar
 весы-GEN один глаз-POSS3.SG опускаться-CV другой-POSS3.SG подниматься-AOR
 ‘Когда одна чаша весов опускается, другая поднимается’.

Düş-mez kalk-maz bir Allah
 падать-NEGA подниматься-NEGA один Аллах
 ‘Лишь Аллах не падает и не поднимается’.

В значении ‘вставать с места’ в качестве антонима может быть использован глагол *çök-* ‘опускаться, садиться, оседать’:

Suluk soluğ-a yer-e çök-tü (F. R. Atay [TDK 2016])
 вздох вздох-DAT земля-DAT опускаться-PST
 ‘С трудом переводя дыхание, он опустился на землю’,

Mazlum-lar ayağ-a kalk-ma-dıkça zalim-ler diz çök-mez
 угнетенный-PL нога-DAT подниматься-NEG-CV деспот-PL колени опускаться-NEGA
 ‘Пока угнетенные не поднимутся, угнетатели не опустятся на колени’.

— а если опускание является быстрым и произвольным — *düş-* ‘падать’:

Düş-e kalk-a çık-tı-m ben yokuş-u (песня)
 падать-CV вставать-CV выходить-PST-1SG я подъем-ACC
 ‘Падая и вставая, я поднялся в гору’.

4. Глагол *havalan-*

Hava-lan- (от ар. *hava* ‘воздух, окружающая среда’; в дословных переводах — ‘взлетать’) — достаточно поздний глагол, т. к. слово *hava* не зафиксировано в [ДТС 1969] в значении ‘воздух’ и отражает наиболее общее представление о подъеме в воздух:

Yan-ım-dan bir kuş havalan-dı.
 сторона-POSS1.SG-ABL один птица взлетать-PST
 ‘Рядом со мной взлетела птица’.

Top ileri geri her havalan-dıkça bar bar bağır-ıyor-lar-dı (Nazım Hikmet).
 ‘Мяч вперед назад каждый взлетать-CV громко громко кричать-PRS-PL-PST
 ‘Они громко кричали каждый раз, когда мяч летел туда или обратно’.

Türk jet-ler-i bu emir ile havalan-dı.
 турецкий реактивный самолет-PL-POSS3.SG этот приказ с взлетать-PST
 ‘Турецкие реактивные самолеты взлетели, получив этот приказ’.

... bu helikopter havalan-mak için motor-a değil, pedal-lar-ı çevir-ecek
 этот вертолет взлетать-NMLZ для мотор-DAT нет педаль-PL-ACC поворачивать-FUT

bir insan-a ihtiyaç duy-u-yor.
 один человек-DAT потребность чувствовать-PRS

‘Для того, чтобы взлететь, этому вертолету нужен не двигатель, а человек, который будет вращать педали’.

NATO bu füze-ler-i havalan-dığ-ı an vur-ur.
 НАТО этот ракета-PL-ACC взлетать-SAF-POSS3.SG момент бить-AOR
 ‘НАТО собьет эти ракеты в момент их отрыва от земли’.

Как видно из последнего примера, *havalan-* соотносится как с моментом отрыва объекта от земли, так и с процессом набора им высоты, и конкретизировать ситуацию позволяет использование дополнительных лексических средств. Хотя выше приведен пример использования глагола *havalan-* вместе с обозначением птицы, некоторые носители языка указывают на их несочетаемость и предпочитают более общее выражение:

Kuş (hava-ya) uç-tu
 птица (воздух-DAT) лететь-PST
 ‘Птица полетела’.

Havalan- не имеет прямого антонима, а для обозначения движения в противоположном направлении могут использоваться различные глаголы.

5. Глаголы *yüksel-, alçal-, düş-, çök-, dal-*

Глагол *yüksel-* (др.-тюрк. *jüksä-* ‘возвышаться, подниматься’ [ДТС 1969: 285], в примерах в [ДТС 1969] — только в непространственном значении) указывает направление перемещения снизу вверх (в дословных переводах — ‘повышаться’) и обладает самой широкой сочетаемостью. Необходимо учитывать, что для однокоренного прилагательного *yüksek* ‘высокий’ референтной точкой является уровень земли [Напольнова 2010: 75—76]. В отличие от *havalan-, yüksel-* не привязан к определенной среде, что максимально расширяет лексическую сочетаемость этого глагола:

Dağ-in rüzgâr al-an kısm-ı-nda kalın bulut-lar yüksel-ir
гора-GEN ветер братъ-PC часть-POSS3.SG-LOC толстый облако-PL повышаться-AOR
‘На наветренной стороне горы плотные облака поднимаются вверх’.

Balon önce 150 m yüksel-iyor sonra da 25 m alçal-ıyor.
шар сначала 150 метр повышаться-PRS потом тоже 25 метр опускаться-PRS
‘Шар сначала поднимается на 150 м, а потом опускается на 25 м’.

Uçak ... yüksel-irken orta kulak iç-i-nde bulun-an gaz genişle-r.
самолет повышаться-CV средний ухо нутро-POSS3.SG-LOC находиться-PC газ расширяться-AOR
‘При подъеме самолета газ, находящийся в среднем ухе, расширяется’.

Bu füze-ler yüksel-irken...
этот ракета-PL повышаться-CV
‘Когда эти ракеты набирают высоту...’

Ateş yüksel-di
пламя повышаться-PST
‘Поднялось пламя’.

Dünya-nın en yüksek bina-sı yüksel-me-ye devam ed-iyor.
мир-GEN самый высокий здание-POSS3.SG повышаться-NMLZ-DAT продолжение AUX-PRS
‘Самое высокое здание в мире продолжает расти’.

Bu sis gün doğum-u-ndan sonra çoğ-u zaman yüksel-ir.
этот туман день рождение-POSS3.SG-ABL потом много-POSS3.SG время повышаться-AOR
‘Этот туман обычно испаряется после восхода солнца’.

Kartal yüksel-di yüksel-di ... göz-e görün-mez ol-du (N. Cumalı [TDK 2016])
орел подниматься-PST подниматься-PST глаз-DAT видиться-NEGA быть-PST
‘Орел, взлетая все выше и выше, ... скрылся из глаз’.

Dere-nin sağ taraf-ı-nda yüksel-en tepe-nin yamaç-lar-ı daha hafif eğim-li, daha geniş-ti (N. Cumalı [TDK 2016])
овраг-GEN правый сторона-POSS3.SG-LOC подниматься-PC холм-GEN склон-PL-POSS3.SG еще легкий наклон-INS еще широкий-PST
‘Склоны холма, поднимавшегося справа от оврага, были более пологими, более широкими’.

hava yüksel-di
воздух повышаться-PST
‘облачность поднялась’.

Только *yüksel-* может использоваться для описания метафорического подъема мифологических объектов:

Kül-ler-den büyük bir kuş yüksel-di
пепел-PL-ABL большой один птица повышаться-PST
‘Из пепла поднялась большая птица’ (про мифологическую птицу Феникс),

İsa’nın yüksel-iş-i
Иисус-GEN повышаться-NMLZ-POSS3.SG
‘Вознесение Христа’

Peygamber Efendi-miz gök yüz-ü-ne yüksel-di.
Пророк господин-POSS1.PL небо поверхность-POSS3.SG-DAT повышаться-PST
‘Наш Господин Пророк вознесся на небеса’ (о пророке Мухаммеде).

Многие респонденты среднего и старшего возраста, перечисляя стандартные выражения описания движения солнца — *güneş doğ-du* солнце родиться-PST ‘солнце взошло’, *güneş tepe-de* солнце вершина-LOC ‘солнце в зените’, *güneş bat-ti* солнце тонуть-PST ‘солнце село’, — не находят в турецком языке лексем, связанных с частью его траектории от горизонта до зенита, но при этом считают адекватным такой пример, как *Güneş yükseldi. Hava mis gibi oldu* ‘Солнце поднялось. Воздух заблагоухал’. Их первой реакцией на вопрос об адекватности выражения *güneş yüksel-iyor* солнце повышаться-PRS ‘солнце поднимается’ становится исправление *Güneş doğ-uıyor* солнце рождаться-PRS ‘солнце восходит’. Большинство молодежи оценивает сочетание лексемы «солнце» с *yüksel-* как нормальное. Причину такого расхождения следует искать в большем влиянии на язык молодежи научного языка, т. к. необходимость вербализации научных знаний привела к постепенному включению в сферу сочетаемости *yüksel-* солнца и других небесных тел в рамках научной картины мира:

güneş yüksel-me-si
солнце повышаться-NMLZ-POSS3.SG
‘подъем солнца от горизонта к зениту’

Dolun-ay, ufuk-ta kocaman görün-ürken, yüksel-dikçe küçül-üyor.
полный-месяц горизонт-LOC огромный выглядеть-CV повышаться-CV уменьшаться-PRS
‘Луна выглядит огромной на горизонте, но по мере восхождения ее размер уменьшается’.

Yörünge yüksel-dikçe uydu-nun ömr-ü art-ar.
орбита повышаться-CV спутник-GEN жизнь-POSS3.SG увеличиваться-AOR
‘По мере повышения орбиты спутника срок его использования увеличивается’.

Однако даже молодежь затрудняется с оценкой сочетаемости этого глагола с лексемами «луна» или «звезда», хотя в переводном тексте мы обнаружили:

Ay gökyüz-ü-nde yüksel-ince Hansel, Gratel'in el-i-nden tut-muş...
месяц небосвод-POSS3.SG-LOC повышаться-CV Хансель Гратель-GEN рука-POSS3.SG-ABL держать-PRF
‘Когда взошел месяц, Гензель взял Гретель за руку...’

Другие найденные примеры сочетания *yüksel-* с *ay* ‘месяц’, *yıldız* ‘звезда’, *Çoban yıldızı* пастух звезда-POSS3.SG ‘Венера’ и другими небесными объектами относятся к поэтической сфере или к астрологии.

В переносном значении данный глагол используется в отношении различных измеримых величин:

tansiyon yüksel-me-si
кровенное.давление подниматься-NMLZ-POSS3.SG
‘повышение кровяного давления’

Basınç yüksel-di
давление подниматься-PST
‘Давление воздуха повысилось’.

Kur / seviye / borsa yüksel-di
‘курс уровень биржа повышаться-PST
‘Курс / уровень / биржевой курс вырос’.

Турецкий язык трактует силу звука как его способность подниматься вверх (*yüksek* ‘громкий (о звуке)'), поэтому *yüksel-* имеет значение ‘разноситься, усиливаться (о звуке)’:

Beyaz Saray'-ın bahçe-si-nden büyük bir gürültü yüksel-me-si
белый дворец-GEN сад-POSS3.SG-ABL большой один шум подниматься-NMLZ-POSS3.SG
‘распространение громкого звука из парка перед Белым домом’

Ezan ses-i yüksel-di.
эзан звук-POSS3.SG повышаться-PST
‘Раздался звук эзана’.

Аналогичным образом может трактоваться и усиление чувств:

... *bir başka kişi ol-ma isteğ-i öyle bir kuvvet-le*
один другой человек быть-NMLZ желание-POSS3.SG такой один сила-INS
iç-i-nde yüksel-di ki...
нутро-POSS3.SG-LOC повышаться-PST что (союз)
‘Его желание стать другим человеком так усилилось, что...’.

Антонимом *yüksel-* является *alçal-* ‘снижаться, опускаться’ (в переводах условно «опускаться») от *alçak* ‘низкий’:

dalga-lar gibi alçal-mak ve yüksel-mek
волна-PL как опускаться-NMLZ и подниматься-NMLZ
‘подниматься и опускаться, как волны’

Uçak, alçal-ırken arazi-den veya pist üzer-i-nden 500 ft yukarı-da-yken...
самолет опускаться-CV земля-ABL или дорожка над-POSS3.SG-ABL 500 фут верх-LOC-CV
‘Когда при снижении самолет находится на высоте 500 футов над землей или посадочной полосой...’

<kuşlar-in> yavaş alçal-mak kabiliyet-ler-i
<птицы-GEN> медленно опускаться-ABL способность-PL-POSS3.SG
‘способность (птиц) медленно опускаться вниз’

Mont Blanc'-in 2 sene iç-i-nde 2 metre kadar alçal-dığ-ı ileri sür-ül-dü
Монблан-GEN 2 год нутро-POSS3.SG-LOC 2 метр до опускаться-SAF-POSS3.SG вперед тащить-PASS-PST
‘Было высказано предположение, что за два года уменьшение высоты Монблана могло составить до двух метров’.

Alçal- антонимичен *yüksel-* в отношении силы звука:

Ses alçal-di, ama netleş-ti.
звук снижаться-PST но становится_четкий-PST
‘Звук стал более тихим, но более отчетливым’.

zaman zaman yüksel-en ve alçal-an ses
время время подниматься-PC и опускаться-PC звук
‘то усиливающийся, то затихающий звук’.

При описании изменения параметров в качестве антонима *yüksel-* используются как *alçal-*, так и *düş-*:

tansiyon-un yüksel-me-si-ne ya da alçal-ma-sı-na
давление-GEN повышаться-NMLZ-POSS3.SG-DAT или опускаться-NMLZ-POSS3.SG-DAT
(*düş-me-si-ne*) *sebep ol-an bazı madde-ler*
(падать-NMLZ-POSS3.SG-DAT) причина быть-PC некоторый вещество-PL
‘некоторые вещества, которые становятся причиной повышения или понижения давления’

В отличие от *yüksel-*, *alçal-* регулярно и без стилистических ограничений используется для описания движения небесных тел:

Güneş alçal-ırken, Ay göğ-ün doğu taraf-ı-nda görül-ebilir
солнце опускаться-CV Луна небо-GEN восток сторона-POSS3.SG-LOC виднеться-POSSB
‘Когда солнце опускается, Луну можно наблюдать на восточной стороне небосклона’.

Güneş alçal-ırken ikinci bir grup daha kamp-in kurul-ma-sı-na
солнце опускаться-CV второй один группа еще лагерь-GEN создавать-NMLZ-POSS3.SG-DAT
yardımcı ol-mak için arka-da-ki ekip-ten kop-tu
помощник быть-NMLZ для зад-LOC-ADJ экипаж-ABL отрываться-PST
‘Когда солнце опускалось, от идущего позади экипажа отделилась еще одна группа, чтобы помочь разбить лагерь’.

Ay alçal-dıkça ve güneş ufku boya-yıp yeni bir gün-e
луна снижаться-CV и солнце горизонт-ACC красить-CV новый один день-DAT
sen-i çağır-dıkça... (поэтический текст)
ты-ACC звать-CV
‘по мере того как Луна будет опускаться, а солнце будет окрашивать горизонт, зовя тебя в новый день...’

Для описания повышения и понижения уровня воды в естественных водоемах наряду с *yüksel-* и *alçal-* могут использоваться некоторые специфические глаголы, ср.

Su-lar yüksel-di
вода-PL повышаться-PST
‘Уровень воды поднялся’

Dünya'-nın Ay'-a dönük yüz-ü-ndeki su-lar kabar-ırken,
 земля-GEN Луна-DAT повернутый поверхность-POSS3.SG-ADJ вода-PL вспухать-CV
öteki yer-deki-ler alçal-ır
 другой поверхность-POSS3.SG-ADJ-PL опускаться-AOR

‘В то время когда уровень воды на той стороне Земли, которая повернута к Луне, повышается, в других местах он снижается’.

Deniz çek-il-di.
 море тянуть-PASS-PST
 ‘Наступил отлив’.

В целом *alçal-* более приспособлен для приобретения новых субъектов действия вследствие наличия дополнительных сем у других глаголов, описывающих перемещение сверху вниз

— семы ‘высокая скорость’ и ‘непроизвольность’ падения на поверхность земли у *düş-*:

Taş düş-tü.
 камень падать-PST
 ‘Камень упал’.

serbest düş-me
 свободный падать-NMLZ
 ‘свободное падение’

— семы ‘необратимость процесса’ и ‘разрушение структуры’ у *çök-* ‘садиться, оседать, обрушиваться’, ‘опускаться на дно, оседать’:

... *yol yapım-ı neden-i-yle bölün-en dağ çök-tü...*
 дорога строительство-POSS3.SG причина-POSS3.SG-INS делиться-PC гора обрушиваться-PST
 ‘обрушилась гора, разделенная на части при прокладке дороги...’

Suluk soluğ-a yer-e çök-tü (F. R. Atay [TDK 2016]).
 вздох вздох-DAT земля-DAT обрушиваться-PST
 ‘С трудом переводя дыхание, он рухнул на землю’.

Alaca karanlık-lar çök-erken köşk bahçe-si-nin parmaklık-lar-ı-nda
 пестрый темнота-PL обрушиваться-CV особняк сад-POSS3.SG-GEN решетка-PL-POSS3.SG-LOC
görün-mekte-dir (S. Birsal [TDK 2016]).
 виднеться-ACT-PRED
 ‘Когда опускаются сумерки, особняк виден через садовую решетку’.

Ne zaman zerrecik-ler dib-e çök-ecek?
 что время частица-PL дно-DAT обрушиваться-FUT
 ‘Когда частицы выпадут на дно?’

В значении глагола *dal-* присутствует сема ‘произвольное контролируемое, резкое опускание’:

... *tekne-den su-lar-a dal-mak daha kolay-dir*
 катер-ABL вода-PL-DAT погружаться-NMLZ более легко-PRED
 ‘нырять с катера проще’

uçak-tan uçağ-a hava dalış-ı
 самолет-ABL самолет-DAT воздух погружение-POSS3.SG
 ‘прыжок с вышелепящего самолета на нижелепящий’

Таким образом, можно констатировать, что, в отличие от горизонтального направления движения, описываемого глаголами направленного перемещения *gel-* и *git-* в сочетании с различными языковыми выражениями способа перемещения, в отношении физического и виртуального перемещения в «нетрадиционном» вертикальном направлении сложилась сложная и продолжающаяся развиваться система синонимии и антонимии глаголов, выбор которых осуществляется с учетом мотивировки глагольных основ.

Сокращения

Глоссы

ABL — отложительный падеж (аблатив)	NMLZ — имя действия (номинализатор)
ACC — винительный падеж (аккузатив)	PASS — пассивный залог (пассив)
ACT — настоящее актуальное время	PC — причастие
ADJ — показатель имени прилагательного (адъективизатор)	PL — множественное число
AOR — настоящее-будущее время (аорист)	POSS — посессивный показатель
AUX — вспомогательный глагол	POSSB — показатель категории возможности
CV — деепричастие (конверб)	PRED — показатель категории сказуемости
DAT — дательный падеж (датив)	PRF — перфект (прошедшее заглазное время)
FUT — будущее время	PRS — настоящее время
GEN — родительный падеж (генитив)	PST — прошедшее время
INS — инструментальный падеж (инструментатив)	Q — вопросительная частица
LOC — местный падеж (локатив)	SAF — показатель субстантивно-адъективной формы (именной отглагольной формы)
MOD — модальность	SG — единственное число
NEC — показатель категории долженствования	1 — первое лицо
NEG — отрицание	3 — третье лицо
NEGA — отрицательная форма настоящего-будущего времени (аориста)	

Общие

ар. — арабский	др.-тюрк. — древнетюркский
афф. — аффикс	праслав. — праславянский

Литература

- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Л., 1969. {Old Turkic dictionary / Eds. *Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. L.*, 1969.}
- Копорская 1996 — *Копорская Е. С.* «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 112—120. {*Koporskaya E. S.* “Semantic archetype” of the physical movement verbs and its relation to the verb class structure // Dictionary. Grammar. Text. M., 1996. P. 112—120.}
- Лысак 2008 — *Лысак И. В.* Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008, 6. С. 37—42. {*Lysak I. V.* Characteristics of a person’s identity in the modern society // Humanities and social-economic sciences. 2008, 6. P. 37—42.}
- Напольнова 2010 — *Напольнова Е. М.* Языковая модель мира // Российская тюркология. 2010, 3. С. 73—80. {*Napolnova E. M.* Linguistic world model // Russian Turkology. 2010, 3. P. 73—80.}
- Топоров 1996 — *Топоров В. Н.* Об одном из парадоксов движения: несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 7—68. {*Toporov V. N.* Considering one of the movement paradoxes: Some notes on a hyper-empirical meaning of the verb “to stand”, mainly in specialized texts. // Concept of movement in language and culture. M., 1996. P. 7—68.}
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К». М., 1997. {Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters “K”, “K”. M., 1997.}
- ЯН 1977 — Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977. {Language naming unit (general questions). M., 1977.}
- ТДК 2016 — Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) // www.tdk.gov.tr., 2016. {Materials from the official page of the Turkish Language Institution (Türk Dil Kurumu) // www.tdk.gov.tr, 2016.}

РЕЗЮМЕ

Развитие технических возможностей и научных знаний породили потребность в языковой характеристике новых типов перемещения в надземном пространстве. В отличие от горизонтального направления, движение по вертикали не дифференцируется по способу перемещения. В статье рассматриваются прямые и переносные значения глаго-

лов *çık-, in-, kalk-, çök-, düş-, havalan-, yüksel-, alçal-*. Для этой группы глаголов характерны активное развитие семантики и субъектной сочетаемости, отсутствие строгих семантических разграничений между отдельными глаголами, а также сложная система синонимии и антонимии.

SUMMARY

The advancement of technology and scientific knowledge has generated the need to describe the new types of movement in above ground space by linguistic means. In contrast to the horizontal direction, movement in the vertical direction is not differentiated by the manner of the movement. The direct and secondary meanings of the verbs *çık-, in-, kalk-, çök-, düş-, havalan-, yüksel-, alçal-* are reviewed in the article. This group of verbs is characterized by active development of semantics and subjective compatibility, as well as by the absence of strict semantic boundaries between verbs and by a complex system of synonyms and antonyms.

Ключевые слова: турецкий язык, глаголы перемещения, перемещение в надземном пространстве, семантика глаголов перемещения, вертикальное перемещение

Keywords: Turkish, verbs of movement, movement in overground space, semantics of the verbs of movement, vertical movement

Напольнова Елена Марковна, Университет Озйегин (Стамбул); elena.napolnova@ozyegin.edu.tr

Elena M. Napolnova, Özyeğin University (Istanbul); elena.napolnova@ozyegin.edu

Уточнение праселькупской реконструкции гласных первого слога. Часть II. Анализ архивных аудиоматериалов по тогурскому говору среднеобского диалекта селькупского языка¹

Вопрос о наличии противопоставления долгих vs. кратких гласных в праселькупском языке в работах последнего времени решается утвердительно (ср. [Alatalo 2004, Глушков 2002]). Однако в отношении реконструкции долготы в конкретных словах у разных авторов есть разночтения.

Например, как было указано в I части настоящей статьи (см. [Норманская 2016: 99]), при сравнении долготы гласного первого слога в среднетазовском диалекте по словарю [Helimski 2007] и в общеселькупских формах в [Alatalo 2004] обнаруживается, что данные словарей дают не всегда одинаковую информацию о наличии долгого гласного в первом слоге:

таз. *quntiqo* [EO] | ‘умирать, тяжело болеть’ — сельк. *ḱū-* < ПС **kāə-* < ПУ *kola

таз. *qomtä* [C *qōmtä*; МДЕОИ] | ‘деньги’ — сельк. *ḱōmtä*

таз. *tentiqo* [C *tē ntīqo*; МЕО] | ‘рассказывать’ (тур.) — сельк. *ḱēnḱu* (кам. *t'enu*).

Эти несоответствия между южными и центральными диалектами по Я. Алатало и среднетазовским диалектом по Е. А. Хелимскому² ставят ряд вопросов.

На каких основаниях реконструируется праселькупская долготы гласных? В каких диалектах она сохранилась без изменений³? Какие источники являются надежными для ее фиксации? Каково происхождение праселькупской долготы гласных?

На эти вопросы мы попытаемся ответить в настоящей статье в рамках работы по гранту РГНФ № 14-04-12019 «Создание мультимедийных словарей самодийских языков», опираясь на существующую литературу и, привлекая к анализу ранее не описанные аудиозаписи тогурского говора (южная группа, среднеобской диалект) селькупского языка, собранные в ЛЭФИ в Новосибирске в 1973 г. А. И. Кузьминой и И. Я. Селютиной под руководством В. М. Надеяева от Тобольжиной Фионы Федоровны (1911 г. р., место жительства с. Тогур Колпашевского района Томской области). В настоящий момент аудиословарь, материалы для которого, уже нарезанные на отдельные словоформы и введенные в программу LingvoDoc в рамках совместного проекта РНФ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения», были любезно предоставлены нам сотрудниками ЛЭФИ с обработкой этих записей (транскрипцией, этимологизацией), доступен в Интернете по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru>.

Помимо этих материалов мы привлекли к анализу и ранее не описанные аудиоматериалы по ларьякскому и верхнетазовским (северным) диалектам селькупского языка, собранные в 2002—2011 гг. в п. Ратта, Толька и Тарко-Сале, предоставленные нам Е. М. Будянской и О. А. Казакевич в рамках сотрудничества по гранту РНФ № 15-18-00044, которые тоже будут в ближайшее время доступны на сайте lingvodoc.ispras.ru.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РНФ № 15-18-00044 (обработка архивных материалов по тогурскому говору), РГНФ № 15-04-00361 (уточнение праселькупской реконструкции).

² Как можно видеть, в ряде случаев долготы в записях Е. А. Хелимского отличается от долготы гласных по М. А. Кастрену.

³ Мы опираемся на классификационную схему селькупских диалектов, разработанную Г. П. Поздеевой в результате анализа полевых материалов, собранных во второй половине XX в. московскими и томскими лингвистами [Поздеева 2013]:

Северные	Центральные			Промежуточный (южно- центральный)	Южные	
Тазовский ОчСЯ, полевые данные О. А. Каза- кевич	Нарымский (Тюхтерево) архив А. П. Дульзона, текстовые мате- риалы «Нарым- ские сказки»	Нарымский (Парабель), сказка «Про черного царя»	Тымский (Напас) архив А. П. Дульзона, тома №10, 19, 20, 22, 40, ? 2, 9, 54	Иванкинский (Иванкино) архив А. П. Дуль- зона, текстовые материалы «Кетские сказки» А. П. Дульзон	Кетский (Усть-Озерное) А. П. Дульзона, текстовые мате- риалы «Кетские сказки» А. П. Дульзон	Тымский (Напас) архив А. П. Дульзона, тома № 18, 23, 47, ? 2, 9, 54

На каких основаниях реконструируется праселькупская долгота гласных?

Как нам представлялось при анализе литературы, имеющиеся на настоящий момент сведения для реконструкции праселькупской долготы, несколько противоречивы.

Например, в отношении тазовского (северного) диалекта селькупского языка одни исследователи полагают, что гласные фонемы не противопоставляются по признаку «длительность / краткость» [Прокофьев 1935; Прокофьева 1966; Erdelyi 1969; Деннинг 1984: 75], другие придерживаются противоположной точки зрения [Szabo 1967: 297; Кузьмина 1974; Katz 1975; Кузнецова и др. 1980].

Гипотезы о существовании фонологически долгих гласных придерживаются и исследователи тымского (центрального) диалекта (например, [Деннинг 1984: 75] постулирует долгие гласные, но [Katz 1975: 19—29; Морев 1973: 49—50] отрицают их фонологический статус).

В говорах же среднеобского (южного) диалекта такое противопоставление признается фонологически релевантным [Кузьмина 1974: 192; Беккер и др. 1994].

В карелинском говоре кетского диалекта долгота признается недифференциальным признаком системы гласных фонем (см. работу [Киселева, Никифорова 1969: 80]).

В картотеке А. П. Дульзона и его последователей, в которой собран богатый материал по центральным и южноселькупским диалектам в экспедициях 1960—1990-х гг. и в словаре [Быконя 2005], где эти материалы изданы с некоторыми опущениями диакритик и населенных пунктов, долготы гласных представлены весьма редко и непоследовательно.

С. В. Глушков в своей диссертации в результате экспериментально-фонетического анализа собственных полевых материалов, собранных совместно с Я. Алатало в 1996—1998 гг., приходит к выводу, что «в собственно селькупском, шёшкупском⁴ и сюсюкумском⁵ диалектах имеются минимальные квазиомонимические фонологические пары слов, различающиеся признаком «длительность / краткость» гласного. В собственно селькупском диалекте из рассматриваемых гласных в фонологических минимальных парах противопоставлены все гласные *ii—i*, *ee—e*, *aa—a*, *ee—e*, *yy—y*, *oo—o*, *uu—u*, *öö—ö*, *üü—ü*. В шёшкупском диалекте аналогично противопоставлены гласные *ii—i*, *aa—a*, *ee—e*, *oo—o*, *uu—u*, *öö—ö*. В сюсюкумском диалекте обнаружены аналогичные противопоставления гласных *ii—i*, *aa—a*, *oo—o*, *uu—u*. В кенгинском говоре чумылькупского диалекта⁶ таким образом противопоставлены гласные *aa—a*, *oo—o* и *uu—u*» [Глушков 2002].

В материалах, приведенных в словаре [Alatalo 2004], указывается, что автор слышал долготные противопоставления для всех гласных фонем в кетском и тымском диалектах. В этом же словаре в слове реконструируется долгий гласный первого слога, если в тымском или в кетском диалекте долгота в его рефлексе встречается либо во всех, либо в некоторых морфологических формах. Наоборот, в слове реконструируется краткий гласный первого слога, если в тымском и кетском диалектах в первом слоге представлены только краткие гласные. Но, как было показано выше, предлагаемая в словаре [Alatalo 2004] долгота гласных первого слога не совпадает со среднетазовскими данными, приведенными в словаре [Helimski 2007], который был сделан на основе полевых записей Е. А. Хелимского и анализа первых источников по тазовскому диалекту.

В этой ситуации представляется, что решение вопроса о долготе в селькупских диалектах может быть найдено только при обращении к анализу аудиозаписей в фонетической программе и представлению полных аудиословарей в открытом доступе онлайн, чтобы каждый читатель работы мог лично проверить правильность предлагаемой интерпретации.

В настоящее время нам были любезно предоставлены аудиозаписи по следующим диалектам:

- 1) по нарымскому диалекту с. Парабель (центральный), собраны в 2009 году Н. Л. Федотовой,
- 2) по кетскому диалекту (южный) с. Степановка, собраны в 2011 году под рук. О. А. Казакевич,
- 3) по тогурскому говору среднеобского диалекта (южный) селькупского языка, собраны в ЛЭФИ в Новосибирске в 1973 году Кузьминой А. И. и Селютиной И. Я. под руководством В. М. Надеяева,
- 4) по верхнетазовскому диалекту (северный) с. Ратта, собраны в 2002 году под рук. О. А. Казакевич,
- 5) по ларьякскому диалекту (северный) селькупского языка, собраны в 2009—2011 гг. в п. Толька и г. Тарко-Сале под рук. О. А. Казакевич.

Как было сказано в I части статьи, в современных записях нарымского и кетского диалектов в результате их анализа в фонетической программе Praat оппозиция по долготе гласных не выявлена⁷. Одна-

⁴ Другое название шёшкупского диалекта — среднеобской.

⁵ Другое название сюсюкумского — кетский.

⁶ Другое название чумылькупского диалекта — тымский.

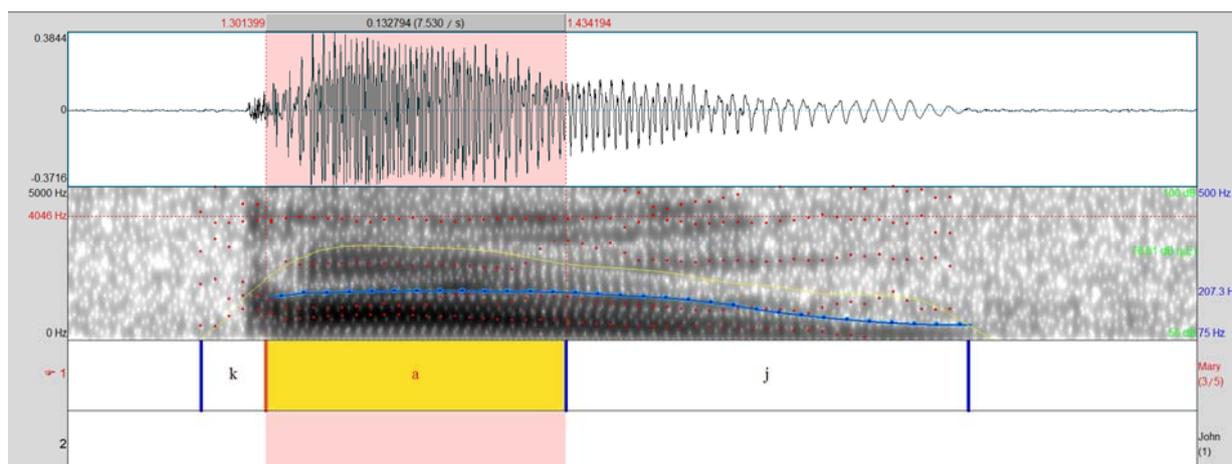
⁷ Следует отметить, что большинство исследователей селькупских диалектов — К. Доннер, Х. Катц, Я. Алатало — отмечали для этих диалектов долготные противопоставления. Возможно, оно действительно существовало

ко, как было отмечено в [Норманская 2012 a, b] в этих диалектах представлено разноместное ударение, которое было отмечено и в картотеке, собранной томскими учеными — А. П. Дульзоном, его учениками и коллегами. Нами была выявлена следующая закономерность: в тех словах, в которых в [Alatalo 2004] указывается селькупская долгота у гласного первого слога, в нарымском и кетском диалектах в рефлексах этих слов ударение фиксировано на первом слоге, а в тех в которых по Я. Алатало краткий гласный, ударение в ряде форм с плюсовыми суффиксами (см. [Норманская 2012a]) падает не на первый слог. Поскольку ударение в этих диалектах характеризуется долготой и интенсивностью, то в словах с долгим гласным по Я. Алатало, действительно, первый гласный во всех формах более длительный, чем гласные в других слогах. Однако, как было показано в работах [Норманская 2012a, b] в кетском и нарымском диалекте следует вслед за А. П. Дульзоном постулировать не долгие фонемы, а разноместное парадигматическое ударение, которое отмечено не только в рассмотренных идиомах, но и во всех центральных и южных селькупских диалектах.

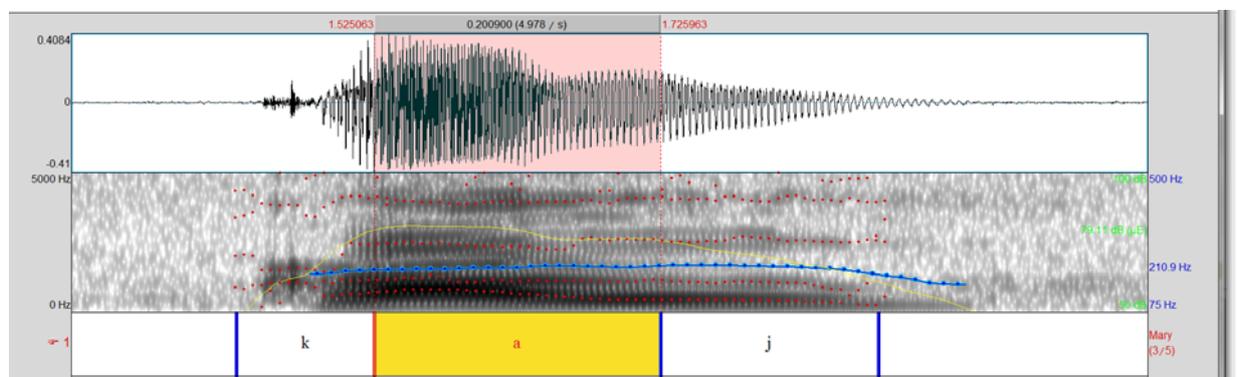
Но иная, весьма интересная, картина представлена в тогурском говоре среднеобского диалекта селькупского языка, записи которого были собраны в ЛЭФИ в Новосибирске в 1973 году от Тобольжиной Фионы Федоровны (1911 г. р.). В настоящее время этот диалект исчез, и записи, любезно предоставленные нам новосибирскими коллегами, являются единственным свидетельством о фонетическом устройстве этого диалекта.

Его принципиальное отличие от диалектов, рассмотренных ранее, заключается в том, что в нем есть минимальные пары по долготе гласных. Это в ряде случаев однослоги, в которых долготное противопоставление не может быть объяснено как ударная vs. безударная позиция. В этих случаях долгий гласный по длительности превосходит в 1,5—2,5 раза краткий гласный. Приведем примеры таких минимальных пар:

тог. *kaj* ‘что’ (длит. *a* — 0,13 мсек.)

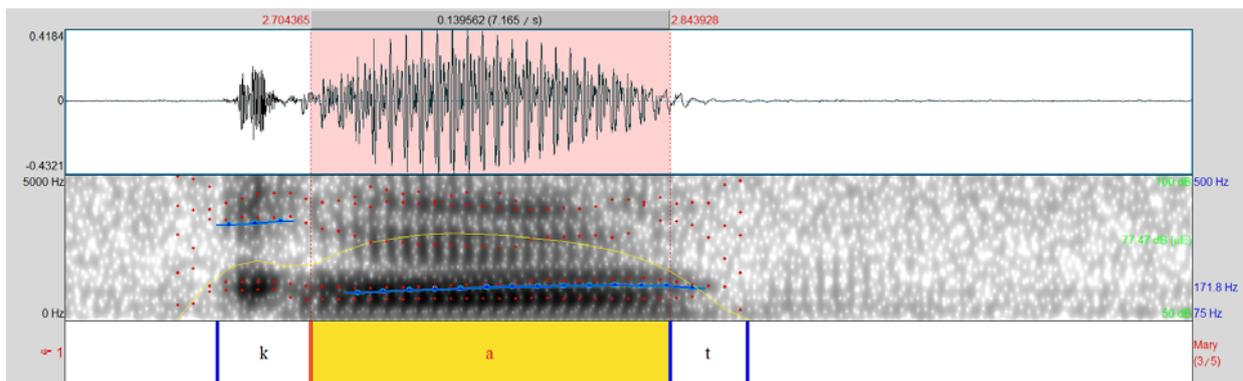

тог. *ka:j* ‘уха’ (длит. *a:* — 0,20 мсек.)

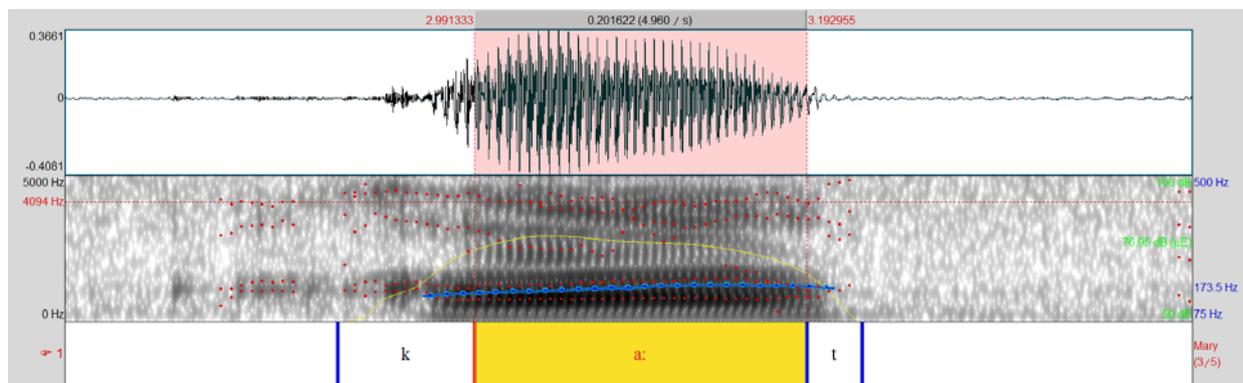

ранее, а в начале 2000-х годов в речи последних носителей языка исчезло. Для подтверждения этой гипотезы необходим инструментальный анализ архивных аудиозаписей.

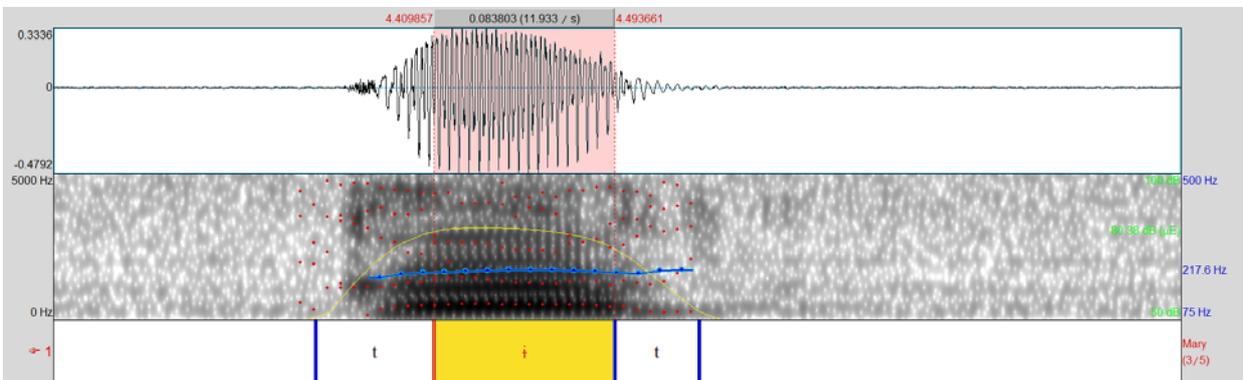
тог. *kat* 'ноготь' (длит. *a* — 0,13 мсек.)

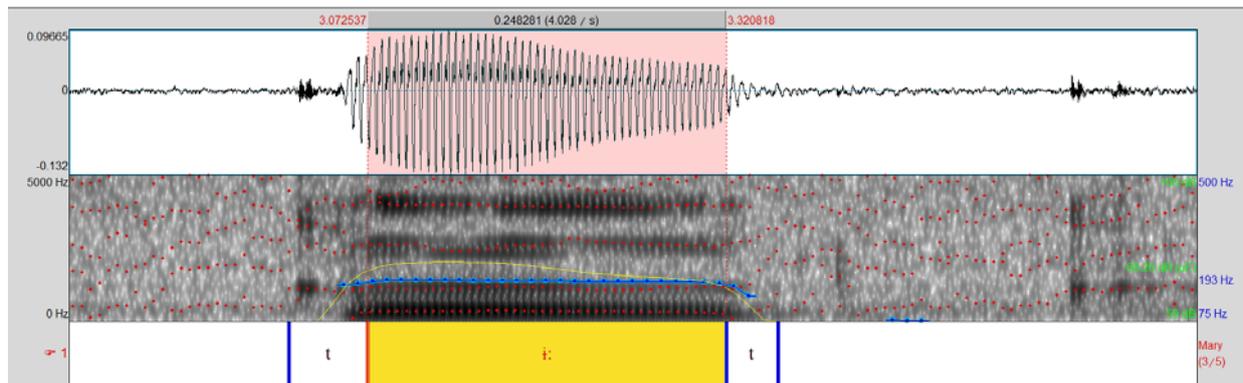
тог. *ka:t* 'лоб' (длит. *a:* — 0,20 мсек.)

тог. *tīt* 'кал' (длит. *i* — 0,08 мсек.)

тог. *tī:t* 'прут' (длит. *i:* — 0,24 мсек.)

К сожалению, словник, записанный от Тобольжиной Фионы Федоровны, в 1973 году, небольшой, он был составлен, в первую очередь, именно на выявление минимальных пар, и содержит 127 лексем. Для 84 лексем мы нашли этимологические параллели в среднетазовском словаре Е. А. Хелимского [Helimski 2007].

Оказалось, что в 79 лексемах долгота в среднетазовском (северном) диалекте по [Helimski 2007] и тогурском говоре среднеобского (южного) диалекта совпадает. Важно отметить, что носители этих диалектов находились территориально далеко друг от друга на расстоянии примерно 400 км и не были соединены транспортными путями сообщения, поэтому совпадение не может быть объяснено контактами, имевшими дело после распада праселькупского языка.

Ниже приведем 79 подтверждающих примеров и 5 исключений, отсортировав их по праселькупским фонемам, реконструкция которых была обоснована в I части настоящей статьи [Норманская 2016]. После привлечения к анализу тогурских материалов становится ясно, что в реконструкции должен быть добавлен еще дифференциальный признак «долгота vs. краткость гласного».

1. ПСельк. *a > таз., нар., тог. a

1) таз. *qara(t) topir* [СОИ] 'клюква' — нар. *karat teʒbir* 'клюква' (досл. 'журавлиная ягода') — тог. *kara* < сельк. *qara* < ПС⁸ *kārā- (?*kārājā) < ПУ *karke (*kurke);

2) таз. *qatj* [СМДЕОИ] 'ноготь; коготь; копыто; крюк' — нар. *kad* 'ноготь' — тог. *kat* (*kalin*) < сельк. *qatā* < ПС *kātā < ПУ *künče;

3) таз. *qaml* [СМДЕОИ] 'холст; полог' — нар. *kab* 'полог (защита от мошек и комаров, из марли)' — тог. *kat* < сельк. *qam*;

4) таз. *laqjo* [О] 'хохотать' — нар. *lakvátpugu* 'смеяться' — тог. *lakvattean* < сельк. *laqā* ~ *raqā* < ПС *lākā-;

5) таз. *qaj*, (тур.) *qāj* [СМЕОИ] 'что, (редко) кто; что-либо; что за; ли; что ли, вроде' — нар. *kajl* 'какой' — тог. *kaj* < сельк. *qaji*⁹;

6) таз. *qaliqo* [СЕОИ] 'остаться, отстать' — тог. *kilan kalamb* 'в остатке осталось' < сельк. *qali-* (Тю **kāl-* [Alatalo 2004]);

7) таз. *amqo* [СДЕОИ] 'съесть' — тог. *avirqo* 'есть, кушать' < сельк. *am-* < ПС **am-*;

8) таз. *casijil* [СЕО] 'морозный; холодный' — тог. *tassu* 'мороз' < сельк. *taśśu* ~ *čaśśu* < ПС *teʒsɜ;

9) таз. *qatjto* [СЕОН] 'чесать, причесывать, царапать, скрести; сильно грести; задевать, трогать (прикасаться); чистить (рыбу)' — тог. *ka:tqu* 'очистить' < сельк. **qāti-* < ПС *kātɜ;

10) таз. *pacalqo* ~ *pacalqo* [СМДЕОИ] 'срубить, прорубить, разрубить, расколоть; скосить (траву); сбить (ягоды кузовом-битком); лягнуть, ударить копытом' — тог. *patselgu* 'расколоть'.

2. Псельк. *ā > таз. ā, нар. a, тог. a

1) таз. *qāt1* [СДЕОИ] 'лоб' — нар. *kat* 'лоб' — тог. *ka:t* < сельк. *qāt* < ПС *kāt.

3а. ПСельк. *o > таз., тог. o, нар. ə

1) таз. *koṭil* *topir* [ДОИ] 'голубика' — нар. *kəd* 'голубика' — тог. *kotan* < сельк. *koṭə* < ПС *wotɜ;

2) таз. *qor(i) cuntj* [М] 'жеребец' — нар. *kər teōnd* 'жеребец, конь' — тог. *kor*, *korā* < сельк. *qorə*;

4) таз. *topj* [СМЕОИ] 'нога; лапа' — нар. *təb* 'нога' — тог. *top* < сельк. *topə* < ПС *topā;

5) *soma* [СМДЕО] 'хороший; добро' — тог. *sova* < сельк. *soma* < ПС *sāmā.

3б. ПСельк. *ō > таз. ō, нар. ə, тог. o

1) таз. *pō* [СМДЕОИ] 'дерево; палка; древесина, дрова; лес (древесина; лесистая местность)' — нар. *pə* 'дерево, дрова' — тог. *po:* < сельк. *pō* < ПС *pā < ПУ *puwe;

3) таз. *qōrj* [СХсИ] 'муksун' — нар. *kər* 'муksун' — тог. *qo:r* < сельк. *qōr(ə)* (кам. *quro*);

4) таз. *tōp1* [СЕО] 'край' — тог. *te:p* / *to:p* 'край' < сельк. *tōp* 'край' (кам. *t'ō*).

4а. ПСельк. *u > таз., нар., тог. u

1) таз. *kurjo* [СЕО] 'завязать, обвязать, замотать, запеленать, забинтовать, запутать, сплести; (перен.) обмануть' — тог. *kurenteo* 'плести морду' < сельк. *kurə* > ПС *kurā;

2) таз. *tūtj* ~ *tutj* [С *tūt*; МЕОНИ] 'карась' — нар. *tud* 'карась' — тог. *tut* < сельк. *tutu*.

4б. ПСельк. *ū > таз. ū, нар. u, тог. u

1) таз. *tū* [СМЕОИ] 'перо, крыло (оперение крыла); плавник; веник из птичьего крыла' — нар. *tu:* 'крыло птицы' — тог. *tu:n* < сельк. *tū* < ПС *tuəj < ПУ *tulka.

⁸ Здесь и далее ПС форма приводится по [Janhunen 1977], а ПУ по [UEW].

⁹ Здесь и далее сельк. форма приводится по словарю [Alatalo 2004], запись вокализма при этом в ряде случаев отличается от реконструкции гласных первого слога, предлагаемой в настоящей статье.

2) таз. *qūrīqo* [СЕОИ] ‘плыть (по течению не гребя), идти (о льде); нести течением’ — тог. *ku:rko* ‘плыть с сетью на обласке’ < сельк. **kūrə*.

5а. ПСельк. **uə* > таз. *ɛ*, нар. *вɛ*, тог. *ve*

1) таз. *qenqo* [СМЕОИ] ‘отправиться, пойти, поехать, уйти, уехать’ — нар. *kvéngu* ‘пойти, поехать, отправиться, уйти, выйти замуж’ — тог. *kven-* < сельк. **kuən-* < ПС **kánta* < ПУ **kanta*;

2) таз. *qērīqo* ~ *qerīqo* ~ *qerqo* [СМ; D *kerīqo*; ЕО; Хк *kerīqo*; И] |‘звать, приглашать, называть’ — нар. *kvérgu* ‘позвать, звать, манить’ — тог. *kverku* < сельк. *kuə̀rə-* звать < ПС **kâ-*;

3) таз. *wəšjicīqo* [Н] ‘подняться, взлететь’ — нар. *vazəgú* ‘встать, подняться; взлететь, подняться’ — тог. *vassetiku* < сельк. *uə̀sə-* < ПС **ānsä*.

5б. ПСельк. **uā* > таз. *ē*, нар. *вɛ*, тог. *ve*

1) таз. *tēlīqo* [СМЕО] ‘украсть’ — нар. *tvɛ'lagu* ‘украсть’ — тог. *tvɛ:r-* < сельк. **tuələ* ‘красть’ < ПС **tālā* < ПУ **sala*;

2) таз. *kējim* (~ *kejim*) *ūtīrqo* ‘дышать’ — нар. *kvél(i)jergu* ‘дышать, вздыхать’ — тог. *kvɛ:r-* < сельк. *kuāj-* < ПС **wājij-*;

3) таз. *qēlj* [СМЕОИ] ‘рыба’ — нар. *kvél* ‘рыба’ — тог. *kvɛ:l* < сельк. *kuələ* < ПС **kālā* < ПУ **kala*;

4) таз. *tētālqo* [ЕН] ‘приласкать’ — тог. *tve:tan* ‘ласкать’;

5) таз. *kēl* [ОИ] ‘плес (участок прямого течения реки)’ — тог. *kortek kvɛ:j* ‘плёс’.

Интересно отметить, что в [Alatalo 2004] вообще не восстанавливается долгота у дифтонга **uā*, в то время как в среднетазовском и тогурском диалектах у этого дифтонга присутствуют два типа рефлексов: таз. *ɛ*, нар. *вɛ*, тог. *ve* (см. выше группа 5а) и таз. *ē*, нар. *вɛ*, тог. *ve:* (группа 5б). При этом в словаре Я. Алатало отмечены в слове сельк. *kuələ* рефлекс с долгим гласным первого слога в кетском, васюганском и тазовском диалектах, в сельк. **tuələ* ‘красть’ — долгий гласный зафиксирован в диалекте Чаа, а в сельк. *kuāj* — в тымском диалекте.

6. ПСельк. **ə* > таз. *ɛ*, нар., тог. *ɛ*

1) таз. **qeq*₃ (в виде вариантов *qeq* ~ *qek* ~ *qej* ~ *qe*) [СМЕО] ‘гора; береговой яр; сосновый бор’ — нар. *ke* ‘берег, гора, яр’ — тог. *ke* < сельк. *kē* (ср. енис. *қа'ү'*);

2) таз. *cək₂* ~ *cēk₂* [СЕОИ] ‘сразу, вмиг; скоро, быстро; вовремя’ — нар. *tɛ'ek* ‘быстро’ — тог. *te:jakan* ‘быстрина’, *te:jek* ‘быстро’ < сельк. **čāk/*čāk*.

7а. ПСельк. **e* > таз. *ɛ*, нар., тог. *a*

1) таз. *kem* (*kīmj-*) [СМЕО] ‘кровь’ — нар. *kap* ‘кровь’ — тог. *kap* < сельк. **kem*, **kīm* < ПС **kem*;

2) таз. *ketīqo* [СМЕОИ] ‘сказать’ — нар. *kadəgú* ‘сказать’ — тог. *kat-* < сельк. **ket-* < ПС **ket-*;

3) таз. *ettīqo* [ЕОНИ] ‘спрятать, -ся’ — нар. *atél'əzəgu* ‘притаиться, спрятаться’ — тог. *attetiku* < ПС **etā-*;

4) таз. *tep₂* [СМЕОИ] ‘он, она (об одушевленных предметах)’ — нар. *tab* ‘он, она’ — тог. *tap* < сельк. *tep/tep*.

8б. ПСельк. **ē* > таз., тог. *ē*, нар. *ɛ*

1) таз. *tē qo* [СОИ] ‘сгнить, прокиснуть, разложиться’ — нар. *tēgu* ‘гнить, сгнить’ — тог. *tɛ:-* < сельк. *tē-* < ПС **ti* (мат.) vs. **te* < ПУ **sāje*;

2) таз. *tē ttj* [СгМЕОИ] ‘четыре’ — нар. *tət* ‘четыре’ — тог. *tɛ:t* < сельк. *tētə* < ПС **te²tə*;

3) таз. *ēqo* [СМДЕОИ] ‘быть, являться, находиться (где-л.), иметься’ — тог. *e:ja* ‘есть, иметься’ < сельк. *ē-* < ПС **āā-*;

4) таз. *tēptj* [МЕ] ‘сок’ — тог. *tɛ:pt* < сельк. *tēptə* < ПС **teptə*.

10б. ПСельк. **ē* > таз., тог. *ē*, нар. *ɛ* (< ПС **e/ej*)

1) таз. *mēqo* [СМДЕОИ] ‘сделать; приготовить; построить; вылечить, исцелить’ — нар. *m'égəlgu* ‘делать’ — тог. *te:qu* < сельк. *mē-* < ПС **mej-*;

2) таз. *šē* [СМДЕОИ] |‘язык (во рту)’ — нар. *fɛ* ‘язык’ — тог. *fɛ:* < сельк. *sē* < ПС **keāj*;

3) таз. *pēqo* [СДЕОИ] ‘искать’ — тог. *pe:ku* ‘искать’ < сельк. *pē-* < ПС **pe-* (? **pej-*) ~ **pö-* (нган.) ~ **rü-* (**rüj-*) (ненец.).

11. ПСельк. **üā* > таз. *ō*, нар. *вɛ*, тог. *ve*

1) таз. *tōka* ~ Тур. *tōko* ‘гусь’ — нар. *tv'ek* ‘гусь’ — тог. *tve:k* < сельк. *tōko/tüəku* (ср. кам. *t'āžə*, ср. эвенк. *секса* ‘гусь’);

2) таз. *cō* [СМДЕОИ] ‘сосна’ — нар. *tv'ɛ* ‘сосна’ — тог. *kvɛ:* < сельк. *ciüə* < ПС **je* < ПУ **jäljV*.

12. ПСельк. *ō* > таз. *ō*, нар. *ö*, тог. *e*

1) таз. *tōtl* (*tōtj-*) [СМЕОИ] ‘выдра’ — нар. *tüt/töt* ‘выдра’ — тог. *te:t* < сельк. *tōt*.

14. ПСельк. *ü > таз., нар. ü, тог. i — сельк. [Alatalo 2004] ü, ǖ

1) таз. *tüt1* (*tütj-*) [CEO] ‘говно, кал, навоз, помет’ — нар. *tüt* — тог. *tüt* < сельк. *tüt* < ПС *tüt.

15а. ПСельк. *i > таз. i, нар. i, ε, тог. ε

1) таз. *ilj̄qo* [CMDEOI] ‘жить’ — нар. *elgú* ‘жить, существовать’ // *ilambəl* ‘живой’ — тог. *elqo* < сельк. *ilə* < ПС **elä-* < ПУ **elä-*;

2) таз. *pi* [CDEO] ‘ночь’ — нар. *p'et* ‘ночь’ — тог. *p'et* < сельк. *pi* < ПС *pi;

3) таз. *ipriqo* [CMDEOI] ‘лежать; уложить’ — нар. *ipəgú* ‘лежать’ — тог. *εppa* < сельк. *ippi-* (кам. *i'b³m*);

4) таз. *pitj* [CMDEOI] ‘гнездо; колыбель’ — тог. *pet* ‘гнездо’ < сельк. *pitə* < ПС *pitä.

15б. ПСельк. *ṭ > таз. ṭ, нар. i, ε, тог. i

1) таз. *pṭ* [CMDEOI] ‘осина’ — тог. *pi:* ‘осина’ < сельк. *pṭ < ПС *pi.

16. ПСельк. *ṭ > таз. ṭ, нар. i, тог. i

1) таз. *sṭ* [CMDEOI] ‘соболь’ — нар. *fi* ‘соболь’ — тог. *si:* < сельк. *sṭ* < ПС *ki;

2) таз. *sṭsj* [DEOI] ‘ремешки-крепления на лыжах’ — тог. *fi:* ‘крепление для лыж’ < сельк. *sṭsə* < *sisz;

3) таз. *tṭj* [CM] ‘прут, хворостина’ — тог. *tṭ:t* ‘прут, тальник’ < сельк. *tṭə*.

17. ПСельк. *ī > таз. ī, нар., тог. i

1) таз. *tṭij* [CMDEOI] ‘облако, затянутое облаками небо’ — нар. *tṭ* ‘облако, туча’ — тог. *tṭ:t* < сельк. *tṭtə* < ПС **tīə*;

2) таз. *kṭrē qo* [CE] ‘ободрать, -ся, освежевать’ — нар. *kiregú* — тог. *kṭrqu* ‘ободрать’ < сельк. *kṭrə < ПС *kṭrə.

18. ПСельк. *i > таз., нар. i, тог. ε

1) таз. *il* [O] ‘место под; внизу, под (основа адвербиалов [послелогов-наречий])’ — нар. *el'ε* ‘вниз’ // *i'li* ‘нижний’ — тог. *ella* < сельк. *il < ПС *ilə < ПУ *ila;

2) таз. *kj* ~ *k̄j* [CMDEOXKI] ‘река, речка (приток большой реки)’ — нар. *ki* ‘река’ — тог. *kε* (*ki*) < сельк. *kj* < ПС **ki-*.

Реконструкция гласного первого слога неясна, в связи с тем, что на материале нарымского и тогурского словаря такие соответствия единичны.

таз. *qit1* (*qitj-*) [CMDEOI] ‘мох, лишайник’ — нар. *kadz* ‘мох болотный’ — тог. *ka:dz* < сельк. *k̄iç* (< хак. *kāç* [KT: 348a]);

таз. *pinqo*, тур. *pinqo* [CDEOI] ‘положить’ — нар. *rangu* ‘положить’ — тог. *pan-* < сельк. *pen-* < ПС **pen-*;

таз. *tē* [MEOI] ‘вы, ваш (Pl., Du.)’ — нар. *ti* ‘вы (Pl.)’ — тог. *tṭ:* < сельк. *tē*;

таз. *mē* [MDEOI] ‘мы; наш (Du., Pl.)’ — нар. *mi* ‘мы’ — тог. *mi:* < сельк. *mē* < ПС **me-*;

таз. *kutj qos* ~ *qos kutj* [EON] ‘кто-то’ — нар. *kəd* ‘кто’ — тог. *kuta* < сельк. *ku*;

таз. *qētṭi* [CDEOI] ‘город, поселок’ — нар. *kvate* ‘город, большая деревня’ — тог. *votson* < сельк. *kuäççə-*;

таз. *qētṭiqo* [O] ‘избивать; убивать, добывать (зверя); ловить (рыбу); застичь, поразить’ — нар. *kvadēfpugu* ‘добывать, ловить, убивать’ — тог. *katse* < сельк. *k₂uätu-* (в [Alatalo 2004] сравнивается с кам. *ḱudöllām*, энец. *kadudado-*);

таз. *ulqa* (~ *qulqa*) [MDEOI] ‘лед, льдина, ледяная корка’ — нар. *olgó* / *ɔlgó* ‘лед’ — тог. *olqo* < сельк. *ülko* (енис. И *улə*);

таз. *man₂*, (тур.) *man₃* [CMDEOI] ‘я, мой’ — нар. *man* ‘мой’ — тог. *ma:t* < сельк. *man* < ПС *mān < ПУ *mE;

таз. *moqṭnā* ~ *mōnā* ~ *monā* ~ *mō* [CMEOI] ‘назад, обратно; домой’ — нар. *məgṭné* ‘назад, обратно, домой’ — тог. *ma:kkan* < сельк. *moqṭnā* < сельк. *moqə* < ПС *mākā;

таз. *qā* [CMDEOI] ‘берёза’ — нар. *kv'e* ‘берёза’ — тог. *kv'e:* ‘берёза’ < сельк. *ḱiä* < ПС *koāj;

таз. *cāqj* [C] ‘белый’ — нар. *tə'ag* — тог. *t'iek* ‘белый’ < сельк. *cāqə < ПС *jekz.

Исключения из правила о совпадении долготы гласных первого слога в среднетазовском и тогурском диалектах

1) таз. *pō* [CMDEOI] ‘год’ — нар. *pət* ‘год’ — тог. *pot/(k)* < сельк. *po* < ПС *poāj;

2) таз. *qatṭiqo* [CEON] ‘чесать, причесывать, царапать, скрести; сильно грести; задевать, трогать (прикасаться); чистить (рыбу)’ — тог. *ka:tqu* ‘очистить’ < сельк. **ḱāti-* < ПС *kätz;

3) таз. *tṭij* [CMDEOI] ‘облако, затянутое облаками небо’ — нар. *tṭ* ‘облако, туча’ — тог. *tṭ:t* < сельк. *tṭtə* < ПС **tīə*;

4) таз. *qēqir* [СМЕОИ] ‘осетр’ — нар. *kvégir* ‘осетр’ — тог. *kvégir* < сельк. *kuəkər* < ПС **wekãñ*;

5) таз. *ku* [СgO] ‘куда’ — нар. *ku* ‘куда (вопрос в парадигме — куда делся, деть)’ — тог. *ku*: < сельк. *ku*.

Интересно отметить, что в первых трех исключениях тогурская длительность гласного соответствует реконструкции Я. Алалато. Четвертый пример не релевантен, поскольку как было показано выше, для селькупского дифтонга *uä* в [Alatalo 2004] не указывается долгота, которая представлена в среднетазовском и тогурском диалекте.

Лишь в 1 случае наблюдаются противоречия между среднетазовским и тогурским материалом и селькупскими основами, восстановленными в [Alatalo 2004]:

1) таз. **qeq3* (в виде вариантов *qeq* ~ *qek* ~ *qeq* ~ *qe*) [СМЕО] ‘гора; береговой яр; сосновый бор’ — нар. *ke* ‘берег, гора, яр’ — тог. *ke* < сельк. *kē* (ср. енис. *ka'ü*).

Помимо этого, как было сказано выше, в [Alatalo 2004] вообще не восстанавливается долгота у дифтонга **uä*, в то время как в среднетазовском и тогурском диалектах у этого дифтонга присутствуют два типа рефлексов: таз. *e*, нар. *ve*, тог. *ve* (см. выше группа 5a) и таз. *ē*, нар. *ve*, тог. *ve*: (группа 5b). Вот эти примеры с долготой в двух диалектах, принадлежащих к разным группам, которые Я. Алалато не учитывает:

2) таз. *tēliqo* [СМЕО] | ‘украсть’ — нар. *tvē'lagu* ‘украсть’ — тог. *tvē:r-* < сельк. **tuälə* ‘красть’ < ПС **tälä* < ПУ **sala*;

3) таз. *kējim* (~ *kejim*) *ūtirqo* ‘дышать’ — нар. *kvé/(i)jergu* ‘дышать, вздыхать’ — тог. *kvē:r-* < сельк. *kuäj-* < ПС **wäjñ-*;

4) таз. *qēlj* [СМЕОИ] ‘рыба’ — нар. *kvél* ‘рыба’ — тог. *kvē:l* < сельк. *kuälə* < ПС **kälä* < ПУ **kala*;

5) таз. *qētij* [СМЕОИ] ‘город, поселок’ — нар. *kvate* ‘город, большая деревня’ — тог. *votson* < сельк. *kuäččä-*.

Возможно, большое количество совпадений по длительности гласных в тогурском (южном) диалекте и словаре [Alatalo 2004] связано с тем, что Я. Алалато восстанавливал долготу на основании южных и центральных селькупских диалектных данных, а среднетазовский диалект, представленный в словаре Е. А. Хелимского, относится к северной группе, которая, видимо, с точки зрения оппозиции по долготе нуждается в дальнейших исследованиях.

В материалах, любезно предоставленных нам О. А. Казакевич, по северным диалектам других групп — по верхнетазовскому диалекту (северный) с. Ратта (собраны в 2002 году), по ларьякскому диалекту (северный) селькупского языка (собраны в 2009—2011 гг. в п. Толька и г. Тарко-Сале), видно, что в ряде случаев длительность гласных отличается от среднетазовской, представленной в словаре [Helimski 2007].

В ларьякском диалекте фонологически долгих гласных в настоящее время нет вообще, а в верхнетазовском они представлены, но в некоторых словах есть отличия от среднетазовского диалекта. Этот материал в настоящее время обрабатывает Е. М. Будянская, и мы надеемся, что в ближайшее время он будет доступен для анализа на сайте lingvodoc.ispras.ru.

Итак, подводя итоги проведенного анализа, можно сделать следующий вывод, что в словаре [Alatalo 2004] для южных и центральных селькупских говоров долгота восстановлена очень точно, за исключением дифтонга **uä*, который, вопреки Я. Алалато, по рефлексам тоже должен иметь долгий и краткий варианты. В северных селькупских диалектах, как показывает материал среднетазовского словаря Е. А. Хелимского, в подавляющем большинстве случаев долгота совпадает с данными тогурского диалекта и словаря Я. Алалато. Таким образом, фонологическое противопоставление «долгота vs. краткость гласных» достаточно надежно реконструируется для праселькупского языка в том виде, как это представлено в [Alatalo 2004], с добавлением дифтонга **uä*, долгота которого сохранилась в среднетазовском *ē* и тогурском *ve*:

Однако реконструкция качества праселькупских гласных может быть существенно уточнена за счет фонетического анализа современных нарымских и кетских данных, как было показано в I-й части статьи. Мы предложили реконструировать четыре дополнительных праселькупских фонемы: **ε*, **ä*, **y*, **j*. Тогурский словник, который нам удалось привлечь к анализу, весьма небольшой. Но эти данные также подтверждают необходимость реконструировать **ε*, **j*.

ПСельк. **ε* > таз., нар., тог. *ε*, кет. *e* — сельк. [Alatalo 2004] *e*, *ē*

ПСельк. **e* > таз., кет., тог. *e*, нар. *ε* — сельк. [Alatalo 2004] *e*, *ē*

ПСельк. **i* > таз. *i*, нар. *i*, *ε*, кет., тог. *i* — сельк. [Alatalo 2004] *i*, *ī*

ПСельк. **j* > таз. *j*, нар., кет. *i*, *#ε-*, тог. *i* — сельк. [Alatalo 2004] *i*, *ī*

На рефлексы **ä*, **y* в тогурском словнике просто нет примеров.

В более ранних работах, посвященных происхождению праселькупских долгих гласных, [Helimski 1978; Глушков 2002], были предложены различные гипотезы происхождения праселькупской долготы.

Е. А. Хелимский и С. В. Глушков указывали, что в ряде случаев праселькупские долгие гласные соответствуют прасамодийским дифтонгам, например, сельк. *ē-* ‘быть’ < ПС **āā-*, сельк. *šē* ‘язык’ < ПС *keāj. В других случаях, по их мнению, долгота имеет инновационный характер, которую Е. А. Хелимский объяснял позицией перед *ə* во втором слоге.

Но, как можно видеть из приведенных выше примеров, есть случаи, которые не подходят под эти правила. Например, таз. *pī* [СМДЕОИ] ‘осина’ — тог. *pi:* ‘осина’ < сельк. *pī < ПС *pi, таз. *sī* [СМДЕОИ] ‘соболь’ — нар. *fi* ‘соболь’ — тог. *si:* < сельк. *šī* < ПС *ki. А в ряде других слов, наоборот, *ə* во втором слоге не вызывает удлинения. Это отмечал и сам Е. А. Хелимский, и указывал, что речь идет только о тенденциях появления долготы в селькупском языке.

Чему же соответствует селькупская долгота в других самодийских языках? В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к маторскому этимологическому словарю [Helimski 1997]. Как отмечает в предисловии Е. А. Хелимский долгота в маторских источниках отмечена крайне нерегулярно, но в предисловии к словарю он доказывает, что долгие гласные в маторском языке существовали, и в ряде источников отмечались достаточно регулярно, и тогда он отмечал ее в словарном входе. Мы проанализировали те слова, в которых отмечены долгие гласные и есть параллели в селькупском языке. Оказалось, что во всех случаях маторская долгота соответствует тазовской, ср. примеры:

мат. *ā* ‘друг, товарищ’ — таз. *n’ē* [С М Е О] ‘некто, живое существо, особь; персона; спутник, собеседник, партнер, коллега; товарищ, подруга; брат, сестра; парный предмет (тж. неодушевленный)’;

мат. *ājṁə* ‘сон’ — таз. *šṁkī* [С М О И] ‘сон (состояние)’;

мат. *hādā* ‘желчь’ — таз. *patj ~ pātj*, [С М Е О И] ‘желчь’;

мат. *hīma* ‘сапог’ — таз. *pēmj* [С М Е О И] ‘обувь, пимы (бакари)’;

мат. *kā-* ‘умирать’ — таз. *quntjə* [ЕО] ‘умирать, тяжело болеть’;

мат. *kālā* ‘рыба’ — таз. *qēlj* [СМЕОИ] ‘рыба’;

мат. *kūhā, kīhā* ‘легкий’ — таз. *šēpi ~ šēpil* [С М Е О И] ‘легкий (по весу)’;

мат. *lāhā* ‘весло’ — таз. *lapj* [С Е М О И] ‘весло’;

мат. *tār-* ‘разделять’ — таз. *tārjə ~ tārə* [Е] ‘разделить’;

мат. *tārā* ‘гнида’ — таз. *tūra ~ tūrā* [М О] ‘гнида’;

мат. *tōr-, tōrə-* ‘считать’ — таз. *tōqilə* ‘сосчитать, прочитан’.

При этом обратное утверждение неверно. Есть много случаев, когда в селькупском долгий гласный, а в маторском — краткий. Можно предположить, что в таких случаях маторское слово не представлено в надежных источниках, четко отражавших долготу, поскольку как отмечает и Е. А. Хелимский, часто, когда долгий гласный зафиксирован в нескольких источниках, в других — долгота не отмечена.

Представляется, что этот факт совпадения долготы маторских и селькупских гласных позволяет предположить, что долгие гласные должны быть реконструированы и для прасамодийского языка. Но в настоящее время не вполне ясно, всегда ли они совпадали с селькупскими, или в части случаев селькупская долгота возникла инновационно, поэтому перспективным направлением исследований кажется дальнейший поиск соответствий долгих селькупских гласных, в первую очередь, в камасинском языке, для которого отмечены долгие гласные, и их внешние соответствия неизвестны. Важно, что для камасинского сохранились архивные аудиозаписи, и это дает возможность провести их анализ в современных фонетических программах и точно установить наличие или отсутствие долготы, которое, как и в маторском, колеблется по источникам. А далее планируется провести поиск соответствий прасамодийских долгих гласных, сохранившихся в селькупском, в других уральских языках. В 2001 году Е. А. Хелимским была выдвинута гипотеза о наличии долгих гласных в прахантыйском (см. подробный анализ этой гипотезы и дальнейшие перспективы ее осмысления в [Норманская 2014]), зафиксирована долгота в саамских и прибалтийско-финских языках, при этом ее место отличается в разных диалектах конкретных языков, поэтому необходимо дальнейшее исследование для более точной реконструкции праязыковых долгих гласных. При этом анализе должна учитываться и долгота гласных в селькупском языке, которая, как показывает сравнение с маторским, имела праязыковой характер.

Сокращения

Языки и диалекты

мат. — маторский язык

ПС — прасамодийский

ПУ — прауральский

- Сельк. — селькупские типы основ или реконструкция по словарю [Alatalo 2004]
 елаб. — елабужский диалект селькупского языка
 кет. — кетский диалект селькупского языка
 нар. — нарымский диалект селькупского языка
 таз. — тазовский диалект селькупского языка
 тог. — тогурский говор среднеобского диалекта селькупского языка
 тур. — туруханский диалект селькупского языка

Источники

- С — материалы М. А. Кастрена
 D — данные Доннера по словарю [Alatalo 2004]
 E — [Erdélyi 1969]
 O — файлы к третьей части «Очерков по селькупскому языку», которые были предоставлены Е. А. Хелимскому О. А. Казакевич и им дополнены.
 И — стандартизованные написания слов из [Ириков 1988]
 M — [Helimski, Kahrs 2001]
 H — полевые неизданные записи Е. А. Хелимского.
 Хк — селькупские материалы из работы [Хелимский 2000]
 Хс — селькупские материалы из работы [Хелимский 1976]

Литература

- Амелина 2016 — Амелина М. К. Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов // Урало-алтайские исследования. 2 (22), 2016. {Amelina M. K. Stress in the non-derivative nouns with homogeneous vocalic composition in the Yamal dialect of the Tundra Nenets language. Part I. Phonetic words with low and middle vowels // Ural-Altai studies. 2 (22), 2016.}
- Быконя 2005 — Быконя В. В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {Bykonya V. V. Selkup-Russian dialect dictionary. Tomsk 2005.}
- Беккер и др., 1994 — Беккер Э. Г., Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц., Морева Л. В. Пособие по селькупскому языку. Томск, 1994. {Bekker E. G., Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper Sh. Ts., Moreva L. V. Guidebook in the Selkup language. Tomsk 1994.}
- Глушков 2002 — Глушков С. В. Длительность гласных и согласных в диалектах селькупского языка. Дисс. на соискание ученой степени канд. филолог. наук. Томск, 2002. {Glushkov S. V. Vowel and consonant length in the Selkup language dialects. Ph.D. thesis. Tomsk 2002.}
- Деннинг 1984 — Деннинг Н. В. Фонетика тымского диалекта селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 1984. {Denning N. V. Phonetics of the Tym dialect of the Selkup language. Ph.D. thesis. Tomsk 1984.}
- Кузьмина 1974 — Кузьмина А. И. Грамматика селькупского языка. Ч. 1: Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. {Kuzmina A. I. Selkup grammar. P. 1: The Selkups and their language. Novosibirsk 1974.}
- Морев 1973 — Морев Ю. А. Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Томск, 1973. {Morev Yu. A. Phonetic composition of the Sredneobskey (Laskin) patois of the Selkup language. Ph.D. thesis. Tomsk 1973.}
- Норманская 2012a — Норманская Ю. В. Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть I. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования № 1 (6), 2012. {Normanskaya Yu. V. Proto-Samoyedic stress and its external correspondences. Part I. Free stress in the central and southern dialects of the Selkup language // Ural-Altai Studies #1 (6), 2012.}
- Норманская 2012b — Норманская Ю. В. Прасамодийское ударение и его внешние соответствия Часть II. Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования № 2 (7), 2012. {Normanskaya Yu. V. Proto-Samoyedic stress and its external correspondences. Part II. External correspondences of the Selkup free stress in the Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages // Ural-Altai Studies #2 (7), 2012.}
- Норманская 2014 — Норманская Ю. В. Происхождение системы хантыйского вокализма // Урало-алтайские исследования. № 3 (14). С. 58 — 66. {Normanskaya Yu. V. The genesis of the system of Khanty vowels // Ural-Altai Studies #3 (14), 2014. P. 58 — 66.}
- Норманская 2016 — Норманская Ю. В. Уточнение праселькупской реконструкции гласных первого слога. Часть I. Анализ новых полевых материалов по нарымскому диалекту селькупского языка // Урало-алтайские ис-

следования № 2 (21), 2016. {*Normanskaya Yu. V.* Clarification of the Protoselkup reconstruction of vowels of the first syllable. Part I. Analysis of new field materials of the Narym dialect of Selkup // *Ural-Altai Studies* №2 (21), 2016.}

Поздеева 2013 — Поздеева Г. П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. №1(8). Москва, 2013. С. 20—33. {*Pozdeeva G. P.* The Selkup language dialects: verifying the accepted classifications and a new take on the dialectal division // *Ural-Altai Studies*. #1(8). Moscow, 2013. P. 20—33.}

Прокофьев 1935 — Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1: Селькупская грамматика. Л., 1935. {*Prokofyev G. N.* The Selkup (Ostyak-Samoyedic) language. P. 1: Selkup grammar. L., 1935.}

Прокофьева 1966 — Прокофьева Е. Д. Селькупский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М., 1966. С. 396—415. {*Prokofyeva E. D.* The Selkup language // *Languages of the peoples of the USSR. Finno-Ugric and Samoyedic languages*. Vol. 3. M., 1966. P. 396—415.}

Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U.T. und Alatalo J.* / Zusammengefasst und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.

Helinski 1978 — Helinski E. Notes on the origin of prosodic features in some Samoyed and Ugric languages // *Estonian Papers in Phonetics* 1978. Tallinn, 1978, P. 35—38.

Helinski 1997 — Helinski E. Die Matorische Sprache. Szeged, 1997.

Helinski 2007 — Helinski E. Рукопись северно-селькупского словаря // www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/personen/eugen-helinski.html, 2007.

Erdélyi 1969 — Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969.

Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrenianumin toimitteita, 17.)

Katz 1975 — Katz H. Selcupica I. Materialien vom Tym // Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C. Bd. 1. München, 1975.

Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XIII.)

Szabó 1967 — Szabó L. *Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary*. Bloomington, 1967.

UEW — Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены свидетельства существования долгих гласных в праселькупском языке и их сохранения в селькупских диалектах. В фонетической программе Praat были проанализированы аудиозаписи тогурского говора среднеобского диалекта селькупского языка, собранные в ЛЭФИ в Новосибирске в 1973 году от Тобольжиной Фионы Федоровны (1911 г. р.). Этот словник в настоящее время доступен на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>. Было установлено, что в этом говоре есть минимальные пары для долгих и кратких гласных. При полном анализе словника тогурского говора и сравнении его со среднетазовским словарем Е. А. Хелимского было установлено, что долгота гласных в этих диалектах, носители которых жили территориально далеко друг от друга, совпадает, что указывает на ее праселькупский характер, который весьма точно отражен в словаре Я. Алатало. Дальнейший анализ праселькупской долготы и ее сравнение с ненецкими данными показали, что она имеет прасамодийский характер и была релевантна для развития гласных от прауральского языка к прасамодийскому.

SUMMARY

In the article we discuss some evidence for the existence of long vowels in Proto-Selkup. These vowels are preserved in the Selkup dialects. We have analyzed the audio recordings of the Togur dialect of the middle Ob subdialect of the Selkup language, which were collected in phonetic laboratory in Novosibirsk in 1973 from Fiona Tobolzhina (born in 1911), using Praat phonetic software. The resulting glossary is currently available online at <http://lingvodoc.ispras.ru>. We have found that minimal pairs for long and short vowels exist in this dialect. While analyzing the Togur dialect wordlist and comparing it to E. Helinski's Middle Taz dictionary we have found out that the length of vowels in these dialects coincide, regardless of their speakers living geographically far from each other, indicating its Proto-Selkup character, which is very accurately presented in the dictionary of J. Alatalo. Further analysis of Proto-Selkup vowel length and comparing it with the Nenets data showed that it has the Proto-Samoyedic character and was relevant for the development of vowels from Proto-Uralic to Proto-Samoyedic.

Ключевые слова: селькупский, обской диалект, экспериментальная фонетика, сравнительно-историческое языкознание

Keywords: Selkup language, Ob dialect, experimental phonetic, comparative linguistics

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru

Эволюция показателя экзистенциального отрицания в нанайском языке¹

1. Введение

Экзистенциальное отрицание (т. е. отрицание существования) в нанайском языке² обычно выражается с помощью слова *aba* в большинстве диалектов (пример 1) или слова *kəukə* в нижнеамурских говорах.

- (1) *Kalgama*   *aba*³.
 снежный человек NEG
 ‘Снежного человека не существует’.

Показатель экзистенциального отрицания *aba* также используется в качестве элемента одной из конструкций стандартного отрицания, т. е. обычного глагольного отрицания в декларативной независимой клаузе (а в бикинском диалекте нанайского языка — в качестве элемента сразу нескольких конструкций стандартного отрицания).

Цель данного исследования — попытаться понять, каким образом показатель экзистенциального отрицания *aba* приобретает функции показателя стандартного отрицания.

Этот вопрос кажется интересным в более широкой типологической перспективе. Эволюцией показателей отрицания лингвисты заинтересовались очень давно. Так, О. Есперсен [Jespersen 1917] привлек внимание исследователей к циклическим процессам смены одного показателя отрицания другим, наблюдаемым, например, во французском языке: *ne > ne...pas > pas* (и, как позже выяснилось, также и во многих других языках, см., например, [Auwera 2009; 2011]; [Hansen 2011], шире об эволюции отрицания см. также [Larrivière, Ingham 2011], [Hansen, Visconti 2014]). Позже активный поиск циклических закономерностей, по аналогии с циклом отрицания Есперсена, начался и в других фрагментах грамматики, см. [Gelderens 2009; 2011; 2016]. Особенно интересной в цикле Есперсена оказалась промежуточная стадия двойного показателя отрицания, когда в одном и том же предложении совместно употребляются и старый, и новый показатели (*ne...pas*). Эта проблематика позже также многократно обсуждалась на разном материале, в т. ч. и за пределами показателей отрицания в контексте в целом избегаемой языком стратегии избыточного маркирования (см., например, работы Л. И. Куликова о двойных показателях каузатива [Kulikov 1993; 1999], а также наблюдения о двойном падежном маркировании в [Kulikov 2009]). Общий механизм здесь предположительно состоит в постепенной эрозии, «выветривании» семантики старого показателя и необходимости контекстной поддержки его новым, сначала факультативной, позже обязательной. На следующем этапе происходит реинтерпретация, когда как основной осознается новый показатель, а старый (сначала факультативно, а после во всех контекстах) начинает опускаться. Серия более частных типологических исследований касается показателей экзистенциального отрицания как диахронического источника для новых показателей стандартного (глагольного) отрицания. Сценарий развития показателей стандартного отрицания из показателей экзистенциального отрицания, также циклический и также включающий стадию двойного маркирования, был предложен В. Крофтом [Croft 1991] (подробнее см. ниже, п. 3.1). Позже он был подвергнут критике в работах Л. Веселиновой, показавшей, что в некоторых случаях показатели экзистенциального отрицания могут вовлекаться в парадигму стандартного отрицания не под действием системных факторов вроде описанного выше (семантической эрозии старого показателя стандартного отрицания и системной необходимости в формировании нового), а по другим причинам, не связанным непосредственно с развитием системы отрицания, см. [Veselinova 2014; 2016] (подробнее в п. 3.2).

Нанайский материал в разных его фрагментах, как кажется, может так или иначе внести вклад во все приведенные выше дискуссии: о диахроническом развитии показателей отрицания в целом, о двойных показателях отрицания, о центральном пути происхождения показателей стандартного отрицания из показателей экзистенциального, описанном В. Крофтом, и о возможных отклонениях от него, упоминаемых Л. Веселиновой.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 16-34-01015a2 «Отрицание в башкирском, калмыцком и нанайском языках и его взаимодействие с видом и временем».

² Нанайский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской языковой семье.

³ Примеры глоссируются в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования (<https://www.eva.mpg.de/langua/pdf/Glossing-Rules.pdf>). В частности, знак = используется для обозначения границы между словом и клиткой.

Для того, чтобы понять, каким именно образом слово *aba* в нанайском языке могло развиваться из маркера экзистенциального отрицания в маркер стандартного отрицания, сначала будут рассмотрены семантические и грамматические свойства *aba* в роли показателя экзистенциального отрицания (п. 2); в п. 3 будут обсуждаться свойства конструкций стандартного отрицания, содержащих *aba*, в контексте типологических исследований показателей экзистенциального отрицания, а также будет выдвинуто предположение о возможном сценарии эволюции данного маркера.

Исследование проведено в основном на материале среднеамурского диалекта нанайского языка. Те случаи, когда привлекались данные других диалектов, оговариваются особо. Примеры, взятые из устных текстов, имеют помету в скобках, указывающую на год и место записи текста. Примеры без специальных помет получены путем элицитации во время полевой работы в октябре 2015 года.

2. Показатель экзистенциального отрицания *aba*

2.1. Семантика

Aba обнаруживает стандартный для показателей экзистенциального отрицания набор функций (о типологии экзистенциального отрицания см. [Veselinova 2013]).

I. Пример (2) иллюстрирует его собственно экзистенциальное употребление ('X не существует'). В этом контексте, как кажется, невозможны никакие другие показатели, кроме *aba*.

(2) *Mudur aba.*

дракон NEG

'Драконов не существует'.

II. В примере (3) *aba* употреблено в посессивном контексте ('У Y нет X'). Обладаемое (*крылья*) оформляется именительным падежом, обладатель — дативом (падежом, совмещающим дативную функцию с пространственной, эссивной).

(3) *Mudur-du xasar aba.*

дракон-DAT крыло NEG

'Крыльев у драконов нет {но у них есть хвост}'.

В этом употреблении конструкция с *aba* конкурирует с каритивной конструкцией со специализированным показателем *ana*, (4). У конструкции с *ana* другая синтаксическая структура: обладатель — подлежащее, оформляется именительным падежом, обладаемое — неоформленное зависимое при *ana* (в примере ниже букв. 'драконы — без крыльев / бескрылые').

(4) *Mudur xasar ana.*

дракон крыло без

'У драконов нет крыльев {и они зеленые}'.

Aba предпочитается, если в фокусе оказывается отсутствие обладания (и обладаемое — тема), *ana* — если отсутствие обладаемого является характеристикой обладателя (и в позиции темы — обладатель), ср. естественные контексты для (3) и (4) выше.

III. Примеры (5) и (6) демонстрируют л о к а т и в н о е употребление *aba* ('X отсутствует в Y'). Здесь, как и для посессивного значения, выделяется два типа контекстов, различающихся коммуникативной организацией предложения.

1) В случае указания на присутствие субъекта в другом месте (субъект — в тематической позиции, место — в рематической) наряду с *aba* (а) может использоваться конструкция стандартного отрицания с глаголом *bi-* 'быть' в отрицательной форме (б):

(5) а. *Abā, sogdata dərə-du aba.*

нет рыба стол-DAT NEG

б. *Abā, sogdata dərə-du bi-ə-si.*

нет рыба стол-DAT БЫТЬ-NEG-PRS

'{- Рыба на столе?} — Нет, рыба не на столе. {Она в мешке}'.

2) При выражении «абсолютного» отсутствия (когда место — в тематической позиции, а не в рематической) используется только конструкция с *aba*, а стандартное отрицание невозможно:

- (6) *Abā, takto-du n'oani aba / *bi-ə-si.*
нет сарай-DAT 3SG NEG быть-NEG-PRS
'{Твой друг в сарае?} — Нет, в сарае его нет'.

В частности, так же ведут себя т. н. «локативно-презентативные» предложения (в терминологии [Hengeveld 1992]), т. е. предложения, служащие ответами на вопрос о наличии чего бы то ни было в определенном месте (место — тема, субъект — рема):

- (7) *Əj dalean-du xaj=da aba.*
этот мешок-DAT что=PART.EMPH NEG
'{В мешке что-нибудь есть?} — В мешке ничего нет (Он пуст)'.

Ср. также характерный контекст (8):

- (8) *Əjniə Māša klasa-du aba.*
сегодня Маша класс-DAT NEG
'{Кого сегодня нет в классе?} — Сегодня в классе нет Маши'.

Описанные два типа локативных употреблений склонны вести себя по-разному с точки зрения выражения специализированным показателем экзистенциального отрицания vs. стандартным отрицанием и во многих других языках мира, см. об этом [Veselinova 2013: 123].

Aba обнаруживает также функции, не относящиеся к центральной зоне употреблений показателей экзистенциального отрицания, однако фиксируемые у них и в других языках.

IV. Так, *aba* может использоваться в роли краткого отрицательного ответа на общий вопрос (как и русское *нет*, ср. (9)). В этой функции для него характерен, наряду с обычным, фонетический вариант *abā*, ср. (5), (6).

- (9) *Aba, mī wā-ra-sim-bi-ə un-ži.*
NEG 1SG убивать-NEG-PRS-1SG-EMPH сказать-PRS
'Нет, я не стану убивать! — сказал он'. [ПМА 2011a]

V. Также слово *aba* используется в качестве прономинального компонента альтернативной конструкции (*P или нет*).

- (10) *sī əži-ji kajrase-e-si=nō abā=nō.*
2SG муж-REFL.SG жалеть-PRS-2SG=PART.Q NEG=PART.Q
'Ты своего мужа жалеешь или нет?' (текст 1, [Kazama 1995: 22])

VI. Для показателей экзистенциального отрицания типологически засвидетельствована этимологическая связь с различными полнозначными лексемами, в частности с глаголом 'исчезать' (см. [Veselinova 2013: 119], *Табл. 1*). Для нанайского *aba* лексический источник неизвестен⁴, однако с глаголом 'исчезать' он связан синхронными словообразовательными связями: последний представляет собой сочетание *aba* с вербализатором *-na* (*aba-na* — 'исчезать').

Таким образом, *aba* демонстрирует все три центральных употребления, характерных для показателя экзистенциального отрицания в языках мира: собственно экзистенциальное, посессивное и локативное, — а также ряд более периферийных, но тоже вписывающихся в типологические ожидания. В локативном контексте наблюдается — предсказуемая — конкуренция с отрицательной формой бытийного глагола, в посессивном — со специализированной каритивной конструкцией.

За пределы бытийных контекстов, характерных для экзистенциального отрицания, *aba* не выходит. В частности, им не обслуживается т. н. аскриптивное отрицание, т. е. отрицание в конструкциях характеристики, в них используется отрицательная форма глагола 'быть', ср.:

- (11) *Mi ag-bi gogda bi-ə-si / *aba.*
1SG старший.брат-1SG высокий быть-NEG-PRS NEG
'{— Твой старший брат высокий?} — Мой старший брат не высокий'.

Упомянутое выше употребление *aba* в качестве компонента конструкции стандартного отрицания подробно рассматривается в п. 3.

⁴ Уже в качестве показателя отрицания он функционирует, видимо, до становления нанайского как отдельного языка: аналогичный показатель *aba* 'нет' обнаруживается в маньчжурском сибо, см. [Цинциус 1975: 3].

Функции *aba*: типологический профиль
(таблица адаптирована из типологической работы [Veselinova 2013],
данные по нанайскому показателю наши)

Функция	Краткое описание	<i>aba</i>	Альтернативные показатели
neg.ex	Отрицание существования	да	
neg.loc	Отрицание местонахождения	да	конструкция стандартного отрицания с бытийным глаголом <i>bi-NEG</i> ('быть-NEG')
neg.poss	Отрицание обладания	да	карикативная конструкция с показателем <i>ana</i>
no	Показатель экзистенциального отрицания также используется в качестве короткого ответа 'нет'	да	
pro-sentence	Используемое слово относится к той же пропозиции, что и предшествующее высказывание (V или нет?)	да	
disappear	Показатель экзистенциального отрицания связан с глаголом 'исчезать'	(да) используется дериват от <i>aba</i>	
absent, away, gone	Показатель экзистенциального отрицания также употребляется в одном из следующих значений: 'отсутствовать', 'удаленный', 'ушедший'	нет	
lack	Показатель экзистенциального отрицания также имеет значение 'недоставать'	нет	
dead	Показатель экзистенциального отрицания также имеет значение 'мертвый'	нет	
destroy	Показатель экзистенциального отрицания также имеет значение 'разрушать'	нет	
nothing	Показатель экзистенциального отрицания также имеет значение 'ничто'	нет	
none	Показатель экзистенциального отрицания также употребляется в качестве отрицательного неопределенного местоимения	нет	
without	Показатель экзистенциального отрицания также используется как адлог со значением 'без' или как показатель карикатива	нет	
neg.emphatic	С помощью показателя экзистенциального отрицания образуется эмфатическое утверждение	нет	
not_noun	Показатель экзистенциального отрицания используется для отрицания именных составляющих	нет	
not_be	Показатель экзистенциального отрицания является основной отрицательной связкой	нет	
co-occurs with 'be'_restricted	Показатель экзистенциального отрицания может использоваться для отрицания глагола-связки	нет	
+ classification	В зависимости от семантических характеристик именной группы (одушевленность, личность, возраст) употребляются разные показатели экзистенциального отрицания	нет	

2.2. Грамматические свойства

Показатель *aba*, употребляемый в составе конструкции экзистенциального отрицания, не полностью вписывается в общую классификацию частей речи в нанайском языке. В грамматике [Аврорин 1959: 242—245] он (наряду с показателем *ana* ‘без’) отнесен к отдельному классу «имен отрицания». С вопросом о его частеречной принадлежности непосредственно связан вопрос о структуре самой экзистенциальной конструкции. Теоретически возможны следующие три варианта.

а) Можно считать, что *aba* в конструкции экзистенциального отрицания ведет себя как существительное (‘отсутствие’). Тогда сама конструкция экзистенциального отрицания напоминает по структуре посессивную конструкцию, в которой *aba* выступает в роли обладаемого, а участник, существование которого отрицается, — в роли обладателя.

- (12) *mədur-səl aba-čī ≈ mədur-səl xasar-čī.*
 дракон-PL NEG-3PL ≈ дракон-PL крыло-3PL
 ‘драконов не существует’ (букв. ‘отсутствие драконов’) ≈ ‘крылья драконов’

Так, в примере (12) *aba* согласуется по лицу и числу с существительным ‘драконы’ точно так же, как обладаемое ‘крылья’ в обычной для нанайского языка посессивной конструкции с вершинным маркированием.

б) Можно считать, что *aba* в конструкции экзистенциального отрицания ведет себя как (морфологически дефектный) финитный глагол (‘отсутствовать’):

- (13) *mədur-səl aba-čī ≈ mədur-səl dəgdə-j-čī.*
 дракон-PL NEG-3PL ≈ дракон-PL летать-PRS-3PL
 ‘драконов не существует’ ≈ ‘драконы летают’

Тогда участник, существование которого отрицается, является подлежащим при этом глаголе.

в) Наконец, можно считать, что *aba* в конструкции экзистенциального отрицания похоже на прилагательное (‘отсутствующий’) в предикативной позиции:

- (14) *mədur aba ≈ mədur dāi.*
 дракон NEG ≈ дракон большой
 ‘драконов не существует’ ≈ ‘драконы большие’

Участник, существование которого отрицается, как и в предыдущем случае, занимает позицию подлежащего.

Такая неоднозначность возникает из-за сильного сходства именной и глагольной морфологии в нанайском языке (в частности, формального тождества именных посессивных и глагольных лично-числовых показателей).

Ниже представлены эмпирические данные, которые могут служить аргументами в пользу той или иной из представленных частеречных трактовок показателя *aba*.

1) Лично-числовые показатели

Слово *aba* факультативно принимает лично-числовые показатели в соответствии с лицом и числом субъекта несуществования:

- (15) *Buə əsi xoton-du aba-(pu).*
 2PL сейчас город-DAT NEG-(1PL)
 ‘{– Вы сейчас в городе?} — Мы сейчас не в городе’.

Существительные в посессивной конструкции и глаголы в индикативе имеют более регулярное лично-числовое согласование. Прилагательные в предикативной позиции согласуются с субъектом, как и слово *aba*, факультативно (см. [Аврорин: 1959: 215]).

Сам набор лично-числовых показателей, как уже было сказано, одинаков для имен и глаголов в индикативе. Это связано с тем, что глагольные формы индикатива восходят к причастным (и на синхронном уровне те же формы продолжают употребляться в том числе и как причастия, в атрибутивной позиции), см. [Аврорин 1961: 65]⁵. Тот же набор показателей фиксируется и для *aba*. Исключением является контекст 3 лица мн. ч. В нем возможно употребление неоформленного *aba* (поскольку согласование в целом факультативно), формы *aba-čī* с ожидаемым именным показателем 3 л. мн. ч., и — наряду с ними — также формы *aba-l*: показатель *-l* глагольный и встречается в парадигме глагола за пределами восходящего к причастиям индикатива.

⁵ В грамматике [Аврорин 1961] они называются «причастиями» в т. ч. и в финитных употреблениях.

- (16) *Nučikən-žuan žōg-du aba / OK aba-či / OK aba-l.*
 маленький-COLL дом-DAT NEG NEG-3PL NEG-V.3PL
 ‘Детей нет дома’.

Это, таким образом, возможный аргумент в пользу глагольной природы *aba*. Факторы, влияющие на выбор «наиболее глагольного» варианта *aba-l*, нам неизвестны, поэтому на данный момент нельзя определить, в каких контекстах рассматриваемое слово ведет себя скорее как прилагательное и не принимает никаких лично-числовых показателей, а в каких контекстах оно ведет себя глагол и присоединяет чисто глагольный показатель *-l*.

2) Время, наклонение

Слово *aba*, употребленное без дополнительных показателей (за исключением лично-числовых), реферирует к контексту настоящего времени индикатива. Для выражения значений других форм и наклонений используется конструкция с глаголом *bi-* ‘быть’, который оформляется соответствующими показателями, ср. прошедшее время индикатива в (17) и сослагательное наклонение в (18). К самому *aba* показатели времени и наклонения не присоединяются.

- (17) *Balana siun xosekta-ži aba bi-či-či / *aba-xa-či.*
 давно солнце звезда-INS NEG быть-PST-3PL NEG-PST-3PL
 ‘Давным-давно не было ни солнца, ни звезд’.
- (18) *Mi ame-na-i žea žea-wari əčiə bā-ra*
 1SG отец-ASS.PL-1SG друг друг-REFL.PL NEG.PST найти-CVB.NSIM
oseni, mi aba bi-mca-i / *aba-mca-i.
 если 1SG NEG быть-SBJV-1SG NEG-SBJV-1SG
 ‘Если бы мои родители не встретились, меня бы не было’.

Эти данные лучше укладываются в трактовку *aba* как существительного или прилагательного, но не глагола: и в конструкции с прилагательным (X — несуществующий), и в конструкции с существительным ожидается бытийный глагол (отсутствие X-a), в обоих случаях в настоящем времени индикатива глаголу ‘быть’ соответствует нулевая форма (как в русском языке).

3) Лично-числовые показатели в конструкции с выраженным глаголом ‘быть’

В конструкции с выраженным глаголом *bi-* ‘быть’ (см. выше) лично-числовые показатели принимает бытийный глагол, но не слово *aba*:

- (19) *Təj dalean-du opa aba bi-či-ni / *aba-ni bi-či-ni.*
 тот мешок-DAT мука NEG быть-PST-3SG NEG-3SG быть-PST-3SG
 ‘В этом мешке не было муки’.

Это позволяет отвергнуть интерпретацию конструкции с *aba* как посессивной с *aba*-обладаемым: в стандартной посессивной конструкции посессивные маркеры должны оформлять обладаемое, а глагол ‘быть’ должен согласовываться с обладаемым по 3 лицу (напр., **mī aba-i bi-či-ni* 1SG NEG-1SG быть-PST-3SG, букв.: ‘я отсутствие-мое было’; предполагаемый перевод: ‘меня не было’).

4) *Aba* в деепричастной зависимой клаузе

От слова *aba* не образуются деепричастия. В деепричастной конструкции в форме деепричастия выступает глагол *bi-* ‘быть’:

- (20) *OK aba bī-mi⁶ / *aba-mi.*
 NEG быть-CVB.SIM NEG-CVB.SIM

Это аргумент в пользу адъективного (а не глагольного) статуса *aba*.

5) *Aba* в причастной зависимой клаузе

Aba может быть вершиной причастной зависимой клаузы. В значительной части зависимых клауз в нанайском языке предикат выражается формой номинализации (в традиционной терминологии «причастия») с показателем падежа, который зависит от семантико-синтаксического типа клаузы, и показателем лица-числа в соответствии с лицом-числом субъекта зависимой клаузы, см. подробнее [Герасимова 2006]:

⁶ Информантам было предложено оценить оба варианта на нанайском языке из примера (20). Деепричастная конструкция признавалась полностью допустимой, а образование деепричастия от *aba* оценивалось как неприемлемое.

- (21) *Ase-i žōg-du bi-i-du-ə-ni*
 жена-1SG дом-DAT быть-PRS-DAT-OBL-3SG
mi sea-go-ri mənə puju-či-ə-čim-bi.
 1SG есть-CVB.PURP-REFL.PL сам готовить-IPFV-NEG-PST-1SG
 ‘Когда моя жена была дома, я не готовил сам’.

Слово *aba* в позиции предиката такой зависимой клаузы может вести себя двумя способами. а) Во-первых, оно может принимать падежный маркер и лично-числовой маркер. Здесь оно ведет себя, следовательно, как существительное или номинализованная форма глагола. б) Во-вторых, при неоформленном *aba* может появляться номинализация от глагола *bi-* ‘быть’ с соответствующими показателями. В этом случае *aba* ведет себя как прилагательное.

- (22) *Ase-i žōg-du aba-do-a-ni / aba bi-i-du-ə-ni.*
 жена-1SG дом-DAT NEG-DAT-OBL-3SG NEG быть-PRS-DAT-OBL-3SG
mi sea-go-ri mənə puju-či-xəm-bi
 1SG есть-CVB.PURP-REFL.PL сам готовить-IPFV-PST-1SG
 ‘Когда моей жены не было дома, я готовил сам’.

6) Контроль рефлексива

Тест на контроль рефлексива позволяет уточнить внутреннюю синтаксическую структуру конструкции с *aba*, определив, какой из участников в ней ведет себя как подлежащее (стандартный контролер рефлексива). В обычном случае это субъект несуществования, ср. (23) и (24):

- (23) *əj piktə əni-du-ji aba.*
 этот ребенок бабушка-DAT-REFL.SG NEG
 (24) **piktə-ji əni-du aba.*
 ребенок-REFL.SG бабушка-DAT NEG
 ‘Ребенка нет у бабушки (он где-то в другом месте)’.

Но при дополнительной контекстной поддержке это может быть также и обладатель / место (участник, оформленный дативом):

- (25) *Arcokan-du mənə žaxa-i aba.*
 девочка-DAT свой деньги-REFL.SG NEG
 ‘У девочки нет собственных денег’.

Таким образом, в конструкции экзистенциального отрицания не обнаруживается единственного бесспорного подлежащего: как будто бы на этот статус претендует субъект несуществования (аргумент в пользу конструкции с глаголом или с прилагательным), однако он делит этот статус с дативным участником. Заметим при этом, что в положительной конструкции с глаголом ‘быть’ ситуация с контролем рефлексива совершенно аналогичная (т. е. нет оснований предполагать, что конструкция с *aba* синтаксически устроена иначе).

7) Деривационные показатели

В нанайском языке развитая система продуктивной глагольной деривации (модальной, аспектуальной, актантной и под.). Никаких глагольных деривационных суффиксов *aba* не принимает:

- (26) **aba-lo-xa-ni*
 NEG-INCH1-PST-3SG
 ‘он начал отсутствовать/исчез’

Единственный деривационный показатель, способный присоединяться к слову *aba*, — это вербализатор *-na*, образующий от *aba* глагол (с обычными глагольными свойствами) ‘исчезать’:

- (27) *aba-na-xa-ni*
 NEG-VBLZ-PST-3SG
 ‘исчез’

Показатель *-na* используется в нанайском языке для образования глаголов как от прилагательных (ср. *sagži* ‘старый’ — *sagže-na-* ‘стареть’), так и от существительных (ср. *žolo* ‘камень’ — *žolo-na-* ‘камень, обращаться в камень’), но не от других глаголов, см. [Аврорин 1961: 18].

Представленные выше данные по грамматическим свойствам показателя *aba* обобщаются в Таблице 2.

Грамматические свойства показателя *aba* и его морфологический статус

	Глагол	Существительное	Прилагательное
Факультативное согласование (лично-числовые маркеры)		?	pro
Показатель 3PL	pro		?
ТАМ-формы	contra		pro
Место лично-числовых показателей в конструкции <i>aba + bi-</i>	contra	contra	pro
Образование деепричастия	contra	contra	pro
Использование в зависимых клаузах	pro	pro	pro
Контроль рефлексива	pro	?	pro
Отглагольные деривационные суффиксы	contra		pro
Отыменные деривационные суффиксы	contra		pro

Из таблицы видно, что по своим формальным характеристикам *aba* более всего напоминает дефектное прилагательное, и внутреннюю форму конструкции экзистенциального отрицания, соответственно, естественнее всего представлять как ‘X отсутствующий (есть)’. Однако *aba* обнаруживает также и некоторые черты, свойственные, скорее, глаголу и (в меньшей степени) существительному.

3. *Aba* как показатель стандартного отрицания

Показатель экзистенциального отрицания *aba* развивает также несколько типов употреблений в конструкции стандартного (глагольного) отрицания, варьирующих по диалектам. Достаточно предсказуемым образом ведут себя конструкции стандартного отрицания с *aba* в бикинском диалекте. Они кратко рассматриваются в п. 3.1. Большой интерес в контексте эволюции показателей отрицания представляет собой отрицательная конструкция прошедшего времени, включающая *aba*, которая наблюдается в амурских говорах нанайского языка. Она подробно обсуждается в п. 3.2.

Прежде чем перейти собственно к описанию *aba* в контексте стандартного отрицания, вкратце охарактеризуем нанайскую систему стандартного отрицания. Как и в других тунгусо-маньчжурских языках (см. [Hölzl 2015]) и в целом в языках Сибири, стандартное отрицание в нанайском языке устроено очень сложно. Система стандартного отрицания включает отрицательные частицы (*am*, *əčič*, *əžič*, к ним примыкает и *aba*, см. ниже), синтетическое отрицание со специальными аффиксами, а также комбинации частиц с синтетическими формами или особыми конструкциями со вспомогательным глаголом (*ta-* ‘делать’, *bi-* ‘быть’, *ose-* ‘стать’). Для «литературного нанайского» в грамматике [Аврорин 1961: 92—99] приводится в общей сложности 10 различных форм глагольного отрицания, а в говорах и диалектах встречаются и другие. Ни морфологически, ни парадигматически отрицательные глагольные формы не соотносятся с соответствующими положительными формами (т. н. асимметричное отрицание по [Miestamo 2003; 2005]). Подробное описание морфологического инвентаря средств отрицания в нанайском языке см. в [Оскольская, Стойнова 2016].

3.1. Бикинский нанайский: экспансия *aba* в контекстах стандартного отрицания

Данные практически вымершего бикинского диалекта приводятся по краткому грамматическому описанию [Сем 1976]. В бикинском диалекте — в отличие от прочих разновидностей нанайского языка — маркер экзистенциального отрицания *aba* используется в контекстах стандартного отрицания очень активно. Он может выступать во всех зафиксированных в бикинском нанайском конструкциях глагольного отрицания, кроме прохибитивных.

Элемент *aba* в качестве показателя стандартного отрицания всегда плеонастический, т. е. употребляется в отрицательной конструкции наряду с другим, основным глагольным, показателем (см. одновременное употребление *aba* и специализированного суффикса настоящего времени *-si*, употребляемого только в отрицательных контекстах, в (28)⁷).

⁷ С диахронической точки зрения форма с этим суффиксом представляет собой предположительно сращение коннегативной формы глагола с отрицательным глаголом *ə- в форме настоящего времени (*ə-si), см., парадигму

- (28) *Xuə=də ab čik-si.*
 нары=PART NEG помещаться-PRS.NEG
 ‘(Он) не помещается на нарах!’ (текст 2 [Сем 1976: 123])

В контексте стандартного отрицания *aba* ведет себя как застывшая частица. Она утрачивает словоизменительные возможности⁸ и не вызывает ни морфологических, ни синтаксических изменений в исходной отрицательной конструкции. Также она может реализовываться в редуцированном варианте *ab*, как в (28) выше.

По данным [Сем 1976], наблюдается следующее распределение: при синтетических формах отрицания *aba* факультативно, а при аналитических (со вспомогательными глаголами *bi-* ‘быть’ и *oda-* ‘делать; становиться’) — обязательна или предпочтительна.

Можно предположить следующие предпосылки для большей экспансии *aba* в систему стандартного отрицания в бикинском нанайском, чем в амурских говорах: 1) морфологическая редукция (отсутствие лично-числовых маркеров) уже на стадии показателя экзистенциального отрицания (см. сноску выше) и 2) отсутствие в системе отрицательных частиц *ət* и *əčičə*, которые сопровождают большинство аналитических отрицательных глагольных форм в амурском нанайском. Как кажется, именно эту функциональную лауну в бикинском диалекте занимает показатель экзистенциального отрицания *aba* (отсюда, вероятно, и упомянутая выше асимметрия между аналитическими / синтетическими формами с точки зрения обязательности *aba*).

Ситуация, наблюдаемая в бикинском нанайском, полностью вписывается в общетипологические представления о сценарии эволюции показателей экзистенциального отрицания и эволюции показателей отрицания в целом. Во-первых, конструкцию стандартного отрицания с *aba* можно рассматривать в контексте проблематики двойного (плеонастического) отрицания в рамках т. н. цикла Есперсена.

Во-вторых, ее можно соотнести с более узкой теорией эволюции собственно показателей экзистенциального отрицания, предложенной В. Крофтом. В статье [Croft 1991] на типологическом материале предлагается циклический сценарий развития показателей стандартного отрицания из показателей экзистенциального отрицания, представленный ниже в виде Таблицы 3.

Таблица 3

Цикл экзистенциального отрицания Крофта [Croft 1991]: ...А > В > С > А...

	В контексте экзистенциального отрицания (exN)	В контексте стандартного отрицания (SN)
Тип А	показатель SN	показатель SN
Тип В	показатель ExN	показатель SN
Тип С	показатель ExN	показатель ExN

В терминах В. Крофта данные бикинского нанайского демонстрируют стадию эволюции показателя экзистенциального отрицания, переходную от типа В (с разными показателями в контекстах экзистенциального и стандартного отрицания) к типу С (с единым показателем отрицания, происходящим из экзистенциального). Вместо или наряду с исконным показателем стандартного отрицания (ср. *-si* в (28)) при глаголе начинает использоваться двойной показатель, который представляет собой комбинацию прежнего показателя с показателем экзистенциального отрицания. Механизм, стоящий за этим, можно охарактеризовать как усиление, поддержку («reinforcement») исходного показателя новым. При этом ситуация кажется стабильной: нет никаких свидетельств того, чтобы хотя бы в каких-то контекстах показатель *aba* потенциально мог бы в обозримом времени полностью вытеснить исходный показатель стандартного отрицания.

Примерно так же данные бикинского нанайского анализируются в статье [Hölzl 2015: 137], посвященной типологическому описанию систем отрицания в тунгусо-маньчжурских языках.

отрицательного глагола, например, в [Benzing 1955: 145 ff.], о процессе его грамматикализации в нанайском — [Аврорин 1961: 96]. В данном случае единственным выразителем отрицания на поверхностном уровне оказывается особый показатель настоящего времени. В литературном нанайском соответствующая форма выглядела бы как *čiki-ə-si* (помещаться-NEG-PRS.NEG).

⁸ В [Сем 1976: 51] отмечается, что в бикинском диалекте *aba* претерпевает морфологическую редукцию уже в статусе показателя экзистенциального отрицания: так, и в этом контексте она не принимает посессивных показателей, ср. с картиной, описанной в п. 2.2 для амурских говоров.

3.2. Амурские говоры: маргинальная конструкция стандартного отрицания с *aba*

В амурских говорах показатель экзистенциального отрицания *aba* встраивается в систему стандартного отрицания не так ощутимо, как в бикинском диалекте: он представлен в составе только одной (примерно из десятка) отрицательной формы, реферирующей к прошедшему времени индикатива. При этом с точки зрения предполагаемого сценария диахронического развития эта единственная форма вызывает куда больший интерес, чем многочисленные отрицательные формы с *aba* в бикинском нанайском.

3.2.1. Конструкция стандартного отрицания с *aba* в амурских говорах

1) Общая структура отрицательной формы прошедшего времени с *aba*

Упомянутая выше аналитическая отрицательная форма прошедшего времени индикатива состоит из «одновременного деепричастия» на *-mi/-mari~māri*, факультативно оформляемого эмфатической клистикой *=da~dā*, и показателя *aba*, факультативно принимающего лично-числовые показатели, выбираемые в соответствии с лицом-числом субъекта ситуации, ср.:

- (29) *Mi čisəniə žobo-m(=da) aba-(i).*
 1SG вчера работать-CVB.SIM.SG=PART.EMPH NEG-1SG
 ‘Я вчера не работал’.

«Одновременное деепричастие» на *-mi/-mari~māri* (ед. ч. / мн. ч.) за пределами этой отрицательной формы выражает ситуацию, которая имеет место одновременно с ситуацией главной клаузы. Субъект оформляемой им зависимой клаузы кореферентен субъекту главной, на поверхностном уровне внутри зависимой клаузы не выражается. См. пример (30):

- (30) *Xaj-ži=da sinəži-ə-māri bālži-i-či.*
 что-INS=PART.EMPH бедствовать-NEG-CVB.SIM.PL жить-PRS-3PL
 ‘Живут они, ни в чем не зная нужды (букв. не бедствуя)’ (текст 38 [Аврорин 1986])⁹.

Также «одновременное деепричастие» выступает в качестве вершины сентенциального актанта при модальных и фазовых предикатах:

- (31) *Sənə-rə xažom-bi bāražego-rā pokto-i*
 просыпаться-CVB.NSIM имущество-REFL.SG одеваться-CVB.NSIM дорога-REFL.SG
ele-mi dərū-xə-ni.
 стоять-CVB.SIM.SG начинать-PST-3SG
 ‘Он проснулся, собрал свои вещи, оделся и вышел на свою тропу (букв. начал вставать на свою тропу)’ (текст 38 [Аврорин 1986: 229]).

Клитика *=da~dā* используется в нанайском языке очень широко при словах разных частей речи и обнаруживает целый ряд близких функций: координативную, контрастивную, эмфатическую ($\approx$ ‘и, же, даже’)¹⁰. В грамматике [Аврорин 1961: 264] в качестве ее центрального значения постулируется усиленное ‘даже’. Также *-da~dā* может выступать (в данном случае со статусом суффикса, а не клитики) в составе еще одной отрицательной формы прошедшего времени — синтетической, выражая значение категорического отрицания (‘совершенно не’) [Аврорин 1961: 92], см.:

- (32) *Ī-rə-də-si ĭ-rə-də-si*¹¹.
 входить-NEG-PART.EMPH-PRS входить-NEG-PART.EMPH-PRS
 ‘Не заходит, не заходит! (найхинский говор [ПМА 2011б])

2) Диалектная картина

В сикачи-алинском говоре верхнего Амура форма V-CVB.SIM(=*da*) *aba* оказывается основным показателем стандартного отрицания с референцией к прошлому. Носители найхинского говора среднего Аму-

⁹ Все примеры из [Аврорин 1986]; [Сем 1976]; [Kazama 1995] для удобства приводятся не в кириллической записи, соответствующей источнику, а в единой системе записи на основе латиницы.

¹⁰ См. о показателях с подобным кластером значений в языках мира («аддитивных») в [Forker 2016].

¹¹ Соответствующая синтетическая отрицательная форма без показателя *-da~dā* будет выглядеть как *ĭ-rə-si* ‘не заходит’.

ра признают эту конструкцию, однако используют лишь маргинально — наряду с другими отрицательными формами. Носители горинского говора нижнего Амура не опознают такой конструкции вовсе. При этом в горинском говоре и в роли дефолтного показателя экзистенциального отрицания используется другое слово — *kaukə* (однако в этом качестве слово *aba* носителям известно). Слово *kaukə* в конструкциях стандартного отрицания также не употребляется¹².

Таким образом, степень вовлеченности показателя *aba* в систему стандартного отрицания достаточно точно отражает географию: зона распространения бикинского диалекта, в котором показатель *aba* наиболее востребован, географически ближе всего к зоне распространения сикачи-альянского говора и, соответственно, дальше всего от зоны распространения горинского говора, в котором *aba* совсем не используется.

3) Морфосинтаксические особенности отрицательной формы прошедшего времени с *aba*

Конструкция V-CVB.SIM(=*da*) *aba* обнаруживает следующие морфосинтаксические свойства.

Во-первых, вместо полного варианта деепричастия на *-mi žobomi(=da) aba* ‘не работал’ в ней часто употребляется ее фонетически регулярный редуцированный вариант на *-m’ (žobom’=da) aba*, который нередко реализуется с твердым согласным *-m (žobom=da) aba*. Такая усеченная форма встречается в речи и за пределами отрицательной конструкции, однако основной является все же форма на *-mi*.

Во-вторых, при множественном числе субъекта выбирается обычно тот же вариант *-m/m’/mi*, а не ожидаемая форма множественного числа деепричастия *-mari~məri*. Впрочем, а) форма мн.ч. не запрещается носителями (33), б) рассогласование по числу иногда встречается и при обычном употреблении одновременного деепричастия.

- (33) *Виə žobo-mar(i)(=da) aba-(pu).*
 1PL работать-CVB.SIM.PL=PART.EMPH NEG-1PL
 ‘Мы не работали’.

Оба названных свойства (хотя и с оговорками) могут рассматриваться как свидетельства формальной грамматикализации деепричастной формы в составе отрицательной конструкции.

Aba в конструкции стандартного отрицания, как и в экзистенциальной конструкции, принимает лично-числовые показатели, хотя и факультативно (т. е. не ведет себя подобно застывшей частице, как в бикинском диалекте):

- (34) *N’oani žobo-m=da aba-(ni).*
 3SG работать-CVB.SIM.SG=PART.EMPH NEG-3SG
 ‘Он не работал’.
- (35) *Виə žobo-m=da aba-(pu).*
 1PL работать-CVB.SIM.SG=PART.EMPH NEG-1PL
 ‘Мы не работали’.

Клитика *=da* обычно присутствует, но может и опускаться:

- (36) ^{OK}*N’oani žobo-mi aba-(ni).*
 3SG работать-CVB.SIM.SG NEG-3SG
 ‘Он не работал’.

4) Конструкция V-CVB.SIM(=*da*) *aba* и цикл Крофта

На первый взгляд, конструкцию V-CVB.SIM(=*da*) *aba* можно, подобно бикинским отрицательным конструкциям, рассматривать в терминах цикла Крофта (цикла эволюции показателей экзистенциального отрицания в показателе стандартного отрицания, см. Таблицу 3 выше). В терминах В. Крофта это был бы промежуточный тип B > C, характеризуемый в [Croft 1991] как частичная замена показателя в отдельном фрагменте глагольной системы («gradual substitution in only part of verbal system»), см. таблицу выше. Это означает, что экзистенциальный показатель *aba* выступает в роли показателя стандартного отрицания (как в типе C), но не во всей системе стандартного отрицания (а в данном случае только в прошедшем времени).

Однако на самом деле этот случай принципиально отличается от представленного в бикинском диалекте. Мы предлагаем его трактовку в несколько ином ракурсе, не предполагающем — как того требует

¹² Его когнат (*кэвэ*), однако, употребляется в аналогичной конструкции в близкородственном нанайскому ульчском языке: *вэ-м(и) кэвэ* ‘не сказал’ (сказать-CVB.SIM.SG NEG), см. [Суник 1985: 48].

логика цикла Крофта, — что конструкция с показателем экзистенциального отрицания возникает, чтобы заполнить лауну в системе стандартного отрицания. Есть основания считать, что исходно эта конструкция выступает как отрицательный эквивалент аналитической конструкции V-CVB.SIM *bi-* (букв. ‘быть делая’), см.:

- (37) *Pokto-i*   *ənu-m'ə*   *əm*   *boa-du*   *iči-i-ni*
 дорога-REFL.SG   выходить-CVB.SIM.SG   один   вне.дома-DAT   видеть-PRS-3SG
nəktə *ao-mi*   *bi-i-ni*.
 кабан   лежать-CVB.SIM.SG   быть-PRS-3SG

‘Выходит на свою тропу и видит в одном месте: лежит кабан’ (текст 38 [Аврорин 1986: 231]).

Тогда показатель экзистенциального отрицания возникает в ней «на законных основаниях» (в противопоставление бытийному глаголу): ‘быть делая’ — ‘отсутствовать делая’. Следовательно, логике системной циклической трансформации экзистенциального отрицания в стандартное, описываемой Крофтом, этот случай может не подчиняться. Подробнее предлагаемая трактовка разбирается в следующих разделах.

3.2.2. Аналитическая конструкция с *bi-* в амурских говорах

Выше предлагается интерпретировать отрицательную конструкцию прошедшего времени V-CVB.SIM(=*da*) *aba* как коррелят положительной деепричастной конструкции с бытийным глаголом V-CVB.SIM *bi-*. Действительно, с формальной точки зрения они устроены абсолютно симметрично, и такая интерпретация напрашивается сама собой: ‘делая, X отсутствует’ vs. ‘делая, X присутствует’. Однако на семантическом уровне параллелизм не так очевиден и требует отдельного доказательства.

В данном разделе кратко перечисляются основные характеристики конструкции V-CVB.SIM *bi-*, релевантные в контексте сопоставления ее с конструкцией стандартного отрицания с *aba*.

1) Аспектуальная семантика конструкции V-CVB.SIM *bi-*

Конструкция V-CVB.SIM *bi-*, не перечисленная в грамматике нанайского языка В. А. Аврорина в ряду основных глагольных форм, однако зафиксированная в амурских говорах (ср. ее упоминание в [Аврорин 1981: 91]), выражает аспектуальное, а именно имперфективное значение, что вполне иконично отражает ее внутреннюю форму ‘пребывать делая’. Ср. ее употребление в прогрессивном (38) и хабитуальном (39) контекстах:

- (38) *Sokta-ni*   *ojā-la-ni*   *əm*   *ambān tā-si-mi*   *bi-i-ni*.
 лыжи-3SG   верх-LOC-3SG   один   тигр   садиться-IPFV-CVB.SIM.SG   быть-PRS-3SG
 ‘{Загнал, поймал соболя рукой и повернулся к своим лыжам.} А на лыжах тигр сидит’ [Аврорин 1986: 231, текст 38].

- (39) *Xon'=da*   *nūči-du-i*   *xipi-məri*   *bi-či-pu*.
 как=PART.EMPH   маленький-DAT-REFL.SG   играть-CVB.SIM.PL   быть-PST-1PL
 ‘Когда мы были маленькие, мы играли’ (найхинский говор [ПМА 2009]).

2) Отсутствие привязки к конкретному наклонению и времени

Конструкция V-CVB.SIM *bi-* не привязана ни к какому конкретному времени и наклонению. Глагол *bi-* в ней может выступать в разных формах, см. выше пример (39) с прошедшим временем индикатива и пример с императивом (40):

- (40) *Amtaka-wa*   *keokto-sal-ba*   *sea-mi*   *bi-xəri=əmdə*.
 ягоды-OBL   шиповник-PL-OBL   есть-CVB.SIM.SG   быть-IMP2=PART
 ‘Ягоды, шиповник поешь!’ (найхинский говор [ПМА 2012])

3) Отсутствие клитики =*da*~=*də* в составе конструкции

В отличие от соответствующей отрицательной конструкции, положительная конструкция V-CVB.SIM *bi-* не содержит в качестве структурного компонента эмфатической клитики =*da*~=*də*.

4) Вопрос об отрицании

Если предполагать, что конструкция прошедшего времени с *aba* является отрицательным коррелятом конструкции V-CVB.SIM *bi-*, то интересно проверить, имеет ли последняя симметричный отрицательный вариант со стандартным отрицанием на глаголе *bi-* ‘быть’. Носителями подобные формы не признаются:

- (41) **N'oani bicxə-wə niru-mi=də bi-ə-si.*
 3SG письмо-OBL писать-CVB.SIM.SG=PART.EMPH быть-NEG-PRS
 'Он не написал / не писал / не пишет письмо'.

Ср., однако, следующий пример из текста¹³:

- (42) *Sī sokta-i lor lor*
 2SG лыжи-REFL.SG шевелясь шевелясь
tadora-go-go-a-si xāle=dā ao-mi bi-ə-si.
 вытаскивать-REP-CVB.PURP-OBL-2SG когда=PART.EMPH спать-CVB.SIM.S быть-NEG-PRS
 'Пока ты двигаясь вытаскивал свои лыжи, он бы никогда не остался лежать' (текст 38 [Аврорин 1986: 231]).

3.2.3. Деепричастные конструкции с *bi-* и с *aba*: сопоставление и сценарий эволюции

Приведенные выше данные позволяют сформулировать следующие различия между деепричастными конструкциями с *bi-* и с *aba*, требующие объяснения в свете гипотезы об их взаимном соответствии:

Таблица 4

Деепричастные конструкции с *bi-* и с *aba*: различия

	Положит. CVB.SIM <i>bi-</i>	Отрицат. CVB.SIM(= <i>da</i>) <i>aba</i>
Формальная структура: наличие частицы = <i>da</i>	без частицы = <i>da</i>	с частицей = <i>da</i> (может опускаться)
Парадигма	вся парадигма наклонений и времен	единственная форма (с референцией к прошлому)
Синтаксическая структура: субъект при деепричастии	коррелятивен субъекту при глаголе <i>bi-</i> 'быть'	коррелятивность субъекту ситуации отсутствия под вопросом
Семантика: аспектуальная интерпретация	имперфективная: прогрессив + хабитуалис	не связана с определенной аспектуальной семантикой
Семантика: временная референция	для формы, соответствующей конструкции с <i>aba</i> , — к настоящему	к прошлому

Наименее проблемным кажется формальное расхождение в структуре конструкций: частица =*da*, во-первых, факультативна и в отрицательной конструкции, во-вторых, ее наличие при отрицательном члене пары и отсутствие при положительном вполне естественно объясняется в целом большей эмфатичностью отрицания. Ср. также упоминавшуюся выше (см. пример (32)) синтетическую отрицательную форму прошедшего времени с тем же показателем: эта форма может дополнительно поддерживать наличие частицы в конструкции с *aba* на системном уровне.

Не кажется странной также и редуцированная парадигма отрицательного члена пары по сравнению с положительным. Во-первых, самые разные асимметрии между положительными и отрицательными формами и наборами форм, состоящие в большей простоте и меньшей детализации последних, нередки в языках мира и неоднократно обсуждались, см. [Miestamo 2005]. Во-вторых, если мы говорим скорее об общем происхождении конструкций, чем об их полной эквивалентности на синхронном уровне, то совсем необязательно ожидать от них абсолютного совпадения парадигм.

Отдельного комментария требует синтаксическая организация положительной и отрицательной деепричастных конструкций. Как было сказано выше, (невывраженный) субъект деепричастия на *-mi* должен совпадать с субъектом главной клаузы. Для положительной конструкции это так (совпадение с субъектом глагола *bi-* 'быть'). Для отрицательной, если на семантическом уровне интерпретировать ее по аналогии с положительной ('делая отсутствовать'), это должен быть семантический субъект ситуации отсутствия. Но является ли он синтаксическим субъектом (подлежащим) в конструкции экзистенциального отрицания (а по нашей гипотезе в деепричастной конструкции *aba* должно сохранять признаки показателя экзистенциального отрицания) — это, как обсуждалось выше (п. 2), отдельный вопрос. Большинство формальных свойств *aba* в экзистенциальном контексте как будто бы говорят за подлежащий статус субъекта: более всего слово *aba* оказывается похоже на прилагательное, при этом несомненно, что субъект отсутствия при прилагательном является синтаксическим подлежащим. Следовательно, и тут противоречий не возникает.

¹³ Здесь, впрочем, до конца не понятно, имеем ли мы дело с той же самой конструкцией.

Наибольшей загадкой оказывается семантическая асимметрия между положительным и отрицательным членами пары деепричастных конструкций. Структурно конструкция CVB.SIM *aba* соответствует форме настоящего времени индикатива конструкции CVB.SIM *bi-* и должна была бы, исходя из этого, иметь а) референцию к настоящему, а не к прошлому, б) прогрессивную и/или хабитуальную интерпретацию.

К наблюдению а) можно добавить следующее. Во-первых, интерпретация конструкции CVB.SIM *aba* с референцией к настоящему носителями отвергается. Во-вторых, структурно симметричная форме прошедшего времени конструкции CVB.SIM *bi-č'i-* отрицательная форма CVB.SIM *aba bi-č'i-* (со связкой 'быть' в прошедшем времени), которую естественно было бы ожидать на месте формы CVB.SIM *aba* в парадигме прошедшего времени, также не используется:

- (43) *N'oani bičxə-wə bičxə-lə-mi=də aba / *aba bi-č'i-ni.*
 3SG письмо-OBL письмо-VBLZ-CVB.SIM.SG=PART.EMPH NEG / NEG быть-PST-3SG
 'Он не написал письма'.

Что касается аспектуальной интерпретации отрицательной конструкции с *aba* (наблюдение б), то тут картина слегка разнится по говорам. В сикачи-алянском говоре верхнеамурского диалекта, где конструкция с *aba* занимает нишу основного показателя стандартного отрицания прошедшего времени, она полностью аспектуально нейтральна. В найхинском говоре, где она маргинальна и конкурирует с другими показателями отрицания, можно было бы ожидать большей аспектуальной специализации. Однако и тут для нее доступны разные аспектуальные контексты и имперфективные не оказываются выделены. Наоборот, наиболее предпочтительными по предварительным данным элицитации кажутся перфективные контексты, а именно перфектные:

- (44) *Gā, əsi buə xaj-wa=dā wā-mari=da aba-pu.*
 вот сейчас 1PL что-OBL=PART.EMPH убивать-CVB.SIM.PL=PART.EMPH NEG-1PL
 'Вот сейчас мы ничего не поймали' (текст 42 [Аврорин 1986: 243]).

- (45) *Ixəṛə žəgdə-j mi=təni xaj-wa=da ičə-m=da aba-i.*
 свет гореть-PRS 1SG=a что-OBL=PART.EMPH видеть-CVB.SIM.SG=PART.EMPH NEG-1SG
 'Свет горит, но я ничего не разглядел'.

Таким образом, если предположение о связи конструкции с *aba* с имперфективной деепричастной конструкцией верно, диахроническое развитие этой отрицательной конструкции сопровождается существенным семантическим сдвигом. Это а) сдвиг от настоящего к прошлому, б) сдвиг от имперфективной формы к аспектуально нейтральной форме с возможно выделенной перфектной зоной употреблений.

- (46) положительная форма с *bi-* — отрицательная форма с *aba*
 настоящее время > прошедшее время
 имперфектив > (возможная промежуточная стадия — перфект) > аспектуально нейтральная форма

Такой сдвиг, однако, не кажется контринтуитивным и / или противоречащим типологическим ожиданиям. Во-первых, известно, что в целом под отрицанием набор аспектуальных противопоставлений может быть редуцирован по сравнению с положительной формой (см. объяснение через «стативную природу отрицания» в [Schmid 1980] и представительные типологические данные в [Auwera, Miestamo 2011]).

Во-вторых, для формы настоящего времени конструкции с *bi-*, с которой формально соотносится отрицательная конструкция с *aba*, имперфективная интерпретация оказывается — в силу семантики настоящего времени — единственно возможной, и утрата аспектуальной специфики при сдвиге от настоящего времени в свете этого вполне понятна: «имперфектив = все доступные аспектуальные прочтения (в настоящем)» реинтерпретируется как «все доступные аспектуальные прочтения (в любом временном срезе, в т. ч. и в прошедшем)».

- (47) наст. вр. > прош. вр.
 имперфектив=все доступные интерпретации > все доступные интерпретации

В-третьих, сам переход от настоящего времени к прошедшему удобнее всего объяснить через внутреннюю форму конструкции. Ср. следующую пару примеров по мотивам (45):

- (48) *Mi xaj-wa ičə-mi bi-i.*
 1SG что-OBL видеть-CVB.SIM.SG быть-PRS-1SG
 'Я что-то вижу'.

- (49) *Mi xaj-wa=da ič̄ə-mi=də aba-i.*
 1PL что-OBL=PART.EMPH видеть-CVB.SIM.SG=PART.EMPH NEG-1SG
 ‘Я ничего не увидел’.

Пример (48) можно буквально интерпретировать как ‘я пребываю видя’ = ‘вижу’ с референцией к настоящему, а пример (49) — как ‘я не пребываю видя’ = ‘не увидел’ с референцией к прошлому, т. е. отсутствие длящегося процесса в настоящем реинтерпретируется как отсутствие факта в прошлом. Неслучайным кажется выделенность перфектных контекстов, промежуточных с точки зрения временной референции — совмещающих план настоящего с планом прошлого (см. о временной характеристике перфекта, например, [Comrie 1976: 52—53]; [Маслов 1987/2004: 426]; [Binnick 1991: 98—104] и мн. др.). Можно предположить, что внутри перфектной зоны наблюдаемый переход начинается с группы глаголов «инцептивно-стативного» типа вроде *ič̄ə-* ‘видеть’ выше, для которых основная прогрессивная интерпретация соотносится с состоянием, а основная перфективная — с вхождением в это состояние (‘увидеть’ = ‘начать видеть’). Для этой группы глаголов разница между прогрессивом в настоящем и перфектом на денотативном уровне практически отсутствует: *вижу* ≈ *увидел*.

3.2.4. Типологические параллели

Похожие случаи, когда эволюцию показателя экзистенциального отрицания в показатель стандартного отрицания можно объяснять конкретными языковыми причинами, не обращаясь к циклу Крофта, обсуждаются в [Veselinova 2014] для некоторых славянских и полинезийских языков (см. также [Veselinova 2016]). Так, объяснение, очень похожее на предложенное выше для нанайского *aba*, приводится в статье Л. Веселиновой для показателей отрицания в болгарском и македонском. В этих языках показатель экзистенциального отрицания *njama / neta* ‘нет, не имеется’ (застывшая форма, состоящая из отрицательной частицы и глагола ‘иметь’) в сочетании с инфинитивом смыслового глагола выражает стандартное отрицание в будущем времени. При этом в старославянском зафиксирована симметричная данной положительная конструкция «*iměti* ‘иметь’ + инфинитив» с футуральным значением, не сохранившаяся в современных южнославянских.

Предполагается, что конструкция с показателем экзистенциального отрицания возникает «на своем месте», как законная отрицательная пара к этой положительной конструкции. Таким образом, в данном случае (как и в случае нанайского *aba*) не имеет смысла при объяснении эволюции показателя отрицания привлекать общие соображения о соотношении стандартного и экзистенциального отрицания в языковой системе (цикл Крофта).

4. Заключение

Итак, рассмотренные выше данные нанайского языка складываются в следующую картину. Нанайский показатель экзистенциального отрицания *aba* демонстрирует круг употреблений, который вполне укладывается в типологические представления о показателях экзистенциального отрицания.

Слово *aba* обнаруживает нестандартный набор морфосинтаксических свойств, не позволяющий однозначно приписать его к тому или иному частеречному классу (прилагательных, глаголов, существительных), что усложняет также и интерпретацию внутренней структуры конструкции экзистенциального отрицания. В наибольшей степени, однако, оно напоминает (дефектное) прилагательное (структура конструкции экзистенциального отрицания в таком случае — ‘X — отсутствующий’).

Наиболее интересными в более широком теоретическом и типологическом контексте кажутся употребления *aba* за пределами конструкции экзистенциального отрицания — в функции показателя стандартного отрицания. Здесь ситуация разнится по диалектам. Картина, представленная в бикинском диалекте, вполне укладывается в типологические предсказания и может быть описана в терминах гипотез о циклической системной эволюции показателей отрицания (циклы Есперсена и Крофта).

Случай же, наблюдаемый в амурских говорах нанайского языка, как кажется, можно интерпретировать по-другому. Деепричастная конструкция стандартного отрицания прошедшего времени с показателем экзистенциального отрицания *aba* возникает не в рамках процесса системного вытеснения старых показателей стандартного отрицания показателями экзистенциального отрицания, как это предсказывает цикл Крофта. По нашему предположению, эта конструкция возникает независимо — как отрицательный эквивалент положительной имперфективной деепричастной конструкции с глаголом ‘быть’. При такой интерпретации показатель экзистенциального отрицания оказывается в ней на своем законном месте (соответствует бытийному глаголу в положительной форме) и не запускает процесс системного обновления инвентаря показателей стандартного отрицания. Предлагаемый анализ сталкивается, однако, с ря-

дом трудностей: в объяснении нуждается видо-временная асимметрия между положительной конструкцией с глаголом 'быть' и отрицательной конструкцией с *aba*. Приходится предположить семантический сдвиг от имперфективной семантики к аспектуально нейтральной и от настоящего времени к прошедшему. И тот, и другой сдвиг кажется, однако, вполне правдоподобным.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	NSIM — одновременность
ASS — ассоциативное множественное	OBL — косвенный падеж
COLL — собирательность	PART — частица
CVB — деепричастие	PL — множественное число
DAT — датив	PST — прошедшее время
DIR — директив	PURP — пурпозив
EXN — экзистенциальное отрицание	Q — вопросительная частица
EMPH — эмфатический маркер	REFL — рефлексив
INCH — инхоатив	REP — рефактив
INF — инфинитив	SBJV — сослагательное наклонение
INS — инструменталис	SG — единственное число
IPFV — имперфектив	SIM — одновременность
LOC — локатив	SN — стандартное отрицание
NEG — отрицание	V — глагол
PRS — настоящее время	VBLZ — вербализатор

Литература

- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М. — Л.: Наука, 1959. {Avrorin V. A. Grammar of the Nanai language. Vol. 1. M. — L.: Nauka, 1959.}
- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Наука, 1961. {Avrorin V. A. Grammar of the Nanai language. Vol. 2. M. — L.: Nauka, 1961.}
- Аврорин 1981 — Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. {Avrorin V. A. Studies of syntax in the Nanai language. L.: Nauka, 1981.}
- Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. {Avrorin V. A. Materials in the Nanai language and folklore. L.: Nauka, 1986.}
- Маслов 1987/2004 — Маслов Ю. С. Перфектность // Избранные труды: аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК. 2004. С. 426—444. {Maslov Yu. S. Perfective // Selected works: aspectology. General linguistics. M.: LRC, 2004. P. 426—444.}
- Оскольская, Стойнова 2016 — Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Системное и несистемное в инвентаре разнородных морфосинтаксических средств: показатели отрицания в нанайском языке // Коношенко М. Б., Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Москва: МПГУ, 2016. С. 211—231. {Oskolskaya S. A., Stoynova N. M. Systemic and non-systemic aspects in the inventory of heterogeneous morphosyntactic means: negation markers in the Nanai language. // Typology of the morphosyntactic parameters. Materials of the international conference. / Eds. Konoshenko M. B., Lyutikova E. A., Tsimmerling A. V. Moscow: MSPU, 2016. P. 211—231.}
- ПМА 2009 — Полевые материалы автора, собранные в с. Найхин.
- ПМА 2011а — Полевые материалы автора, собранные в с. Троицкое.
- ПМА 2011б — Полевые материалы автора, собранные в с. Синда.
- ПМА 2012 — Полевые материалы автора, собранные в с. Найхин.
- Сем 1976 — Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский диалект. Л.: Наука, 1976. {Sem L. I. Essays on the Nanai language dialects. The Bikin dialect. L.: Nauka, 1976.}
- Суник 1985 — Суник О. П. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. {Sunik O. P. The Ulchi language. Studies and materials. L.: Nauka, 1985.}
- Цинциус 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. / Цинциус В. И. (Отв. ред.). Л.: Наука, 1975. {Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages. Materials for an etymological dictionary. / Ed. Tsintius V. I. L.: Nauka, 1975.}

- Auwera 2009 — *Auwera J. van der*. The Jespersen cycles // *Cyclical change* / Ed. *Gelderen E.* Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Benzing 1955 — *Benzing J.* Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1955.
- Binnick 1991 — *Binnick R. I.* Time and the Verb. A Guide to Tense & Aspect. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Croft 1991 — *Croft W.* The evolution of negation // *Journal of Linguistics*, 27, 1991. P. 1—39.
- Forker 2016 — *Forker D.* Toward a typology for additive markers // *Lingua*, 108, 2016. P. 69—100.
- Gelderen 2009 — *Cyclical change*. / Ed. *Gelderen E.* Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Gelderen 2011 — *Gelderen E.* The Linguistic Cycle. Language change and the language faculty. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Gelderen 2016 — *Cyclical Change Continued*. / Ed. *Gelderen E.* Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2016.
- Hansen, Visconti 2014 — *The Diachrony of Negation*. / Eds. *Hansen M-B. M., Visconti J.* Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2014.
- Hansen 2011 — *Hansen M-B. M.* Negative cycles and grammaticalization // *The Oxford Handbook of Grammaticalization*. / Eds. *Narrog H. and B. Heine.* Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 570—579.
- Hengeveld 1992 — *Hengeveld K.* Non-verbal Predication: Theory, Typology, Diachrony. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.
- Hölzl 2015 — *Hölzl A.* A Typology of Negation in Tungusic // *Studies in Language*, 39(1), 2015. P. 117—157.
- Jespersen 1917 — *Jespersen O.* Negation in English and Other Languages. (Konelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser I,5.) Copenhagen: Høst, 1917.
- Kulikov 1993 — *Kulikov L.* The «second causative»: A typological sketch // *Causatives and Transitivity* / Eds. *Comrie B., Polinsky M.* Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 121—153.
- Kulikov 1999 — *Kulikov L.* Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 88, 1999. P. 49—58.
- Kulikov 2009 — *Kulikov L.* Evolution of case systems // *The Oxford Handbook of Case*. / Eds. *Malchukov A., Spencer A.* Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 439—457.
- Larrivée, Ingham 2011 — *The evolution of negation*. / Eds. *Larrivée P., Ingham R.* Berlin: Mouton De Gruyter, 2011.
- Miestamo 2005 — *Miestamo M.* Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Miestamo, Auwera 2011 — *Miestamo M., Auwera J. van der.* Negation and perfective vs. imperfective aspect // *From now to eternity*. / Eds. *Mortelmans, J. et al.* Cahiers Chronos, 20, 2011.
- Schmid 1980 — *Schmid M.A.* Co-occurrence restrictions in negative, interrogative, and conditional clauses: A cross-linguistic study. Ph. D. Diss., State University of New York at Buffalo, 1980.
- Veselinova 2013 — *Veselinova L.* Negative existentials: A cross linguistic study // Eds. *Delia Bentley, Francesco Maria Ciconte and Silvio Cruschina* [Special issue] *Italian Journal of Linguistics*, 25(1), 2013. P. 107—145.
- Veselinova 2014 — *Veselinova L.* The Negative Existential Cycle Revisited // *Linguistics*, 52(6), 2014. P. 1327—1389.
- Veselinova 2016 — *Veselinova L.* The negative existential cycle viewed through the lens of comparative data // Ed. *Gelderen E.* *Cyclical Change Continued*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 139—187.

РЕЗЮМЕ

В работе описывается специализированный показатель экзистенциального отрицания в нанайском языке *aba* ('не быть, не существовать') и его употребления за пределами контекстов экзистенциального отрицания — как компонента конструкции стандартного (предикатного) отрицания. Таких употреблений несколько, и они различаются в разных диалектах. В работе показано, что по крайней мере одно из них не вполне вписывается в существующие представления о грамматикализации показателей экзистенциального отрицания в показатели стандартного отрицания.

SUMMARY

The paper deals with the existential negation marker *aba* ('not to be, not to exist') in Nanai (Tungusic) and its non-existential uses as a part of a standard (verbal) negation construction. These uses vary across dialects and at least one of them is inconsistent with the existing general views on the evolution of negative existentials into standard negators.

Ключевые слова: нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки, отрицание, экзистенциальное отрицание, грамматикализация, циклы грамматикализации

Keywords: Nanai, Tungusic languages, negation, existential negation, negative existentials, grammaticalization, grammaticalization cycles, negative-existential cycle

Софья Алексеевна Оскольская, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); sonypolik@mail.ru

Sonya Oskolskaya, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); sonypolik@mail.ru

Наталья Марковна Стойнова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); stoynova@yandex.ru

Natalia Stoynova, V. V. Vinogradov Russian language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow); stoynova@yandex.ru

Будет, будет и будет: о семантике времени в мишарском диалекте татарского языка*

Мишарский диалект татарского языка, как и литературный татарский, как и большинство тюркских языков, как и огромное количество других генетически и ареально независимых языков, имеет более одного грамматического способа обращения к ситуациям в будущем. В этой статье обсуждается на теоретическом и типологическом фоне семантика трех глагольных форм мишарского диалекта, которые мы называем Презенсом, Футурумом 1 и Футурумом 2. В разделе 1 мы знакомим читателя с грамматическими единицами, выражающими в мишарском диалекте временную референцию к будущему. Раздел 2 содержит основные сведения о типологических наработках в области анализа глагольных категорий «будущего времени». Несколько теоретико-модельных подходов к анализу будущего времени представлены в разделе 3. Раздел 4 показывает, с какими трудностями сталкиваются выдвинутые в литературе идеи в применении к мишарскому материалу. Наконец, в разделе 5 формулируется гипотеза о дистрибуции одной из трех временных форм, которая, мы надеемся, позволяет подойти к объяснению ее характеристик лучше, чем предлагавшиеся до сих пор альтернативы.

1. Три формы

В мишарском диалекте имеется три формы с временной референцией к будущему — Футурум 1, Футурум 2 и Презенс. Они иллюстрируются примерами из «Анкеты по виду, времени и модальности» (ТМАQ, см. [Dahl 1985]) в (1)—(3).

(1) Футурум 1

ul xat jaz-a-r.

он письмо писать-ST-POT

{— Как ты считаешь, что сделает твой брат, если ты к нему не приедешь?} — Он напишет письмо'. [ТМАQ 15¹]

(2) Футурум 2

ul xat-lar jaz-a-çak.

он письмо-PL писать-FUT

{— Мой брат устроился на работу. — И чем он будет заниматься?} — Он будет писать письма'. [ТМАQ 27]

(3) Презенс

ul sumka-da taş sal-sa-ŋ, ezel-ä.

этот сумка-LOC камень класть-COND-2.SG рваться-ST.IPFV

{Если положишь камень в эту сумку, она порвется'. [ТМАQ 79]

Примеры (1)—(3) иллюстрируют первую реакцию носителей на стимульный материал. Они показывают, что в контекстах с временной референцией к будущему допускаются два Футурама и Презенс. Возникает, однако, вопрос о том, какова их дистрибуция и чем она обусловлена.

Л. Т. Махмутова [Махмутова 1978: 145] отмечает, что форма Футурама 2 («будущее категорическое») для мишарского диалекта, в отличие от литературного татарского, нехарактерна, однако делает исключения для сергачского и чистопольского говоров, на которые опирается наше исследование. В этих говорах Футурум 2 засвидетельствован, хотя, по всей видимости, можно говорить о его более низкой частотности, чем в среднем в татарском языке. По данным письменного корпуса татарского языка [ПКТЯ],

* Исследование поддержано грантом РГНФ № 15-04-0370. Автор искренне признателен А. М. Галиевой за содержательное и глубокое обсуждение материала татарских будущих времен. Статья опирается на полевые данные, собранные в ходе экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики по изучению мишарского диалекта татарского языка в 1999—2000 и 2011—2012 гг. (с. Татарский Елтан и Кутлушкино Чистопольского района Республики Татарстан и Рыбушкино Краснооктябрьского района Нижегородской области). Автор выражает сердечную благодарность всем информантам-переводчикам, которые работали с экспедицией, и двум анонимным рецензентам «Урало-алтайских исследований», высказавшим важные соображения и пожелания по прочтении первого варианта статьи.

¹ Число обозначает номер диагностического предложения в ТМАQ.

среди форм будущего времени на Футурум 1 («Будущее неопределенное») приходится 43% токенов, остальное — употребления Футурума 2. В нашем корпусе мишарских текстов [Пазельская, Татевосов forthc.] Футурум 2 не встречается вовсе (Футурум 1 — 15 токенов), а в ТМАQ соотношение составляет два Футурума 2 на семь Футурумов 1. Тем не менее, Футурум 2 свободно понимается и спонтанно порождается носителями.

В описаниях татарского языка сформулированы определенные интуитивные представления о семантических различиях Футурума 1 и Футурума 2. В. Н. Хисамова [Хисамова 2005: 13—14], например, отмечает, что «будущее неопределенное... выражает объективное действие в будущем», имеет «синтагматическое значение предположительности будущего действия» и «может выражать также оттенки модальных значений возможности и императивности». Напротив, «будущее категорическое время... выражает будущее действие с модальным значением категоричности» и «в зависимости от контекста может передавать значение долженствования». В [ТГ 1993] отмечается, что «значением формы будущего неопределенного времени является выражение действия, следующего за моментом речи, нейтрального в модальном отношении (например: *алырмын* ‘я возьму’)», тогда как «значением формы будущего категорического времени является выражение действия, следующего за моментом речи и сопровождаемого значением категоричности (например: *алачакмын* ‘я непременно возьму’)». То, что Презенс «широко употребляется в значении будущего категорического времени» в мишарском диалекте, отмечает Л. Т. Махмутова [Махмутова 1978: 143]. Д. Г. Тумашева [Тумашева 1986: 54 et seq.] указывает на немаркированный характер будущего неопределенного: «форма на *-p/-мас* является немаркированным членом, не выражающим, но и не исключающим категоричность и неопределенность». Близкий взгляд на предмет представлен и в недавней работе М. Н. Закамулиной и Г. Ф. Лутфуллиной [Закамулина, Лутфуллина 2015: 223—225].

Описания такого рода оставляют, однако, не полностью решенными две проблемы. Во-первых, понятия, на которые они опираются («модальное значение категоричности», «объективное действие» и т. п.), слишком нечетки, чтобы с их помощью можно было выстроить теорию, предсказывающую дистрибуцию футуральных граммем. Во-вторых, сама эта дистрибуция, как отметил Э. Даль [Dahl 2000: 317], говоря об аналогах тюркских будущих времен в европейских языках, слишком далека от «структуралистского идеала, когда система характеризуется четкими оппозициями и простыми соотношениями значений». Последняя проблема проявляется в том, что системы типа мишарской практически никогда не дают исследователю возможности построить минимальные пары, в которых исследуемые формы обнаруживали бы явный семантический контраст.

2. Типология будущего

Затруднение, на которое указывается в конце предыдущего раздела, присуще далеко не только татарской системе будущих времен. Вероятно, именно из-за него один из самых масштабных и подготовленных проектов в области типологического исследования будущего времени — исследование грамматических показателей в языках Европы в рамках программы Eurotyp — принес более чем скромные результаты [Dahl 2000]. Было выявлено несколько «семейств» грамматических показателей с временной референцией к будущему, но сделало на удивление мало обобщений по поводу их семантики. Исследование опиралось на анкетную методологию, впервые успешно опробованную в [Dahl 1985]; для сбора материала по временным системам европейских языков авторы использовали «Анкету по временной референции к будущему» (FTRQ).

Основные семантические параметры, которыми оперировали исследователи, называются когнитивная база и временная удаленность. Когнитивная база — это эпистемическое основание для утверждения о ситуации в будущем. Согласно [Dahl 2000: 300 et seq.], этот параметр принимает три значения:

- (4) а. Утверждение опирается на намерение говорящего участвовать в описываемой ситуации (1st person intention).
- б. Утверждение опирается на информацию о намерении агенса участвовать в описываемой ситуации (3rd person intention).
- с. Утверждение не опирается на информацию о намерениях и представляет собой чистое предсказание (prediction).

Временная удаленность, или временная дистанция — это расстояние от фокусного времени в будущем до дейктического центра (в независимом предложении — момента речи). В системе Э. Даля этот параметр принимает четыре значения:

- (5) а. 'Немедленно'.
 б. 'Сегодня вечером'.
 в. 'Завтра'.
 д. 'В более удаленном будущем'.

Разным значениям параметров, как и всегда в анкетном исследовании, соответствуют разнообразные предложения FTRQ. Большинство предложений представляет собой комбинацию значений обоих параметров. Несколько примеров показано в (6)–(8).

- (6) (4а) + (5а)
 Говорящий о своих самых ближайших планах:
 Я ЕХАТЬ в город. [FTRQ 37]
- (7) (4б) + (5б)
 Говорящий о планах третьего лица на вечер:
 Он ПИСАТЬ письмо. [FTRQ 57]
- (8) (4с) + (5с)
 Мой брат очень устал.
 Он завтра поздно ПРОСНУТЬСЯ. [FTRQ 44]

Изучив системы временной референции к будущему, авторы обнаружили в европейских языках примерно ту же картину, которую мы видим в мишарском диалекте: несколько конкурирующих категорий, отсутствие строгих запретов и некоторые более или менее (чаще менее) отчетливые статистические предпочтения.

Например, во французском языке представлены три категории — синтетическое будущее время (такое, как *je travaillerai* 'я буду работать'), конструкция с глаголом *aller* (например, *il va travailler* 'он будет работать') и настоящее время (*je travaille*), — которые могут описывать ситуации в будущем. Выяснилось, что синтетическое будущее в контекстах типа (5d) («более удаленное будущее») примерно в десять раз более частотно, чем конструкция с *aller*. В контекстах типа (5а) частотность этих форм различается в шесть раз, но уже в пользу *aller*. Настоящее время показывает трехкратный перевес (5а) по сравнению с (5d). По параметру «когнитивное основание» картина складывается менее отчетливая. У синтетического будущего предиктивные, (4с), и интенциональные, (4а) + (4б), употребления распределены примерно поровну; у *aller* несколько выделяется (4б), а у настоящего времени — (4а).

Выявление таких тенденций и закономерностей, безусловно, крайне важно. Однако из них, к сожалению, вытекает крайне мало семантических обобщений в строгом смысле. Предположим, что формы типа *je travaillerai* и *il va travailler* во французском языке — это действительно нечеткие категории, с размытой периферией и более плотным семантическим ядром. Для *je travaillerai*, в частности, ядро образуют предсказания об удаленных ситуациях в будущем, а для *il va travailler* — описание ближайших намерений агенса, отличного от говорящего [Dahl 2000: 316]. Вопрос, который остается без ответа в этом месте, — что обуславливает присутствие в ядре именно такой комбинации значений двух логически независимых параметров.

В этом месте велик соблазн начать псевдосемантические рассуждения: удаленное будущее менее подвержено планированию, поэтому, когда мы говорим о нем, мы подаем наше высказывание как чистое предсказание, а не как изложение наших собственных намерений или намерений третьих лиц. Но если бы это было так просто, действие этого принципа прослеживалось бы в дистрибуции любой категории с временной референцией к будущему более или менее в любом языке. Между тем, по всей видимости, это не так. Испанское синтетическое будущее по параметру (4) похоже на французское: оно имеет приблизительно такое же частотное распределение предиктивных и интенциональных контекстов. Однако с точки зрения временной дистанции оно предпочитает (5б) и (5с), а в контекстах (5d) его частотность, напротив, значительно падает [Dahl 2000: 315–318].

Становится ясно, что описание футуральных грамматических показателей, к которому подводит нас методология с двумя параметрами, распределенными по предложениям FTRQ, упускает какие-то существенные семантические обобщения.

Примечательно, что в [Dahl 2000] вовсе не упоминается тот параметр, который стоит за описаниями различия татарских будущих времен в тюркологической литературе, а именно: параметр «категоричности» или «неопределенности», отмеченный, в частности, у Д. Г. Тумашевой [Тумашева 1986: 54–57]².

² «Форма на *-ачак*, — пишет Д. Г. Тумашева, — обозначает действие, следующее за моментом речи и сопровождаемое модальным значением категоричности» [Тумашева 1986: 57]. «Синтагматические значения» формы на *-р*,

Этот параметр явно имеет модальную природу, однако сделать его в достаточной степени эксплицитным крайне трудно. Связана ли категоричность с эпистемической оценкой вероятности пропозиции, с ее ожидаемостью или с каким-то еще модальным понятием? Понимая модальность как квантификацию по возможным мирам (см. внушительную литературу по предмету, в первую очередь [Portner 2009] и [Kratzer 2012]), должны ли мы анализировать будущее как квантор всеобщности, квантор существования или, возможно, как квантор типа *большинство*? Если будущее — это модальный оператор, то какова модальная база и упорядочивающее множество для этого оператора? Как модальность соотносится с идеей намеренности, которой оперируют параметры в (4a—c)? Э. Даль и его коллеги не обсуждают эти вопросы (вероятно, предполагая, что «категорическая модальность», о которой толкуют грамматики, или сводима к намеренности, или по крайней мере выводима из нее).

3. Семантика будущего

Последовательный модальный анализ системы показателей временной референции к будущему в теоретико-модельных терминах предлагается в [Copley 2009], одной из самых полных и формальных семантических теорий будущего времени из сегодня имеющихся. Теория Б. Копли опирается преимущественно на материал английского языка, однако обсуждаются и турецкие данные, имеющие к нашему сюжету более непосредственное отношение.

Минимально входя в детали, мы изложим общие идеи этой теории. Б. Копли различает два типа категорий — собственно «ф у т у р у м ы» (futures) и «ф у т у р о д ы» (futurates). В английском языке ко второй категории относятся употребления прогрессива и простого настоящего, иллюстрируемые в (9) и (10). В русской традиции и те, и другие обычно называются *настоящим запланированного будущего*.

(9) *John is working tomorrow.*

(10) *John works tomorrow.*

Английские футурумы также распадаются, согласно Б. Копли, на две разновидности, представленные в (11)—(12). В известной русскому типологически-ориентированному читателю терминологии (11) часто называется проспективом.

(11) *John is going to work tomorrow.*

(12) *John will work tomorrow.*

Все четыре иллюстрируемых в (9)—(12) способа описания ситуации в будущем имеют общий семантический компонент. Это модальный оператор, который Б. Копли обозначает как ALL_b . Его функция — универсальная квантификация по возможным мирам. Оператор устанавливает отношение между четырьмя объектами — временным интервалом, возможным миром, предикатом над возможными мирами и сущностью, которая называется Повелитель (director). ALL_b показан в определении (13), где используется несколько более неформальный метаязык, чем в исходном тексте Б. Копли.

(13) Предложение вида $ALL_b(d)(Q)$ истинно в мире w на интервале t тогда и только тогда, когда в любом мире w' , метафизически доступном из мира w на интервале t и совместимом с обязательствами Повелителя d в мире w на интервале t , имеет место $Q(w')$

Определение (13) содержит два существенных понятия: Повелитель и метафизически доступный мир. Понятие метафизически доступного мира просто: для любого мира w и интервала t метафизически доступны все миры, которые идентичны миру w по t не включительно. Иными словами, для любого мира метафизически доступны те миры, которые разделяют с ним прошлое, но, возможно, различаются будущим.

Модальный оператор ALL_b , представленный в определении (13), — общий элемент предложений в (9)—(12). Любое высказывание о будущем, согласно Б. Копли, — это высказывание о метафизически доступных мирах. Например, (10) истинно в нашем мире в 15:32 8 июня 2016 года, если во всех мирах, идентичных нашему до этого момента, Джон работает на некотором интервале, расположенном внутри 9 июня 2016 года.

К (13) прилагается пресуппозиция (14):

(14) Повелитель направляет пропозицию p в мире w на интервале t .

с другой стороны, — «будущее действие с оттенком предположительности» и «категоричность действия» [Тумашева 1986: 55].

(14) раскрывается в определении (15):

(15) Повелитель направляет пропозицию p в мире w в момент t (где пропозиция — это множество миров), если и только если с точки зрения истинности p множество метафизически доступных миров, в которых все происходит в соответствии с волей Повелителя в w и t , совпадает с множеством всех метафизически доступных миров

Согласно (15), метафизически доступные миры, которые подвергаются квантификации с помощью модального элемента ALL_b, и миры, в которых реализуются желания повелителя, — это одни и те же миры. Иными словами, Повелитель обладает способностью сделать метафизически доступные миры такими, какими он хочет их видеть. Например, когда начальник говорит подчиненным предложение (10), он исходит из того, что именно от его воли зависит будущее Джона (и подчиненные знают это).

Повелитель может быть ясен из контекста, но может и совпадать с актантом предиката. Наиболее естественное понимание (10) — с контекстно-зависимым повелителем. Но (10) с равным успехом описывает и ситуацию, в которой все происходит в соответствии с планами и предназначениями агенса, т. е. Джона.

Повелитель фигурирует не только в пресуппозиции в (14), но и в асертивной части модального оператора в (13). Первая требует, чтобы Повелитель был в состоянии обеспечить реализацию своих желаний во всех метафизически доступных мирах. Вторая гарантирует, что у Повелителя есть нацеленность на то, чтобы так и произошло.

Повелитель, согласно Б. Копли, имеет две ипостаси: это или одушевленный агент, наделенный волей и способностью к целеполаганию, или то, что можно обозначить как порядок вещей. (9)—(12) и (17b) при наиболее естественном понимании соответствуют первой возможности. Примеры второй возможности показаны в (16) и (17a):

(16) *The meteorite impacts tomorrow at 5:13 a.m.*

‘Метеорит столкнется с Землей завтра в 5:13 утра’.

(17) *I think that I will go to Harvard Square tomorrow...*

‘Я думаю, что я пойду завтра на Гарвард-сквер...’

a. *...I've been meaning to get some shopping done.*

‘Была мысль заняться легким шопингом’.

b. *...that's just the kind of thing I might do.*

‘Бывает со мной такое’.

Уверенность говорящего в том, что ситуация в будущем осуществится, может происходить из двух источников, подытоживает Б. Копли [Copley 2009: 61]. Один источник — информация о том, что некто (возможно, агент, возможно, другое лицо, возможно, он сам) способен обеспечить реализацию события и имеет намерение или обязательства сделать это. Другой источник — знания о том, что ситуация в будущем обусловлена имманентными свойствами мироздания. Нетрудно увидеть, что такой анализ очень близок к идеям Э. Даля о том, что все множество футуральных контекстов распадается без остатка на интенциональные и предиктивные. Интенциональное будущее Э. Даля — это будущее с одушевленным Повелителем у Б. Копли. Предиктивное будущее — это когда Повелитель представляет собой естественный порядок мироздания.

Мы перечислили семантические компоненты, которые (иногда с несущественными нюансами) Б. Копли полагает общими для всех типов предложений, описывающих будущее. С чем связаны различия?

Различия внутри футурумов (т. е. между *will* и *be going to*) и футуроидов (т. е. между простым настоящим и прогрессивом) сводимы, полагает Б. Копли, к аспектуальности. Ее аргумент, касающийся футурумов, строится вокруг ограничения, иллюстрируемого в (18):

(18) Контекст: Профессор обращается к студентам в конце семинара:

— Граждане, а кто теперь сварит нам всем кофе?

Один из студентов проявляет инициативу:

a. — *I will make coffee.*

b. — *#I am going to make coffee.*

‘Я сварю кофе’.

(18a) — это предложение говорящего возложить на себя варку кофе. (18b), с другой стороны, — не предложение и вообще не ответ на запрос профессора. Это информация о том, что запрос был излишним, поскольку говорящий планирует варить кофе независимо от него. Речевой акт предложения, таким образом, возможен с *will*, как в (18a), но невозможен с *be going to* в (18b).

Объяснение Б. Копли складывается из двух компонентов: условия уместности речевого акта предложения и того обстоятельства, что (18b) — это форма прогрессива.

Перечислим сначала условия уместности. Во-первых, любое предложение ('давай я сделаю для тебя р') уместно постольку, поскольку слушающий хочет, чтобы имело место р. Клауза, выражающая предложение, таким образом, имеет (чаще всего непроизносимый) условный компонент:

(19) Если ты хочешь р, я сделаю р

Во-вторых, предложение является предложением только тогда, когда р не навязывается слушающему помимо его воли. Кроме (19), должно выполняться условие в (20):

(20) Если ты не хочешь р, я не сделаю р.

Произнося предложение вида (18a), говорящий сообщает: «Во всех метафизически доступных мирах, в которых ты хочешь, чтобы р, по моей воле будет р. В соответствии с (20), во всех метафизически доступных мирах, в которых ты хочешь, чтобы было не-р, по моей воле будет не-р».

Важная интуиция носителей английского языка состоит в следующем: (19) совместимо и с (18a) и с (18b). Однако (20) и (18b) ощущаются как несовместимые (или, по крайней мере, как некогерентные) утверждения. Именно этим обусловлена семантическая аномальность (18b) как предложения. Понять, почему это так, помогает второй, аспектуальный компонент теории.

Согласно предположению Б. Копли, в форме с *be going to* поверх модального оператора применяется оператор прогрессива. Форма с *will* содержит только оператор ALL_b . Это показано в (21a-b):

(21) a. $be\ going\ to \equiv [\dots [\dots PROG [\dots ALL_b [\dots]]]]$
 b. $will \equiv [\dots [\dots [\dots ALL_b [\dots]]]]$

Семантика предложения с *will*, соответственно, получается применением оператора ALL_b к пропозиции 'я сварил кофе'. Это дает (22):

(22) Предложение (18a) истинно в мире w на интервале t тогда и только тогда, когда в любом мире w' , метафизически доступном из мира w на интервале t и совместимом с обязательствами Повелителя d в мире w на интервале t , имеет место ситуация 'я сварил кофе'

Семантика предложения (18b) получается, согласно предположению, дополнительным применением оператора прогрессива. Б. Копли [Copley 2009: 50] использует немодальную версию этого оператора.

(23) Пропозиция $PROG\ p$ истинна в мире w на интервале t , если пропозиция p истинна в этом же мире на интервале t' , $t \subset t'$ и t — неначальный подынтервал t' .

В рассматриваемой конфигурации роль p играет пропозиция в (22), которая получается соединением модального оператора ALL_b со своими аргументами. Применяя (23) к (22), мы получаем следующее описание значения предложения (18b):

(24) Предложение (18b) истинно в мире w интервале t тогда и только тогда, когда в мире w имеется интервал t' , $t \subset t'$ и в любом мире w' , метафизически доступном из мира w на интервале t' и совместимом с обязательствами Повелителя d в мире w на интервале t' , имеет место ситуация 'я сварил кофе'

Сравним два множества миров, подвергающихся квантификации. И в том и в другом случае во всех квантифицируемых мирах имеет место ситуация 'я сварил кофе'. Однако в (24) квантификации с помощью ALL_b подвергается большее множество миров, чем в (22).

Действительно, в (24) ALL_b оперирует на большем интервале (t'), чем в (22) (t). Согласно определению прогрессива в (23), этот больший интервал с необходимостью начинается раньше. Следовательно, у миров, по которым происходит квантификация в (24), более короткое общее прошлое. Более короткое общее прошлое означает больше метафизических альтернатив. Это показано на Схемат 1 и 2, где альтернативы изображаются как ветвящиеся линии:

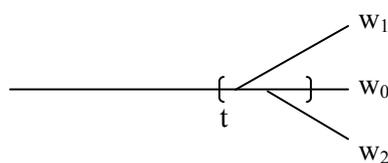

Схема 1

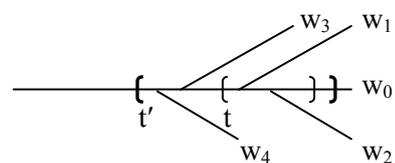

Схема 2

До объяснения несовместимости предложения (18b) с утверждением в (20) остается один шаг. (19) имеет логическую структуру, приведенную в (25) (непроизносимая условная клауза сделана в нем эксплицитной):

$$(25) p(w)(t) = 1 \Rightarrow \text{PROG ALL}_b(d)(q)(w)(t)$$

где $p =$ ‘ты хочешь, чтобы я сделал кофе’, а $q =$ ‘я сделал кофе’

Условие (20) применительно к интересующему нас предложению имеет структуру, которая показана в (26):

$$(26) \neg p(w)(t) = 1 \Rightarrow \text{ALL}_b(d)(\neg q)(w)(t)$$

Возьмем мир w и интервал t , где $p(w)(t) = 1$. Для w и t нет метафизически доступных миров, где $\neg p$: с точки зрения p они все должны быть устроены одинаково. $\neg p$ метафизически доступно только в прошлом по отношению к t , как показано на *Схеме 3*. В прошлом у мироздания были возможности развиваться по линии $\neg p$, но после того, как наступило p , они, естественно, закрылись.

Теперь предположим, что (25) в целом истинно в мире w на интервале t и, следовательно, $\text{PROG ALL}_b(d)(q)(w)(t)$ истинно в w и t . Согласно (24), в этом случае в w есть интервал t' , $t \subset t'$, такой, что все миры, метафизически доступные на этом интервале, — это миры, в которых верно q . Это показано на *Схеме 4*.

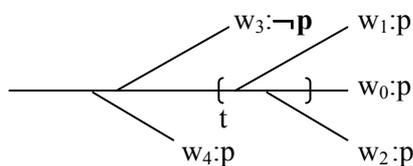

Схема 3

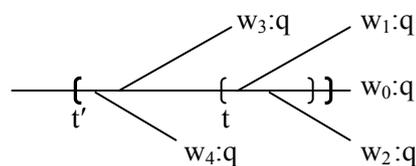

Схема 4

Но поскольку t' простирается в прошлое, в котором $\neg p$ метафизически доступно, среди q -миров, о которых идет речь, могут оказаться $\neg p$ -миры. Это показано на *Схеме 5*, которая представляет собой контаминацию *Схем 3* и *4*. Мир, где q имеет место одновременно с $\neg p$, — это w_3 .

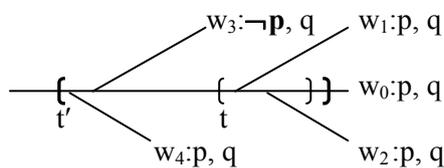

Схема 5

В этом случае, однако, оказывается, что (20)/(26) ложно. (20)/(26) требует, чтобы все релевантные $\neg p$ -миры были $\neg q$ -мирами, однако на *Схеме 5* это не так: требование нарушается для мира w_3 .

В переводе на русский язык это означает следующее. Чтобы осуществился речевой акт предложения ‘я сделаю кофе’, должны выполняться два условия: ‘я сварю кофе, если ты хочешь этого’ и ‘я не сварю кофе, если ты не хочешь этого’. Однако выбор формы *с be going to* нарушает второе условие. Выбирая эту форму, говорящий сообщает: ‘Я сварю кофе (q) и в том случае, если ты хочешь этого (p , миры w_0 — w_2 , w_4 на *Схеме 5*), и в том случае, если ты не хочешь этого ($\neg p$, мир w_3).

Это объясняет, почему *be going to* звучит аномально в качестве предложения. Согласно Б. Копли, контекст этого типа — едва ли не единственный, где дистрибуция *will* и *be going to* близка к дополнительной.

Несколько слов о том, чем различаются футурумы в целом и футуроиды в целом. Самое яркое отличие футуроидов (о котором, правда, Б. Копли пишет вскользь и которое она не анализирует) — то, что у них есть ограничение, которого нет у футурумов. Оно иллюстрируется контрастом в (27)—(28):

- (27) a. *It is raining tomorrow.
- b. *It rains tomorrow.

- (28) a. It is going to rain tomorrow.
- b. It will rain tomorrow.

(27) предлагает принять к сведению, что мир устроен так, будто в нем есть инстанция, от воли которой зависит, будет ли завтра дождь. Поскольку здравый смысл подсказывает нам, что на самом деле та-

кой инстанции нет, предложения (27a—b) звучат как семантически аномальные. В (28a—b) аналогичного эффекта не возникает.

Вопрос о том, за счет чего возникает различие между футурами и футуроидами, которое мы видим в (27)—(28), сопротивляется быстрым и простым ответам. В частности, неверен самый напрашивающийся ответ: завтрашний дождь, в отличие, скажем, от завтрашней работы, нельзя запланировать. Говоря словами Б. Копли, (27a—b) не могут быть неприемлемы потому, что в нашем мироздании невозможен такой Повелитель, который направляет пропозицию ‘завтра будет дождь’. Падение метеорита в (16) невозможно запланировать в той же степени, что и дождь, однако проблемы с Повелителем не возникает. Дело в том, заключает Б. Копли, что за падение метеорита отвечают регулярные, систематические, законоподобные аспекты мироздания: зная координаты метеорита, его массу, скорость и т. д., мы можем с точностью предсказать время и место падения. Дождь, напротив, зависит от случайных, однократных, невоспроизводимых от ситуации к ситуации обстоятельств.

Эти соображения кажутся интуитивно убедительными, однако сделать интуицию эксплицитной крайне трудно, и в [Copley 2009] такая попытка даже не предпринимается. В [Copley 2014] Б. Копли подходит к проблеме с другой стороны — со стороны структуры каузальной цепочки, связывающей ситуацию из экстенционала предиката и некоторое другое положение дел. Не имея возможности обсудить это подробно, мы отсылаем читателя к первоисточнику.

Идеи, высказанные в [Copley 2014], отчетливо перекликаются с более ранней работой [Vet 1994], использующей метаязык теории репрезентации дискурса. Теория предполагает трехчленное противопоставление, определяемое следующими двумя параметрами:

- (29) а. Наличие в актуальном мире ситуации, которая каузирует ситуацию из экстенционала предиката.
 б. Временная локализация такой ситуации в прошлом или настоящем.

Система будущих времен, соответственно, принимает следующий вид:

- (30) Каузирующая ситуация локализована в прошлом: футуроиды
 Каузирующая ситуация локализована в настоящем: *be going to*
 Информация о каузирующей ситуации не входит в содержание пропозиции: *will*

Когда используются футуроиды («настоящее запланированного будущего») типа (9)—(10), говорящий, делая утверждение о ситуации e в будущем, опирается на знание о ситуации e' , которая и мела место до момента речи и которая должна повлечь за собой e , если естественный ход событий не будет нарушен. Форма *be going to* (проспективное будущее) предполагает, что утверждение о ситуации e в будущем опирается на знание о ситуации e' , которая имеет место в момент речи и которая должна повлечь за собой e , если естественный ход событий не будет нарушен. Проспектив и запланированное будущее, таким образом, различаются временной локализацией каузирующей ситуации. Если каузирующая ситуация не включается в содержание сообщения, мы имеем дело с предиктивным будущим в чистом виде: утверждение о ситуации e в будущем опирается на общие знания, логику, интуицию, но не на знание о какой-либо реальной ситуации, которая имела место до или имеет место в момент речи.

В теории такого типа проспективы и футуроиды образуют естественный класс по одному параметру: в момент речи имеет место некоторое положение вещей, ведущее к возникновению события из экстенционала предиката. Для проспектива это верно непосредственным образом, для футуроидов более опосредованным. Если каузирующая ситуация осуществилась вчера, а каузируемая последует завтра, в момент речи в физическом мире может вовсе ничего не происходить. Тем не менее, в любой временной точке верно, что мир становится ближе к реализации описываемой ситуации — просто в силу течения времени. Объединение футуроидов и проспективов в естественный класс отражается в интуитивных суждениях носителей. Носители обычно не испытывают затруднений с тем, чтобы оценить истинность футуроидов и проспективов применительно к моменту речи. Суждения о предиктивном будущем значительно более неоднозначны: многие носители отказываются охарактеризовать такие предложения как истинные или ложные в момент речи.

4. Некоторые обобщения

Совершив этот длительный и отнюдь не исчерпывающий экскурс в область семантических исследований футуральности в языках, далеких от мишарского диалекта, мы можем вернуться к мишарским данным. Вывод, который нам предстоит сделать, однако, не слишком утешителен: они не укладываются явным образом в те семантические противопоставления, которые обсуждались выше. Тем не менее, они

несколько сужают диапазон открытых возможностей, позволяя исключить значительную часть из них как эмпирически неадекватную. Мы надеемся, кроме того, что результаты этой статьи будут полезны в контексте теоретических работ татарских исследователей темпоральности, в первую очередь Д. Г. Тумашевой [Тумашева 1986] и Ф. М. Хисамовой [Хисамова 2006].

4.1. Презенс и футуроидность³

Исходя из того, что в крупных языках Европы презенсы могут функционировать как футуроиды, но не как футурумы, сходного поведения можно было бы ожидать от мишарского Презенса.

Презенс, действительно, возможен в футуроидных контекстах, в частности, в контекстах с агентивным повелителем в терминах Б. Копли. Эта возможность показана в (31):

- (31) Контекст: Начальство посылает нас в колхоз, так что
irtägä bez tütel-lär kaz-ı-bız.
 завтра мы грядка-PL копать-ST-1.PL
 ‘Завтра мы будем копать грядки’.

Выясняется, однако, что дистрибуция Презенса значительно шире. В (32)—(33) мы видим его в контекстах, где Повелитель — это естественный порядок вещей, причем наступление описываемой ситуации обусловлено не законами природы, а сочетанием единичных случайных обстоятельств.

- (32) Контекст: Дамир опасно болен.
tizdän ul ül-ä.
 скоро он умирать-ST.IPFV
 ‘Скоро он умрет’.
- (33) *irtägä jaŋğır jav-a.*
 завтра дождь идти-ST.IPFV
 ‘Завтра пойдет дождь’.

Именно в таком типе контекстов, как мы видели в (27), футуроиды невозможны. Мишарский Презенс, однако, этому ограничению не подчиняется. Из этого, по всей видимости, следует, что перед нами не футуроид или по меньшей мере не такой футуроид, который известен по языкам типа русского и английского.

4.2. Интенциональность

Текстовый пример интенционального будущего показан в (34), где используется Футурум 1.

- (34) *bıxıl bixisap minek xästär-l-ä-de-m, kat,*
 в.этом.году очень.много веник запасть-ST-PST-1.SG возвращаться.IMP
kız-ım, çab-ı-r-mın üz-eñ-ne.
 девочка-1SG парить-ST-POT-1.SG сам-2SG-ACC
 ‘В этом году очень много веников наготовила, приезжай, доченька, парить тебя буду’.

Футурум 1, однако, — не единственная возможность: в интенциональных контекстах допускаются также Презенс и Футурум 2. Они иллюстрируются в (35):

- (35) Контекст: — У Дамира незапланированный выходной. Что он планирует делать?
ul tütel-lär kaz-ı-jaçak / kaz-a.
 он грядка-PL копать-ST-FUT копать-ST.IPFV
 ‘Он будет копать грядки’.

Насколько можно судить по имеющемуся у нас материалу, наличие интенционального компонента в контексте не влияет существенно на приемлемость двух Футурумов и Презенса, хотя, возможно, сказывается на их относительной частотности.

4.3. Степень «категоричности»

Как отмечалось выше, многие грамматические описания татарского языка указывают на «категоричность» как на семантическую характеристику, определяющую дистрибуцию форм с временной рефе-

³ Разделы 1—3 опираются на полевые материалы Ю. Н. Сироткиной [Сироткина 2000].

ренцией к будущему. Попытаться придать этому понятию большую эксплицитность можно несколькими способами. Здесь мы остановимся на одном из них. Категоричность можно понимать как оценку говорящим вероятности наступления описываемой ситуации, или, проще, как степень его уверенности в том, что ситуация будет иметь место.

Оценить степень уверенности говорящего, конечно, невозможно. Однако естественно предположить, что эта степень по крайней мере частично представляет собой проекцию объективной вероятности наступления тех или других ситуаций. Соответственно, манипулируя последней, мы можем ожидать повышения и понижения приемлемости форм будущего времени, если они действительно чувствительны к этому параметру.

(36)—(41) — примеры диагностических контекстов, предполагающих очевидную асимметрию с точки зрения вероятности осуществления описываемой ситуации. В (36)—(38) более вероятно, что сломается старый, а не новый компьютер, в (39)—(41) — что урок выучит отличник, а не двоечник. Соответственно, если гипотеза о категоричности верна, можно ожидать несколько проявлений этой асимметрии.

Во-первых, при эксплицитном сравнении предпочтительности двух форм (Футурума 1 и Футурума 2) в контексте₂ выбор будет систематически склоняться к Футуруму 2 как выражающему более высокую степень уверенности говорящего. В контексте₁ будет наблюдаться противоположная тенденция. Если верно наблюдение Л. Т. Махмутовой (см. выше) о том, что в мишарском диалекте Презенс в футуральных употреблениях также приобретает значение категоричности, можно ожидать, что в контексте₂ он конкурирует с Футурумом 2, а в контексте₁, как и Футурум 2, проигрывает Футуруму 1.

Во-вторых, параллельные ожидания возникают по части первого выбора носителей при предъявлении стимульного предложения на русском языке. В контексте₁ мы ожидаем в качестве первого выбора Футурум 1, а в контексте₂ — Футурум 2. Презенс должен иметь дистрибуцию, соответствующую тем или иным способом дистрибуции Футурума 2, но не Футурума 1.

(36) Контекст₁: Компьютер только что куплен.

Контекст₂: Компьютер очень старый.

tizdän kampjutır watırl-r-r.

скоро компьютер ломаться-ST-POT

‘Компьютер скоро сломается’.

(37) Контекст₁: Компьютер только что куплен.

Контекст₂: Компьютер очень старый.

tizdän kampjutır watırl-açak.

скоро компьютер ломаться-FUT

‘Компьютер скоро сломается’.

(38) Контекст₁: Компьютер только что куплен.

Контекст₂: Компьютер очень старый.

tizdän kampjutır watırl-a.

скоро компьютер ломаться-ST.IPFV

‘Компьютер скоро сломается’.

(39) Контекст₁. Марат — двоечник.

Контекст₂: Марат — отличник.

marat dâres-lâr-ne eşl-â-r.

Марат урок-PL-ACC работать-ST-POT

‘Марат сделает уроки’.

(40) Контекст₁. Марат — двоечник.

Контекст₂: Марат — отличник.

marat dâres-lâr-ne eşl-â-jâçäk.

Марат урок-PL-ACC работать-ST-FUT

‘Марат сделает уроки’.

(41) Контекст₁. Марат — двоечник.

Контекст₂: Марат — отличник.

marat dâres-lâr-ne eşl-i.

Марат урок-PL-ACC работать-ST.IPFV

‘Марат сделает уроки’.

Ожидания не подтверждаются. В ходе работы с идиомом с. Татарский Елтан были проведено исследование первого выбора носителей, в котором участвовали 15 опрашиваемых разных возрастов. Результаты по двум предложениям показаны в *Таблицах 1—2*.

Таблица 1

Первый выбор носителей в предложениях (36)—(38)

Первый выбор	Футурум 1	Футурум 2	Презенс
Контекст ₁	5	8	2
Контекст ₂	5	10	0

Таблица 2

Первый выбор носителей в предложениях (39)—(41)

Первый выбор	Футурум 1	Футурум 2	Презенс
Контекст ₁	7	8	0
Контекст ₂	5	8	2

Как видно из таблиц, распределение футурумов по контекстам мало подвержено варьированию. В обоих диагностических случаях Футурум 2 — первый выбор большинства. В (39)—(41) (*Таблица 2*) его доля остается неизменной (8 носителей), при том что выбор некоторых при переходе от контекста₁ к контексту₂ меняется: одни отказались от первого выбора в пользу Футурума 2, другие, напротив, предпочли Футуруму 2 другую форму. В (36)—(38) выбор Футурума 2 (*Таблица 1*) в контексте₂ несколько повышается, однако не меняются предпочтения по Футуруму 1. Презенс в двух предложениях используется в общей сложности четыре раза, причем сначала исключительно в контексте₁, а затем — в контексте₂.

Думается, что, даже не применяя строгих статистических выкладок, можно заключить, что ожидаемой тенденции не прослеживается. Гипотезу о категоричности, по крайней мере наиболее очевидный ее вариант, предполагающий, что категоричность — это оценка вероятности наступления ситуации в будущем, можно отклонить.

4.4. Проспективность

Выше мы обсудили тест, с помощью которого Б. Копли разводит футурумы с *be going to* и *will* (в более привычной русскому типологу терминологии — проспектив и собственно футурум). Это невозможно использовать первый в речевом акте предложения:

- (42) Контекст: — Кто сварит нам всем кофе?
 a. *I will make coffee.*
 b. *#I am going to make coffee.*

Б. Копли отмечает, что турецкие будущие времена, морфологически идентичные татарскому Футуруму 1 и Футуруму 2, с этой точки зрения ведут себя так же, как *will* и *be going to*. Ее примеры [Copley 2009: 82] показаны в (43а—b):

- (43) a. *Ben kahve yap-ar-ım.*
 я кофе делать-AOR-1SG
 ‘Я сделаю кофе’.
 b. *#Ben kahve yap-acağ-ım.*
 я кофе делать-FUT-1SG
 ‘Я сделаю кофе’.

В качестве предложения турецкий аналог Футурума 2 невозможен; в таком контексте допускается лишь форма, соответствующая Футуруму 1, которая в турецких грамматиках обычно называется Аористом.

Мишарский диалект и, по-видимому, татарский литературный язык⁴ в этом отношении устроены так же, как турецкий:

⁴ За обсуждение и оценку литературных аналогов примеров (44)—(46) мы глубоко признательны А. М. Галиевой.

- (44) *teš-ke aš-nx min äzerl-ä-r-men.*
 полдень-DAT еда-ACC я готовить-ST-POT-1.SG
 ‘Обед я приготовлю’.
- (45) *teš-ke aš-nx min äzerl-i-m.*
 полдень-DAT еда-ACC я готовить-ST-IPFV-1.SG
 ‘Обед я приготовлю’.
- (46) *#teš-ke aš-nx min äzerl-ä-jäčäk-men.*
 полдень-DAT еда-ACC я готовить-ST-FUT-1.SG
 ‘Обед я приготовлю’.

В контексте предложения допускается Футурум 1 и Презенс в (44)—(45), тогда как Футурум 2 в (46) воспринимается носителями не как предложение возложить на себя приготовление обеда, а как информация, что это и так закреплено за говорящим.

Говорят ли примеры типа (46) о том, что Футурум 2 представляет собой татарский аналог форм типа английского проспектива?

Положительный ответ на этот вопрос подкрепляется характером интерпретации, которую может иметь аналитическая форма Футурума-в-прошедшем, образующаяся соединением Футурума 2 с вспомогательным глаголом *ide* ‘AUX-PST’:

- (47) *direkter däres-lär-ne almaštır-ačak i-de.*
 директор урок-PL-ACC заменять-FUT AUX-PST
 ‘Директор должен был / собирался отменить уроки’.

В (47) предложение описывает, по выражению [ТГ 1993: 124], «реальное будущее действие, соотношенное с определенным моментом прошлого». В (47) имеется такой интервал в прошлом, что после него должна была осуществиться ситуация ‘директор отменил уроки’. Эта та же самая интерпретация, которую Футурум имеет без вспомогательного глагола, только сдвинутая на шаг в прошлое.

Футурум 1 при соединении со вспомогательным глаголом ведет себя иначе: он создает контрфактическое предложение:

- (48) *ukrtučx kil-mä-gän bul-sa direkter däres-lär-ne almaštır-x-r i-de.*
 учитель приходить-NEG-PFCT быть-COND директор урок-PL-ACC заменять-ST-POT AUX-PST
 ‘Если бы учитель не пришел, директор отметил бы уроки’.

В отличие от (47), (48) содержит указание на то, что ситуация ‘директор отменил уроки’ не имеет места в актуальном мире. Кроме того, временная интерпретация (48) не ограничена прошлым, как видно из сравнения (49) и (50).

- (49) *??irtägä direkter däres-lär-ne almaštır-ačak i-de.*
 завтра директор урок-PL-ACC заменять-ST-POT AUX-PST
 ‘Завтра директор собирался отменить уроки’.
- (50) *...irtägä direkter däres-lär-ne almaštır-x-r i-de.*
 завтра директор урок-PL-ACC заменять-ST-POT AUX-PST
 ‘... завтра директор отменил бы уроки’.

Таким образом, в случае с формой на *-r ide* мы имеем дело, как это обычно и бывает у контрфактивов, с так называемым «фальшивым прошедшим» [Iatridou 2000: 234 et seq.]. У формы на *-ačak ide* грамма прошедшего времени имеет обычную интерпретацию.

Все это в высшей степени характерно для футурумов типа *will* и проспективов типа *be going to*. У *be going to* вспомогательный глагол *be* отвечает за временную интерпретацию точно так же, как и в других конструкциях:

- (51) *He was going to come.*

Would, прошедшее время от *will*, напротив, создает контрфактические предложения — практически так же, как в татарском языке⁵:

⁵ Единственное различие: формы с *would* имеют более строгие ограничения на временную интерпретацию. У нестативных глаголов, например, форма вида “*would V*” описывает контрфактическое положение дел в будущем, а “*would have V-ed*” — в прошлом.

- (52) *If he left earlier, he would come on time.*
 ‘Если бы он вышел пораньше, он бы пришел вовремя’.

Есть, однако, и причины сомневаться в том, что Футурум 2 — полный аналог английского проспектива.

Во-первых, оценивая истинность предложений с Футурумом 1 и Футурумом 2 применительно к моменту речи, носители испытывают одни и те же затруднения — такие, как в случае с английским футурумом на *will*. Высказывания с футурумами не воспринимаются как высказывания о настоящем, и, соответственно, оценить их истинность применительно к моменту речи затруднительно. В этом отношении Футурум 1 и Футурум 2 ведут себя одинаково и отличаются от формы с *be going to*, которая в конечном итоге представляет собой форму настоящего времени.

Во-вторых, несмотря на то, что форма на *-açak ide* имеет употребления в (47), где прошедшее время интерпретируемо, она допускает и контрфактические употребления, где почти неотличима от формы на *-r ide*. К сожалению, у нас нет данных по мишарскому диалекту, однако [ТГ 1993] дает безусловные примеры такой возможности для литературного языка⁶:

- (53) *Фалина урам-га чык-са, ялгыз-ы бул-ачак и-де.*
 Фалина улица-DAT выходить-COND один-3SG быть-FUT AUX-PST
 ‘Если бы Фалина вышла на улицу, была бы одна’.

Таким образом, в общем случае вопрос о точном определении семантического содержания форм с временной референцией к будущему в мишарском диалекте пока остается открытым. В следующем разделе, впрочем, мы наметим гипотезу, касающуюся Футурума 2.

5. Футурум 2 и скрытое условие

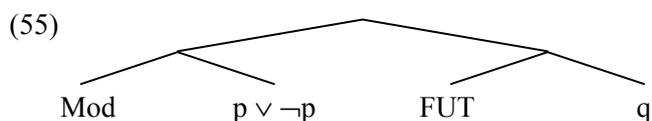
Как мы видели выше, Б. Копли объясняет невозможность *be going to p* в контекстах речевого акта предложения тем, что в таком речевом акте предполагается непроизносимый условный элемент ‘если ты хочешь p’, а также условие успешности ‘если ты не хочешь p, не будет p’. Использование формы *be going to* ведет к тому, что во множество миров, в которых наступает p, входят и те миры, где слушающий хочет, чтобы это произошло, и те, где он этого не хочет. Выполнить условие успешности оказывается невозможным. В теории Б. Копли так происходит по аспектуальным причинам: форма с *be going to* — это прогрессив.

Мы предполагаем, что в семантике мишарского Футурума 2 задействован близкий механизм, который отвечает за его сомнительность в речевом акте предложения и за семантику «категоричности». Однако, учитывая, что в морфеме *açak* нет никаких причин предполагать значение прогрессива, сценарий, который Б. Копли предлагает для *be going to*, представляется маловероятным.

Наша гипотеза о семантике конструкции с формой на *açak* представлена в (54):

- (54) Конструкции с *açak* содержат непроизносимый условный элемент вида $p \vee \neg p$, присоединяемый за пределами оператора будущего времени.

Структура предикации Футурумом 2 показана в (55):

где:

q — пропозиция, выражаемая футуральным предложением;

FUT — оператор будущего времени (= ALL_b, Б. Копли, возможно, с уточнениями и дополнениями);

p — несвязанная пропозициональная переменная;

Mod — модальный квантор, используемый при интерпретации условных предложений, чаще всего понимаемый как квантор всеобщности.

Условный компонент в (55) транслируется в значение, которое в русском языке обозначается как *при любых (релевантных) обстоятельствах* или (в разговорном регистре) *всяко*:

⁶ Дистрибуция двух татарских футурумов обнаруживает примечательное отличие от аналогичных форм в турецком языке. По данным в [Jendraschek 2014], турецкий Аорист (футурум на *-r*) в комбинации с показателем ретроспективного сдвига имеет как контрфактические, так и темпоральные прочтения, а форма *açak* — только футуральные.

(56) *Я всяко поеду в Питер* ≈ ‘Неважно имеет ли место контекстно-релевантное положение вещей *p* или нет: и в том и в другом случае я поеду в Питер’.

При такой семантике предложение (46), повторяемое как (57), имеет интерпретацию (58):

(57) *min teš-ke aš-nx äzerl-ä-jäčäk-men*
я полдень-DAT еда-ACC говорить-ST-FUT-1.SG
‘Я приготовлю обед’.

(58) а. Во всех мирах, где истинна контекстно-релевантная пропозиция *p* или ее отрицание, истинна также пропозиция [FUT ‘я приготовил обед’].
б. Пропозиция [FUT ‘я приготовил обед’] истинна в мире *w* на интервале *t* тогда и только тогда, когда в *w* имеется повелитель *d* и в любом мире *w'*, метафизически доступном из мира *w* на интервале *t* и совместимом с обязательствами Повелителя *d* в мире *w* на интервале *t*, верно, что я приготовил обед в *w'*.

Компонент [Mod [*p* ∨ ¬*p*]] придает Футуруму 2, согласно нашей гипотезе, значение, которое носители воспринимают как «категоричность». «Категоричность» при таком анализе — это метафизическая, но не эпистемическая категоричность: ‘при любых обстоятельствах’, но не ‘я абсолютно уверен’.⁷

Как объяснить сомнительность Футурума 2 в речевых актах предложения? Естественно предположить, что пропозициональная переменная *p* отождествляется с пропозицией ‘слушающий хочет, чтобы *q*’, и тогда этот случай сводится к описанному у Б. Копли. Как и в случае с *be going to*, семантика предложения с Футурумом 2 входит в противоречие с условием ‘если не *p*, не *q*’ (где *p* = ‘слушающий хочет *q*’). Единственное отличие состоит в том, что в ее теории *p* и ¬*p*-миры оказывались среди *q*-миров посредством оператора прогрессива. В (55) эта возможность встроена непосредственно в семантику Футурума 2.

Как представляется, это преимущество, а не недостаток. Футурум с *be going to* — это форма, лишенная «категоричности». Элемент ‘при любых обстоятельствах’, который Б. Копли называет *an up and a tailment*, дает о себе знать лишь в речевых актах предложений, где условный компонент возникает благодаря тому, что мы имеем дело именно с этим речевым актом. Футурум 2 — форма, в которой, согласно (58), этот компонент присутствует всегда и проявляется в любом предложении, а не только в случаях типа (57). Таким образом, нам удастся увязать семантику категоричности с ограничением на речевой акт предложения, избегая допущений, которые специфичны для английского футурума с *be going to*.

Существенный аргумент в пользу этого анализа можно извлечь из таких речевых актов, семантика которых в наилучшей степени соответствуют компоненту [Mod [*p* ∨ ¬*p*]]. А. М. Галиева указала нам на один тип речевых актов, где такое действительно происходит: это обещания, такие как (59):

(59) *min sine mänje jarat-ačak-mxn / ?jarat-x-r-mxn.*
я ты.ACC вечно любить-FUT-1.SG любить-ST-POT-1.SG
‘Я буду любить тебя вечно’.

Существенный компонент обещаний (‘я обещаю, что *q*’) — это указание на то, что говорящий приложит усилия к осуществлению *q*, независимо от того, как складываются внешние обстоятельства. Ровно это и выражает клауза [Mod *p* ∨ ¬*p*]. Тем самым уместность и даже предпочтительность Футурума 2 при выражении обещаний типа (59) дает нам важное свидетельство в пользу (55)⁸.

6. На будущее

Полный анализ должен, разумеется, решить еще целый ряд дополнительных проблем, в частности, объяснить факты, представленные в (47)—(50) и (53). Требуется установить, в частности, как из семантики, представленной в (58), возникает контрфактическая интерпретация (53) и в то же время темпо-

⁷ Эти соображения подтверждаются и тем, что Футурум 2 особенно уместен в научных прогнозах (‘Завтра в 12.35 минут случится лунное затмение’ или ‘Если груз отпустить с высоты *H*, то он упадет на землю через 3,467 сек’), на что обратила внимание А. М. Галиева. Действительно, истинность таких утверждений контекстно не обусловлена, и они удовлетворяют ограничению в (55) более или менее тривиальным образом.

⁸ В этой связи мы хотели бы всецело согласиться с замечанием одного из анонимных рецензентов «Урал-алтайских исследований», отметившего «сложность семантики футуральности, где сплетаются семы времени, модальности, прагматические установки и подвижность восприятия говорящими окружающей среды и коммуникативных установок».

ральная интерпретация в (47) и ответить на целый ряд сопутствующих вопросов. Мы однако, не будем пытаться решить эту проблему в рамках текущего описания.

Есть и другие интересные проблемы. Если анализ в (55) верен, надо установить, не возможна ли альтернативная конфигурация, где условный компонент присоединяется ниже, чем FUT. Предложение в этом случае должно иметь вид (60a) и интерпретацию (60b):

(60) a. [FUT ... [[Mod [p ∨ ¬p]] [q]]]

b. 'Будет так, что вне зависимости от того, наступит ли p или ¬ p, произойдет q'

Помимо этого, целый ряд эмпирических вопросов возникает по части интерпретации условных конструкций с Футурумом 2, в которых представлена эксплицитная условная клауза. Как содержание этой клаузы взаимодействует с имплицитным условием [Mod [p ∨ ¬p]]? Известно, что разные типы условных клауз присоединяются на разных уровнях иерархической структуры предложения. Например, каузальные клаузы ('Если идет дождь, мы не пойдем гулять') располагаются ниже, чем эпифеноменальные ('Если младенец плачет, он скоро обкакается'), ср. контраст в (61)—(62), где местоимение в зависимой клаузе связывается кванторной именной группой в главной:

(61) [?]Если его уронили, каждый младенец плачет.

(62) *Если его стошило, каждый младенец съел что-то не то.

Есть ли у Футурума 2 ограничения, связанные с этими различиями в синтаксисе условных клауз?

Эти и другие вопросы, насколько можно судить, пока не исследовались не только для татарского, но и для других тюркских языков. А это означает, что у исследования, первые результаты которого изложены выше, есть будущее. Возможно, даже не одно.

Сокращения

Глоссы

1 — первое лицо

2 — второе лицо

3 — третье лицо

ACC — аккузатив

AUX — вспомогательный глагол

COND — кондиционалис

DAT — датив

FUT — футурум

IMP — императив

IPFV — имперфектив

NEG — отрицание

PFCT — перфект

PL — множественное число

POT — потенциалис

PST — прошедшее время

SG — единственное число

ST — показатель основы

Общие

FTRQ — Future Time Reference Questionnaire, [Dahl 1985]

TMAQ — Tense-Mood-Aspect Questionnaire, [Dahl 1985]

Литература

Закамулина 2015 — Закамулина М. Н., Лутфуллина Г. Ф. Семантика и прагматика простых форм будущего времени во французском и татарском языках. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. 4. С. 223—227. {*Zakamulina M. N., Lutfullina G. F. Semantics and pragmatics of the simple future tense forms in French and Tatar. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Bulletin, 2015. №4. P. 223—227.*}

Махмутова 1978 — Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978. {*Makhmutova L. T. A study of Turkic dialects. The Mishar dialect of Tatar. M., 1978.*}

Пазельская, Татевосов forthc. — Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. М. В печати. {*Elements of Tatar in a typological perspective. The Mishar dialect / Eds. Pazelskaya A. G., Tatevosov S. G. M. Forthcoming.*}

ПКТЯ — Письменный корпус татарского языка // <http://corpus.tatar/>, 2017. {*Written corpus of the Tatar language // http://corpus.tatar, 2017.*}

Сахарова 2001 — Сахарова А. В. Настоящее-будущее время (на материале среднеазиатских тюркских языков). Дипломная работа. МГУ. Москва, 2001. {*Sakharova A. V. Present-Future tense (evidence from Middle Asian Turkic languages). Diploma paper. MSU. Moscow, 2001.*}

Сироткина 2000 — *Сироткина Ю. Н.* Категория времени в мишарском диалекте татарского языка. Технический отчет 14-2000. МГУ, филологический факультет, кафедра теоретической и прикладной лингвистики. {*Sirotkina Yu. N.* Tense in the Mishar dialect of Tatar. Technical report 14-2000. MSU, Faculty of Philology, Department of Theoretical and Applied Linguistics.}

ТГ 1993 — *Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З.* Ред. Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань, 1993. {*Zakiev M. Z., Ganiev F. A., Zinnatullina K. Z.* Ed. Tatar grammar. Vol. 2. Morphology. Kazan, 1993.}

Тумашева 1986 — *Тумашева Д. Г.* Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. Казань, 1986. {*Tumasheva D. G.* The Tatar verb. An attempt at a functional-semantic study of grammatical categories. Kazan, 1986.}

Хисамова 2005 — *Хисамова В. Н.* Глагольная система татарского языка в сравнении с английским языком. Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. {*Khisamova V. N.* Verbal system of Tatar compared to English. Ph.D. thesis. Kazan, 2005.}

Хисамова 2006 — *Хисамова Ф. М.* Татар теле морфологиясе: Югары уку йортлары өчен дәреслек. Казань, 2006. {*Khisamova F. M.* Татар теле морфологиясе: Югары уку йортлары өчен дәреслек. Kazan, 2006.}

Copley 2009 — *Copley B.* The Semantics of the Future. New York, 2009.

Copley 2014 — *Copley B.* Causal chains for futurities // Eds. *De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S.* Future Times, Future Tenses. Oxford, 2014. P. 72—86.

Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.

Dahl (ed.) 2000 — Tense and aspect in the languages of Europe / Ed. *Dahl Ö.* Berlin, 2000.

Haspelmath 1998 — *Haspelmath M.* The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica*, 1998. 15.1. P. 29—62.

Iatridou 2000 — *Iatridou S.* The grammatical ingredients of counterfactuality // *Linguistic Inquiry*. 2000. 31. P. 231—270.

Jendraschek 2014 — *Jendraschek G.* Future tense, prospective aspect, and irrealis mood as part of the situation perspective: Insights from Basque, Turkish, and Papuan // Ed. *De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S.* Future Times, Future Tenses. Oxford, 2014. P. 138—164.

Kratzer 2012 — *Kratzer A.* Modals and conditionals: New and revised perspectives. Oxford, 2012.

Portner 2009 — *Portner P.* Modality. New York, 2009.

Tatevosov 2005 — *Tatevosov S.* From habituales to futures: Discerning the path of diachronic development // Eds. *Verkuyl H., de Swart H., van Hout A.* Perspectives on Aspect. Dordrecht, 2005. P. 181—198.

Vet 1994 — *Vet C.* Future Tense and Discourse Representation // Eds. *Vet C., Veters C.* Tense and Aspect in Discourse. Berlin, 1994. P. 49—76.

РЕЗЮМЕ

В статье обсуждается система грамматических средств выражения временной референции к будущему в мишарском диалекте татарского языка. Как и во многих других языках, эти средства — Презенс, Будущее неопределенное, или Футурум 1, а также Будущее категорическое, или Футурум 2 — имеют пересекающуюся дистрибуцию и практически не образуют минимальных пар. Обсудив наработки, имеющиеся в типологической и формально-семантической литературе в связи с аналогичными системами в других языках, мы предлагаем анализ Будущего категорического в терминах имплицитной кванторной структуры с невыраженным модальным квантором всеобщности. Предложение в будущем времени представляет собой сферу действия этого квантора, а его рестриктор, также фонологически не выраженный, имеет семантику 'не важно, имеет ли место (контекстно-зависимое) положение вещей p'.

SUMMARY

The paper surveys grammatical devices of future time reference in the Mishar dialect of Tatar. As in many other languages, these devices, known as Present, Future I, and Future II, do not manifest clear semantic contrasts and exhibit overlapping distribution. After discussing existing perspectives on similar temporal systems in a variety of languages established in the typological and model-theoretic literature, I propose to analyze Future 2 as involving an unpronounced universal modal quantifier. A sentence in the future tense serves the scope of this quantifier, whereas the restrictor, phonologically silent, is analyzed, informally, as 'no matter whether p', where p is a contextually salient proposition.

Ключевые слова: временная референция к будущему, модальность, квантификация

Keywords: future time reference, modality, quantification

Татевосов Сергей Георгиевич, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

Sergei G. Tatevosov, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. Lessing F. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — Kiefer F., Gyuris B. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. Kiefer F. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. Fernandez-Vest J. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — Clark L. V. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — Doerfer G. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — Helimski E. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редакторы
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >